63.3(0)
E72

A 388/3

29.
10.

53
10

633(0)
Е-78

9(3)
Е75

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

ДРЕВНИХЪ

ПРОСВѢЩЕННЫХЪ НАРОДОВЪ

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ЦАРСТВЪ

ДО

ЛѢТОСЧИСЛЕНІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

Библиотека Тобольского Музея инв. № 4414

Сог. И. Ертова.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1825.

Печатать позволено:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.

Въ С. Петербургѣ, 31 Декабря 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

ТМ-23924/141

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Продолженіе Римской Исторіи. Внутренія смятенія и междоусобныя брани до перваго тріумвирства, или союза между Юліемъ Цесаремъ, Помпеемъ и Крассомъ. Произшествія 74 лѣтъ, отъ 133 до 59 года до Р. Х.

Главы. Стран.

I. Начало внутреннихъ смятеній и кровопролитія во время Трибун-

Главы. Стран.

ства Тиберія и Каія Гракховъ. Произшествія 14 лѣтъ, отъ 133 до 119 года до Р. Х. - - - - - 3.

II. Произшествія въ Нумидіи по смерти Масиниссы. Война противъ Югурты. Марій и Силла приходятъ въ славу. Начало вражды между ими. Произшествія 13 лѣтъ, отъ 119 до 106 года до Р. Х. - - - - - - - - - 25.

III. Нашествіе Цимбровъ и Тевтоновъ. Возмущеніе рабовъ и другія произшествія въ продолженіе 14 лѣтъ, отъ 106 до 92 года до Р. Х. - - - - - - - 38.

IV. Война союзническая въ Италіи и междоусобная между Маріемъ и Силлою, до смерти перваго.

Главы. Стран.

Произшествія 6 лѣтъ, отъ 92 до 86 года до Р. Х. - - - - 51.

V. Историческое извѣстіе о Понтійскихъ Царяхъ. Война съ Митридатомъ подъ начальствомъ Силлы. Дѣйствія его въ Греціи и Азіи. Произшествія 3 лѣтъ, отъ 87 до 84 года до Р. Х. - - 79.

VI. Произшествія въ Римѣ по смерти Маріевой. Силла прибываетъ въ Италію, разгоняетъ выставленныя противъ его арміи, казнитъ приверженныхъ къ противной сторонѣ, получаетъ чинъ безсмѣннаго Диктатора, исправляетъ законы и переходитъ въ состояніе простаго гражданина. Смерть и погребеніе его. Произшествія 6 лѣтъ, отъ 84 до 78 года до Р. Х. - - - - - 97.

Главы. Стран.

VII. Конецъ первой междоусобной брани, противъ Лепида въ Италіи и Серторія въ Испаніи. Возмущеніе рабовъ въ Италіи подъ начальствомъ Спартака. Произшествія 7 лѣтъ, отъ 78 до 71 года до Р. Х. - - - - - - 122.

VIII. Вторая война противъ Митридата и Тиграна, подъ начальствомъ Лукулла, и дѣйствія его въ Азіи. Произшествія 7 лѣтъ, отъ 74 до 67 года до Р. Х. - 137.

IX. Совмѣстничество Помпея и Красса. Война противъ морскихъ разбойниковъ, и окончаніе войны противъ Митридата и Тиграна, подъ начальствомъ Помпея. Произшествія 5 лѣтъ, отъ 68 до 63 года до Р. Х. - - - - - - - 158.

X. Начала жизни и службы Юлія Цесаря. Заговоръ Катилины. Кон-

Главы. Стран.

сульство Цицерона и другія внутреннія произшествія послѣднихъ 4 лѣтъ, до Консульства Юлія Цесаря, отъ 63 до 59 года до Р. Х. - - - - - - - - - 178.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

РИМСКОЙ ИСТОРІИ.

ВНУТРЕННІЯ СМЯТЕНІЯ

И

МЕЖДОУСОБНЫЯ БРАНИ ДО ПЕРВАГО ТРІУМВИРСТВА, ИЛИ СОЮЗА МЕЖДУ ЮЛІЕМЪ ЦЕСАРЕМЪ, ПОМПЕЕМЪ И КРАССОМЪ.

Произшествія 74 лѣтъ, отъ 133 до 59 года до Р. Х.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало внутреннихъ смятеній и кровопролитія во время Трибунства Тиберія и Каія Гракховъ. Произшествія 14 лѣтъ, отъ 133 до 119 года до Р. Х.

Два брата, Тиберій и Каій Гракхи, были первые Трибуны, при которыхъ жаркіе споры въ правительствѣ доведены были съ противной стороны до кровопролитія. Нельзя сказать, чтобъ они были причиною произшедшихъ въ послѣдствіи чрезвычайныхъ потрясеній и междоусобныхъ браней, низпровергнувшихъ настоящій образъ правленія. Развращеніе нравовъ дошло уже до такой степени, что всякое исправленіе казалось насиліемъ, и всякія мѣры къ уничтоженію законнаго порядка почитались позволенными.

Тиберій и Каій Гракхи, рожденные отъ Корнеліи, дочери Сципіона Афри-

канскаго 1-го, получили воспитаніе, соотвѣтственное знатному ихъ роду подъ надзоромъ и попеченіемъ матери своей. Тиберій былъ девятью годами старѣе своего брата, вступилъ въ службу ранѣе и напалъ на истребленіе вкоренившихся пороковъ прежде возмужалости своего брата, что частію было причиною, что они въ одинаковомъ дѣлѣ погибли въ разное время по одиначкѣ.

Первая причина, подавшая поводъ Тиберію вооружиться на богатыхъ и патриціевъ, произошла въ Испаніи. Мы уже видѣли, что онъ, будучи Квесторомъ при Консулѣ Манцинѣ, заключилъ съ Нумантійцами мирный договоръ, котораго Сенатъ не подтвердилъ, и опредѣлилъ Консула и всѣхъ, подписавшихъ трактатъ, отдать непріятелямъ. Тиберій, подкрѣпленный народомъ, почитавшимъ его спасителемъ арміи, успѣлъ дѣло свое отдѣлить отъ Консульскаго, и всю вину возложить на одного Консула.

Съ сего времени Тиберій, несправедливо обиженный Сенатомъ, отложился отъ него и, сдѣлавшись народнымъ Трибуномъ, предложилъ возстановить за-

конъ Лициніевъ, которымъ запрещалось одному лицу имѣть земли болѣе 500 десятинъ. Причина, побудившая его къ возстановленію сего закона, была частію справедлива. Богачи захватили почти всѣ, какъ казенныя, такъ и частныя земли бѣдныхъ гражданъ въ свои руки и, воздѣлывая ихъ множествомъ рабовъ, роскошничали ко вреду народныхъ нравовъ; напротивъ того бѣдные граждане, занятые по большей части службою, не имѣли времени обработывать полей своихъ и, находясь часто въ отдаленныхъ походахъ, принуждены были оставлять ихъ безъ присмотра. Богатые воспользовались и симъ достояніемъ. Они пригородили впустѣ оставленныя земли къ своимъ владѣніямъ и, воспользуясь давностію времени и смертію падшихъ за отечество настоящихъ владѣльцовъ, почли сіе хищничество законною своею собственностію. Тиберій, проѣзжая по долгу службы нѣсколько разъ Италію, видѣлъ сіи злоупотребленія и, сжалясь надъ состояніемъ бѣднаго народа, хотѣлъ облегчить его участь. Впрочемъ зная, сколь трудно согласить богачей на отдачу народу присвоенныхъ ими земель, предложилъ за всѣ въ про-

тивность Лициніева закона присвоенныя земли выдать настоящимъ владѣльцамъ деньги изъ общенародной казны, и раздѣлить оныя бѣднымъ гражданамъ. Законъ и справедливость могли быть на сторонѣ сего предложенія. Но не такъ думали богачи о своемъ хищеніи. Они на оборотъ сочли Тиберія нарушителемъ общаго спокойствія, но будучи не въ состояніи противится доказательствамъ и сильной его партіи, уговорили одного Трибуна Октавія, не соглашаться съ Тиберіемъ и чрезъ то сдѣлать не дѣйствительнымъ предложеніе его.

Разгнѣванный Тиберій предложилъ другое узаконеніе, гораздо жесточайшее, именно оставить владѣльцамъ закономъ опредѣленное количество земли, а излишную отобрать въ пользу бѣдныхъ безъ всякаго вознагражденія. Онъ просилъ Октавія согласиться съ нимъ въ предложеніи, и обѣщалъ заплатить ему за излишную землю собственныя свои деньги; но не получивъ въ томъ успѣха, издалъ указъ, остановить всѣ судебныя дѣла, закрыть казначейства, доколѣ дѣло о земляхъ не будетъ рѣшено народомъ. Столь велика была власть народныхъ

Трибуновъ! въ назначенный день собранія противная сторона унесла ящики съ ерлыками, употребляемыми на подачу голосовъ. Народъ пришелъ отъ того въ сильное волненіе. Консулы, предвидя непріятныя послѣдствія, упросили Тиберія явиться въ Сенатъ для общаго о семъ дѣлѣ сужденія. Но тамъ сильная партія богачей не допустила рѣшить дѣло. Послѣ сего Тиберій преступилъ за предѣлы данной и присвоенной Трибунами власти. Онъ предложилъ Октавію, чтобъ одинъ изъ нихъ сложилъ съ себя должность, и когда Октавій не согласился, то Тиберій по приговору народнаго собранія отрѣшилъ его и согналъ съ кафедры. Симъ поступкомъ Тиберій ослабилъ силу закона, по которому особа народнаго Трибуна была неприкосновенна. Въ слѣдъ за тѣмъ, утвердивъ предложеніе свое народными голосами, назначилъ себя, тестя и брата Каія для размѣжеванія земель и раздѣла оныхъ въ сходственность узаконенія.

Сенатъ и вся противная сторона, невозмогши отклонить предложенія, начали мстить Тиберію низкими мѣлочами. Они съ презрѣніемъ приняли его въ

Сенатѣ, отказали въ палаткѣ, отпускаемой обыкновенно коммисарамъ при полевыхъ должностяхъ, и положили ему столовыхъ денегъ по 9 ассовъ на день. Столь явное презрѣніе, и особливо случившаяся скоропостижная смерть одному изъ сообщниковъ Тиберіевыхъ, устрашили его. Не почитая себя въ безопасности отъ мщенія противной стороны, Тиберій, одѣвшись въ траурное платье и приведя дѣтей своихъ на площадь, просилъ народъ не оставить сиротъ въ случаѣ его смерти.

Такая поддѣлка служила къ раздраженію народа противъ перваго сословія, и не могла оставаться безъ ненависти къ настоящему виновнику. Случилось въ то же время, что Атталъ Царь Пергамскій, умирая бездѣтенъ и предвидя, можетъ быть, неминуемое паденіе Царства отъ могущества Римскаго, отказалъ въ духовномъ завѣщаніи въ пользу Римлянъ имущество свое. Когда прочитали всенародно сіе завѣщаніе, Тиберій предложилъ наличную казну Царя Пергамскаго раздѣлить на заведеніе земледѣльческихъ орудій тѣмъ гражданамъ, которыхъ предположено было наградить

землями. Симъ предложеніемъ злоба богатыхъ на Тиберія распалилась еще болѣе, ибо они изъ сего богатаго наслѣдства не могли уже получить ни какого участка.

По сіе время дѣйствія Тиберія, хотя пристрастныя, прикрываемы были, по крайней мѣрѣ, ревностію къ возстановленію ослабѣвшихъ законовъ. Но Тиберій, дѣйствуя по страсти, не умѣлъ воздержаться въ правилахъ должнаго благоразумія. На другой годъ, желая привести къ концу преобразованіе свое, захотѣлъ продлить себѣ Трибунскую должность, и даже опредѣлить Консуломъ тестя своего Аппія Клавдія; богатые напротивъ того брали сильныя мѣры, чтобъ выборъ палъ на такихъ людей, которые преданы были ихъ партіи. Назначенный день для избранія Трибуновъ прошелъ въ жаркихъ спорахъ такъ, что невозможно было слышать рѣчей въ собраніи. На другой день, когда Тиберій, окруженный преданнымъ ему народомъ, находился въ собраніи и товарищъ его Муцій собиралъ голоса народные, подошелъ къ нему Сенаторъ Фулвій Флаккъ и сказалъ, что Патриціи и богатые,

не возмогши склонить Консула Сцеволлу на свою сторону, рѣшились сами убить его Тиберія, и для сего пригласили многихъ Кліентовъ и привели съ собою рабовъ вооруженныхъ.

Стоявшіе вблизи Тиберія тотчасъ начали готовиться къ защитѣ и, по не имѣнію оружія, схватили у сторожей палки. Самъ Тиберій, накрывъ голову рукою, давалъ знать отдаленнымъ гражданамъ, что жизнь его находится въ опасности. Непріятели его, подготовленные уже къ сему поступку, тотчасъ вскричали, что Тиберій проситъ себѣ короны. Сципіонъ Назика, начальникъ заговора, приступя къ Консулу Сцеволлѣ, требовалъ низложить тирана. Но когда Консулъ отвѣчалъ, что не согласится лишить жизни гражданина безъ суда и слѣдствія, тогда Назика, подавъ знакъ рукою, вскричалъ: граждане! кто хочетъ спасти отечество, слѣдуйте за мною. По сему приглашенію Сенаторы и прочіе капиталисты противной стороны, вооруженные толстыми палками и каменьями пошли за Сципіономъ въ народное собраніе, поражая всѣхъ противящихся ихъ шествію. Тиберій хотѣлъ

скрыться. Его схватили за тогу. Онъ, сбросивъ съ себя оную, побѣжалъ въ одной туникѣ, но запнувшись упалъ на землю и тутъ же былъ убитъ своими товарищами противной партіи. Вмѣстѣ съ нимъ побито при семъ возмущеніи до трехъ сотъ гражданъ.

Такимъ образомъ палъ Тиберій Гракхъ на тридцатомъ годѣ жизни своей, и въ первый разъ, по изгнаніи Тарквинія, пролита кровь гражданъ въ народныхъ смятеніяхъ. Историки не одобряютъ предпріятія Тиберіева, котораго не возможно было привести къ исполненію. Но судя по закону онъ меньше былъ виновенъ, нежели противники его, подавшіе примѣръ къ самовольной управѣ и къ послѣдующимъ ужаснѣйшимъ кровопролитіямъ. Самая цѣль Тиберіева, привести въ силу законъ Лициніевъ, не могла быть предосудительна. Она, ограничивая имущество частныхъ лицъ, отнимала у нихъ средства къ властолюбивымъ предпріятіямъ. Главной упрѣкъ на Тиберія состоялъ въ томъ, что онъ хотѣлъ лишить владѣльцовъ имѣнія, изстари имъ принадлежащаго и перешедшаго, можетъ быть, изъ третьихъ или

изъ четвертыхъ рукъ. Но сей упрѣкъ неоснователенъ. Когда закономъ положено не имѣть земли болѣе 500 десятинъ, то по какому праву нарушители сего закона захватили себѣ по нѣскольку тысячь десятинъ? Ни Цинцинатъ, ни Фабрицій въ прошедшее, ни Павелъ Емилій, ни Туберонъ зять его въ настоящее время, не согласились бы нарушить сего закона. Естьли же помѣщики защищались давностію владѣнія, то и самое время не можетъ загладить ихъ преступленія...

Смерть Тиберіева не утолила мщенія враговъ его. Многіе изъ сообщниковъ и пріятелей Тиберіевыхъ сосланы въ ссылку, или умерщвлены безъ всякаго суда и приговора. Однакожъ Сенатъ, опасаясь явнаго возмущенія народнаго, утвердилъ законъ Лициніевъ, но не могъ истребить ненависти къ Сципіону Назикѣ. Народъ искалъ случая къ отмщенію за смерть Тиберіеву, и Сципіонъ, не находя безопасности въ отечествѣ своемъ, принужденъ былъ подъ предлогомъ войны на Аристоника, ближайшаго наслѣдника Пергамскаго Царства, удалиться въ Азію, гдѣ и умеръ съ печали въ непродолжительномъ времени.

Каій Гракхъ, опасаясь жестокихъ гонителей и участи брата своего, жилъ нѣсколько времени уединенно, не входя въ дѣла народныя. Но какъ партія Тиберіева была очень сильна, и новые Трибуны частію слѣдовали по стезямъ его, то Каій не могъ воздержатся, чтобъ не подкрѣплять иногда рѣчами своими партизановъ Тиберіевыхъ. Карбонъ, Трибунъ народной, сильнѣе всѣхъ защищалъ дѣло его. Онъ имѣлъ по сему случаю сильную распрю съ Сципіономъ Африканскимъ 2, и какъ сей великій полководецъ, по наслѣдственной въ родѣ его гордости, не уважающей иногда правъ народныхъ, говорилъ спѣсиво о себѣ и презрительно о народѣ, то съ сего времени потерялъ къ себѣ любовь народную, и вскорѣ потомъ найденъ былъ мертвымъ на постелѣ своей. Не могли, или опасались открыть настоящихъ виновниковъ его смерти. Подозрѣніе падало, или хотѣли, чтобъ подало на Тиберіеву партію, въ томъ числѣ на Каія и сестру его супругу Сципіонову. Какъ бы то ни было, но родъ Сципіоновъ склоненъ былъ къ самовольной управѣ, и послѣдній въ ихъ родѣ знаменитый

гражданинъ сдѣлался жертвою наслѣдственной склонности.

Чрезъ семъ лѣтъ, послѣ смерти Тиберіевой, Каій братъ его, избранъ былъ Квесторомъ, и удалился въ Сардинію къ своей должности. Разсказываютъ, что предъ симъ избраніемъ Каій видѣлъ во снѣ брата своего, которой предсказалъ ему назначенную богами участь подобную своей. Каій дѣйствительно боялся городскихъ должностей и радъ былъ, что, получивъ мѣсто внѣ Италіи, будетъ находиться въ безопасности. Но видно человѣкъ не убѣжитъ отъ судьбы своей. Вскорѣ отличныя дарованія Каія, справедливость, безпристрастіе, усердіе къ должности и военныя способности обратили на него вниманіе и доставили ему отъ Сардинцовъ особенное уваженіе. Случилась въ томъ годѣ холодная зима, и Консулъ, получивъ отказъ отъ Сената на присылку войскамъ зимняго платья, принужденъ былъ, по расположенію Сардинцовъ къ Каію, поручить ему снабженіе арміи теплою одеждою. Каій съ успѣхомъ выполнилъ порученіе, и когда дошло о семъ дѣлѣ до свѣденія Римскаго Сената, то зависть и

страхъ въ присудствующихъ столь были велики, что они выслали посла, объявившаго по простодушію своему, что Сардинцы изъ уваженія къ Каію снабдили Римскую армію теплою одеждою.

Сенатъ, опасаясь присудствія Каіева въ Римѣ, продержалъ Консула въ Сардиніи два года, и на третій годъ продлилъ ему начальство въ томъ увѣреніи, что и Каій, будучи должностію неразлучно соединенъ съ Консуломъ, не можетъ отъ него отлучится. Каій видѣлъ, къ чему клонилось намѣреніе Сената и, обижаясь такою хитростію, не захотѣлъ служить третьяго года, и вдругъ прибылъ въ Римъ, когда ни кто не ожидалъ его. Друзья хулили Каія за столь самовольной поступокъ, а Цензоръ потребовалъ его къ суду за оставленіе должности. Каій оправдался доказавъ, что онъ служилъ долѣе опредѣленнаго законами срока. Были и другія къ нему придирки, но онъ отразилъ всѣ, и когда судъ надъ нимъ кончился, началъ просить себѣ Трибунскую должность.

Избраніе Каія въ Трибуны, не смотря на всѣ противорѣчія Сената, было

такимъ торжествомъ для него, какому по то время не было примѣра. Вся Италія приняла его сторону, и на выборы столько съѣхалось жителей изъ другихъ городовъ, что въ Римѣ не достало квартеръ для пріѣзжихъ; а въ день избранія, всѣ имѣющіе право присудствовать, не могли помѣститься на Марсовомъ полѣ, и многіе принуждены были подавать голоса свои, стоя на кровляхъ. Такое расположеніе къ Каію устрашило Сенаторовъ. Они предчувствовали, чего можно ожидать отъ Трибуна, столь много уважаемаго народомъ.

И дѣйствительно Каій въ скоромъ времени обнаружилъ свои мысли. Первое узаконеніе его состояло въ томъ, чтобъ Октавія, отрѣшеннаго народнымъ собраніемъ, не избирать болѣе въ службу; а Консула Попилія Лената, допустившаго безъ суда и слѣдствія гнать приверженцовъ Тиберіевыхъ, отдать подъ судъ народу. Въ слѣдъ за тѣмъ опредѣлилъ выдавать войскамъ одежду безъ вычету изъ жалованья; а обывателямъ продавать изъ казенныхъ магазиновъ хлѣбъ, по самой низкой цѣнѣ. Къ симъ узаконеніямъ присовокупилъ и другія, не мень-

ше замѣчательныя, особливо принялъ на себя попеченіе о исправленіи дорогъ, и самъ смотрѣлъ за всѣми работами. При семъ случаѣ историки замѣтили обширныя свѣденія въ Каіѣ. Окруженный беспрестанно множествомъ работниковъ, подрядчиковъ, чиновниковъ, ученыхъ и Посланниковъ, умѣлъ со всѣми обходиться по приличію.

Прочія узаконенія Каіевы клонились болѣе къ тому, чтобы умалить власть Сенатскую и усилить народную. Такое намѣреніе не могло доставить благосостоянія Риму и всѣмъ покореннымъ народамъ, а болѣе предвѣщало низпроверженіе правительства. Сенатъ, не имѣя возможности удержать Каія въ предѣлахъ благоразумія, вздумалъ ослабить власть его такою хитростію, которая въ первой разъ показалась въ исторіи. Вмѣсто того, что прежде Сенатъ всегда противился намѣреніямъ Трибуновъ, онъ поставилъ противъ Каія другаго Трибуна Ливія Друза и, заставя его еще болѣе дѣлать угожденія народу, подтверждалъ безпрекословно всѣ его предложенія. Такимъ образомъ, когда Каій предложилъ послать двѣ усадьбы въ Италію,

Библиотека Тобольского
Гос. Музея
4414

Сенатъ назвалъ его ласкателемъ народнымъ; но когда Друзъ предложилъ послать двѣнадцать усадебъ изъ бѣдныхъ Римскихъ гражданъ, Сенатъ подтвердилъ оные безпрекословно, и таковымъ снизхожденіемъ къ народу началъ пріобрѣтать потерянное къ себѣ довѣріе и уваженіе.

Въ такое время, когда правительство находилось на зыблемомъ основаніи, каждой Трибунъ старался какимъ нибудь узаконеніемъ отличить себя, и одинъ изъ нихъ Рубирій, по модѣ къ усадьбамъ, предложилъ вновь населить Карфагенъ, разрушенный Сципіономъ. Кай согласился на сіе предложеніе, не смотря на то, что подъ клятвою запрещено было возобновлять сей городъ; и по желанію ли, заслужить честь возобновителя Карфагена, или по ненависти къ Сципіону, взялся быть самъ учредителемъ сего поселенія.

Изъ сего, равно какъ и изъ прочихъ предпріятій видно, что Кай, въ сильной страсти своей, не могъ руководствоваться вѣрнымъ разсудкомъ, и самъ себѣ готовилъ пропасть, въ которую немину-

емо долженъ былъ низринуться. Оставить городъ въ такое время, когда, по множеству непріятелей, всего нужнѣе было присудствіе, доказываетъ величайшую степень его опромѣтчивости. Отсудствіе его послужило только къ охлажденію къ нему любви народной и къ умноженію власти Ливія Друза. Поздно Каій схватился, когда увидѣлъ, по возвращеніи въ Римъ, ясное тому доказательство. Всѣ усилія его къ пріобрѣтенію опять любви народной остались безполезны; и Каій, бывъ два года идоломъ народа, увидѣлъ себя на третій годъ, по хитрости непріятелей, скрывшихъ избирательные голоса, не удостоеннымъ Трибунскаго званія, а Опимія, самаго злѣйшаго врага своего, избраннымъ въ Консулы.

Каій, сдѣлавшись простымъ гражданиномъ и наживши себѣ, во время должности, множество непріятелей, не могъ уже оставаться въ безопасности. Опимій, коль скоро вступилъ въ Консульство, то и началъ уничтожать законы Каіевы, въ томъ числѣ и населеніе Карфагена. Каій сначала былъ равнодушенъ къ низпроверженію учрежде-

ній своихъ; но или Судьбѣ предоставлено было наказать его за прежнюю опрометчивость, или не могъ вытерпѣть посрамленія, рѣшился по совѣту друзей своихъ, будучи уже простымъ гражданиномъ, противиться намѣреніямъ Консула, и тѣмъ выказать себя явнымъ нарушителемъ законнаго порядка. Впрочемъ предпріятіе Каія состояло въ томъ только содѣйствіи, чтобъ, силою народныхъ голосовъ, отвергнуть постановленія Консула.

Въ назначенный день, когда обѣ противныя партіи собрались уже въ Капитолію, Консулъ, совершивъ по обыкновенію жертвоприношеніе, послалъ служителя вынести потрохи закланной жертвы. Сей, продираясь сквозь толпу противной партіи, сказалъ Фулвію, другу Каіеву: посторонитесь негодяи, дайте дорогу честнымъ людямъ. Столь обидное слово раздражило Фулвія и прочихъ товарищей его. Они бросились на служителя и убили его бывшими въ рукахъ для подачи голосовъ дощечьками. Каій встрѣвожился столь безразсуднымъ поступкомъ друзей своихъ, опасаясь непріятныхъ отъ того послѣдствій. Консу-

лы, напротивъ того, выставили сіе, вѣроятно ими же подготовленное, приключеніе за знакъ народнаго возмущенія, и на другой день, въ пышной церемоніи вынесли тѣло на площадь, въ сопровожденіи всего Сената. Сія процессія возбудила только смѣхъ въ народѣ, которой явно кричалъ, что Сенатъ, бросивъ тѣло лучшаго изъ гражданъ Тиберія въ Тибръ безъ всякаго сожалѣнія, вздумалъ не къ стати плакать по сторожѣ. Но дѣло тѣмъ не кончилось. Сенатъ поднесъ опредѣленіе Консулу: пещись о безопасности республики. Въ слѣдствіе сего Консулъ приказалъ Сенаторамъ и всадникамъ, собраться на другой день съ оружіемъ въ рукахъ, и привести съ собою дворовыхъ людей, такъ же вооруженныхъ; а Фулвію и Каію приказалъ явиться къ суду.

Ясно было видно изъ сего распоряженія, какого правосудія должно ожидать подсудимымъ. Каій далекъ былъ отъ законопротивной защиты и, возвращаясь съ площади, остановился противъ статуи отца своего, взглянувъ на оную прослезился и пошелъ домой съ печальными мыслями, предвидя неизбѣжную

погибель свою. Фулвій, напротивъ того, былъ отличнаго нрава. Онъ рѣшился отразить силу силою и, собравъ друзей своихъ и пріятелей, провелъ съ ними ночь въ веселой пирушкѣ.

По утру Фулвій, не вытрезвясь еще отъ винныхъ паровъ, вышелъ со всею дружиною своею на Авентинскую гору, и готовился дорого продать жизнь свою. Что принадлежитъ до Каія, то ни прозьбы супруги, ни слезы дѣтей, не могли склонить его на приведеніе себя въ безопасность. Онъ не захотѣлъ скрыться и, взявъ съ собою одинъ кинжалъ, вышелъ такъ же на площадь. Не желая навлечь на себя ни какой укоризны, онъ уговорилъ Фулвія, послать къ Консулу сына своего съ миролюбивыми предложеніями. Но Консулъ жаждалъ крови и не хотѣлъ слышать о переговорахъ. Построивъ войски свои въ боевой порядокъ, онъ пошелъ прямо на мятежниковъ, такъ называлъ онъ Каіеву партію, около 250 человѣкъ изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, а прочіе разбѣжались. Фулвій скрылся въ народную баню, но былъ найденъ и преданъ смерти. Каій, не желая обагрить рукъ въ крови гражданъ

своихъ, не принялъ участія въ сраженіи и, видя неизбѣжную смерть свою, скрылся въ храмъ Діяны. Здѣсь хотѣлъ онъ заколоться, но два друга бывшіе съ нимъ, выхватя кинжалъ, принудили его спасаться бѣгствомъ. Изъ храма надлежало бѣжать по мосту. Гонители настигли его. Друзья Каіевы, ставъ на мосту, защищали проходъ до самой смерти своей, и чрезъ то подали Каію средство укрыться въ рощу съ однимъ невольникомъ. Здѣсь невольникъ оказалъ Каію послѣднюю услугу, лишивъ его жизни, и самъ закололся на трупѣ господина своего, что случилось за 121 годъ до Р. Х.

Развращенный Сенатъ неустыдился вѣсомъ золота оцѣнить головы Каія и Фулвія, и выдалъ за одну изъ нихъ обѣщанную сумму сообщнику Опиміеву. Опимій же между тѣмъ казнилъ и рубилъ всѣхъ безъ разбору, на кого имѣлъ подозрѣніе. Около трехъ тысячь гражданъ лишились жизни безъ всякаго суда и слѣдствія. Имѣніе ихъ описано въ казну, или разхищено. Даже супругѣ Каіевой не возвращено собственнаго ея приданаго. Изъ сего можно судить, до ка-

кой степени корыстолюбіе овладѣло душею Консуловъ и Сенаторовъ. Они, подавивъ въ Гракхахъ народную партію, уничтожили вскорѣ и большую часть ихъ узаконеній, особливо законъ о раздѣлѣ земель привели въ прежнее бездѣйствіе.

Въ продолженіе сихъ смятеній Римляне имѣли нѣсколько внѣшнихъ браней, въ которыхъ были побѣдителями. Они покорили Балеарскіе острова, и Нарбонскую Галлію превратили въ Римскую провинцію.

Развращеніе нравовъ было уже столь велико, что Цензоры Метеллъ и Домицій въ 115 годѣ до Р. Х. отрѣшили 32 Сенаторовъ; а въ 114 годѣ вдругъ три Весталки изобличены въ прелюбодѣйствѣ, изъ коихъ одна въ распутствѣ своемъ сравнялась съ самыми непотребными женщинами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Произшествія въ Нумидіи по смерти Масиниссы. Война противъ Югурты. Марій и Силла приходятъ въ славу. Начало вражды между ими. Произшествія 13 лѣтъ, отъ 119 до 106 года до Р. Х.

Масинисса, за оказанныя имъ во вторую пуническую войну услуги, получивъ отъ Римлянъ въ награду отнятое у отца его Царство Нумидійское, владѣлъ онымъ спокойно около 60 лѣтъ; умирая же въ глубокой старости, назначилъ Сципіона Африканскаго 2, опекуномъ надъ дѣтьми и Царствомъ своимъ. Сципіонъ отдалъ Царство, не раздѣляя по долямъ, тремъ законнорожденнымъ сыновьямъ; а прочимъ, рожденнымъ отъ наложницъ, отвелъ на содержаніе богатыя помѣстья.

Изъ сихъ трехъ Царевичей двое умерли, а третій Миципса остался владѣтелемъ всего обширнаго и богатаго Царства Нумидійскаго. Онъ имѣлъ двухъ сыновей Адгербала и Гіемпсала, и одного племянника Югурту, прижитаго покойнымъ братомъ отъ наложницы. Они

всѣ трое воспитывались вмѣстѣ при Дворѣ; но Югурта вскорѣ далъ себя замѣтить со стороны природныхъ дарованій, и сими личными способностями своими, навелъ страхъ на тихаго и миролюбиваго Государя. Миципса, желая сбыть съ рукъ опаснаго для себя и дѣтей своихъ племянника, отправилъ его съ помощнымъ войскомъ въ Испанію къ осадѣ Нуманціи въ той надеждѣ, что онъ, по горячности своей, отважиться на опасной бой и можетъ потерять жизнь свою. Но, вмѣсто того, Югурта отличился военными дарованіями своими и, оказавъ Римлянамъ важныя услуги, возвратился изъ Испаніи съ наградою и одобрительнымъ атестатомъ отъ главнокомандующаго Сципіона, попечителя наслѣдниковъ Нумидійскихъ. Миципса, обманувшись въ надеждѣ своей и видя расположеніе Римлянъ къ Югуртѣ, принужденъ былъ усыновить его и допустить къ наслѣдству владѣній своихъ.

По смерти Миципсы, вступилъ на престолъ Нумидійской старшій сынъ его Адгербалъ, вмѣстѣ съ братомъ и Югуртою. Но сей послѣдній былъ недоволенъ такимъ раздѣломъ власти, и нашелъ

случай отравить Гіемпсала, а потомъ явно возсталъ на Адгербала и отнялъ у него всѣ владѣнія. Адгербалъ ушелъ въ Римъ и подалъ жалобу на Югурту; но сей отправилъ туда же пословъ своихъ, подкупилъ большую часть Сенаторовъ и столько успѣлъ въ дѣлѣ своемъ, что Сенатъ послалъ въ Нумидію комисаровъ для изслѣдованія и распоряженія дѣлъ на мѣстѣ. Въ числѣ коммисаровъ находился Опимій, убійца Гракха. Корыстолюбіе его извѣстно было Югуртѣ, и онъ, подкупя Опимія и многихъ товарищей его, получилъ себѣ въ удѣлъ лучшія области; Адгербалу же оставилъ во владѣніе столицу Цирту и нѣкоторые небогатые города по близости берега. Пять лѣтъ Югурта оставался спокойнымъ, но послѣ, соскучась быть не полнымъ владѣтелемъ, напалъ на Адгербала, отнялъ у него большую часть городовъ и самаго его осадилъ въ Циртѣ. Дѣло опять дошло до разбору Римскаго Сената. Отправлены коммисары съ указомъ къ Югуртѣ, прекратить военныя дѣйствія; но щедрость его и корыстолюбіе коммисаровъ были причиною, что Адгербалъ остался безъ защиты и,

будучи взятъ въ плѣнъ, умерщвленъ въ жестокихъ мученіяхъ.

Такое безчеловѣчіе возбудило наконецъ общій ропотъ въ Римскомъ народѣ. Трибуны кричали, что должно наказать преступника, и укоряли Сенаторовъ въ участіи Югуртиныхъ преступленій. Сенатъ, опасаясь явнаго возмущенія въ Римѣ, объявилъ наконецъ войну Югуртѣ. Но Консулъ Калпурній и намѣстникъ его Скавръ, переѣзжали въ Африку не столько для славы Римскаго оружія, сколько для собственнаго своего обогащенія. Они, обобравъ Югурту, заключили съ нимъ миръ безъ позволенія Римскаго Сената, которой, будучи замѣшанъ во взяткахъ, готовъ былъ подтвердить мирныя условія. Но народъ, подущенный Трибунами, явно возсталъ на сію несправедливость и настоялъ въ томъ, чтобъ самаго Югурту потребовать къ суду въ Римъ.

Югурта зная, что въ дѣлѣ его замѣшаны и Консулы, и коммисары, и Сенаторы, не отказался отъ послушанія и, подкупя одного Трибуна, уничтожилъ слѣдствіе во всѣхъ доносахъ, чинимыхъ

на него и на участниковъ въ преступленіяхъ его. Онъ даже въ самомъ Римѣ сдѣлалъ смертоубійство, подославъ умертвить прибывшаго туда претендателя Нумидійскаго престола Массиву, внука Масиниссина. Сіе столь явное злодѣйство покрывало Римлянъ вѣчнымъ стыдомъ, что они, называясь защитниками Царствъ и народовъ, не могли обезопасить въ собственномъ своемъ городѣ Царской особы, прибѣгнувшей къ ихъ правосудію. Но Югурта выпутался и изъ сего злодѣянія, скрывъ убійцу, и за всѣ преступленія свои получилъ только указъ, выѣхать изъ Италіи.

Выѣзжая изъ Рима, вскричалъ онъ: о, продажный городъ! тебя можно купить, естьли бы нашелся охотникъ. Къ сему можно прибавить, чему болѣе дивиться, тому ли, что миліоны людей въ трехъ частяхъ свѣта повиновались небольшему числу развращенныхъ повелителей (*)? или тому, что правительство Римское, при всей развратности своей, умѣло еще содержать въ повино-

(*) По переписямъ щиталось тогда Римскаго народа не съ большимъ 300 тысячь.

веніи покоренные народы? Здѣсь видна всеобщая безчувственность людей, какъ бы по единодушному согласію предавшихъ себя Римской власти. Такое согласіе въ повиновеніи, нельзя приписать мудрости Римскаго правительства въ Югуртино время; а надобно отнести къ промыслу Божію, готовящему единодержавіе къ рожденію Искупителя.

Югурта, увернувшись отъ суда, не могъ однакожъ избавиться отъ войны, объявленной ему по настоянію Римскаго народа; но неспособность и корыстолюбіе Консула Постумія Албина и намѣстника его роднаго брата Авла, были причиною, что Югурта хитростію, деньгами и мужествомъ, побѣдивъ Римскую армію, принудилъ ее въ поруганіе пройти подъ яремъ и въ десять дней очистить Нумидію. Не столько пораженіе, сколько стыдъ, заставили Римлянъ вступиться за сіе дѣло и учредить коммисію для изслѣдованія поступковъ армейскихъ начальниковъ. Четыре бывшіе Консула и многіе другіе, знатнѣйшіе чиновники, осуждены были сею коммисіею по сильному настоянію народа, которой со времени умерщвленія Гракховъ, отдѣлясь

отъ вельможъ и богатыхъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на кровожадныхъ тирановъ, и естьлибъ имѣлъ силу или согласіе, то непреминулъ бы низпровергнуть правленіе.

Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ Консулъ Цецилій Метеллъ назначенъ былъ предводителемъ Африканской арміи. Онъ, будучи самъ искуснымъ полководцемъ, взялъ еще съ собою двухъ отличныхъ помощниковъ, Марія и Рутиллія, изъ коихъ первый, произшедшій изъ простаго рода, одною храбростію и военнымъ искуствомъ дослужился до Преторскаго чина, и былъ почитаемъ отъ всей арміи за лучшаго полководца своего времени. Метеллъ, прибывъ въ Африку, нашелъ армію въ самомъ жалкомъ состояніи, безъ всякаго наблюденія военнаго порядка и безъ повиновенія къ начальникамъ. Съ такою арміею невозможно было открыть военныхъ дѣйствій противъ непріятеля хитраго, искуснаго и храбраго. Метеллъ употребилъ нѣсколько времени на обученіе арміи, и когда поставилъ ее на военную ногу, тогда уже вступилъ въ Нумидію.

Югурта, получая обо всемъ вѣрныя свѣденія, устрашился новаго полководца тѣмъ болѣе, что его не можно было подкупить деньгами; однакожъ рѣшился до начатія войны испытать щастіе въ переговорахъ. Метеллъ при семъ случаѣ отступилъ отъ древняго прямодушія, и позволилъ себѣ съ хитрымъ непріятелемъ хитрить въ переговорахъ, и даже склонять посланниковъ о выдачѣ Югурты измѣною. Югурта вскорѣ догадался, съ какою цѣлію Метеллъ ведетъ переговоры и, не ожидая успѣха съ сей стороны, приготовился къ сильной оборонѣ. Первое сраженіе, Югуртою проигранное, доставило Метеллу способъ разгромить Нумидійскія земли; но неизтощимый въ хитростяхъ и мужествѣ Югурта успѣлъ въ скорости набрать изъ поселянъ новую армію, и сдѣлалъ первую напольность Метеллову не рѣшительною. Въ продолженіе зимы Консулъ принялся за хитрости, подкупилъ Бомилкара, убійцу Массивы, выдать Югурту, за что кромѣ богатства Югуртина, обѣщалъ ему отъ имени Сената прощеніе за смертоубійство. Дѣло производилось по желанію Метеллову, и Югурта, по совѣту притворнаго

друга своего, или предателя, согласился ввѣрить себя великодушію Римлянъ. Метеллъ потребовалъ напередъ пять тысячь пудъ серебра, всѣхъ слоновъ, военныхъ лошадей, оружіе и перемѣтчиковъ. Югурта выполнилъ требованіе, не замѣтя того, что оное было неокончательное. Но когда получилъ приказъ лично явиться къ Консулу, то подумавъ о прежнихъ злодѣяніяхъ своихъ и зная вѣроломство Римлянъ, неосмѣлился подвергнуть жизнь свою неминуемой погибели и рѣшился вновь приняться за оружіе.

Между тѣмъ Марій, отличившійся во всѣхъ сдѣланныхъ ему предъ симъ отъ Консула порученіяхъ и возгордясь своими успѣхами, попросился въ отпускъ въ намѣреніи искать себѣ Консульства. Метеллъ отказалъ ему въ прозьбѣ съ презрѣніемъ, укоряя его низкою породою. Съ сего времени мстительный Марій началъ тайно и явно поносить Метелла, похваляясь вездѣ, что онъ съ половиною арміи, давно бы кончилъ войну и привезъ Югурту скованнаго въ Римъ; потомъ, вынудивъ у Метелла согласіе на отпускъ, немѣшкавъ отправился къ

своей цѣли. Въ Римѣ же, къ удивленію всей вельможной партіи, по проискамъ своимъ и клеветамъ на начальника, добился у народа Консульскаго достоинства съ тѣмъ даже, чтобъ ему получить начальство въ Африкѣ и принять команду отъ Метелла.

Когда сіи козни строились въ Римѣ, Метеллъ открылъ послѣднюю напольность противъ Югурты, выгналъ его изъ большей части собственныхъ его владѣній и принудилъ убѣжать къ тестю своему Бокху, Царю Мавританскому. Бокхъ, видя зятя своего въ жалкомъ состояніи, согласился подать ему помощь и общими силами испытать щастіе въ оружіи противъ Римлянъ, у которыхъ главная квартира находилась тогда въ Цирпѣ, столицѣ Нумидійской. Въ сіе время Метеллъ получилъ извѣстіе о избраніи Марія въ Консулы, а что всего досаднѣе, о порученіи ему начальства въ Африкѣ. Сія вѣсть, какъ громовый ударъ, поразила Метелла. Видя, что слава въ окончаніи войны отнята у него коварствомъ Марія, не отважился на послѣднюю битву и даже, не желая встрѣтиться съ новымъ Кон-

суломъ, здалъ команду Рутиллію, а самъ поѣхалъ въ Римъ съ печальными мыслями. Однакожъ сверьхъ ожиданія Сенатъ и народъ приняли Метелла въ Римѣ почтительно, удостоили почестію тріумфа и въ память заслугъ его дали прозваніе Нумидійскаго. Когда же завистники донесли на него въ похищеніи казны, то оклеветанный Консулъ, не противоборствуя закону, представилъ въ оправданіе свое приходныя и разходныя книги. Судіи, зная честность Метеллову, не захотѣли повѣрять его щетовъ и, будучи довольны послушаніемъ, оставили слѣдствіе.

Марій, въ противность хвастовства своего, постарался набрать въ Италіи войскъ болѣе опредѣленныхъ по закону двухъ легіоновъ; и по прибытіи въ Африку, принявъ отъ Рутиллія Метеллову армію, открылъ военныя дѣйствія. Ослабленный и почти побѣжденный уже въ прошедшемъ годѣ Югурта, не могъ долго стоять противъ Марія. Бокхъ такъ же, потерявъ нѣсколько городовъ и два сраженія, принужденъ былъ озаботиться о собственной своей безопасности; ибо, въ случаѣ совершеннаго по-

раженія Югурты, не возможно было и ему ожидать отъ Римлянъ ни какой пощады. Въ сихъ мысляхъ онъ вошелъ съ Маріемъ въ переговоры и просилъ прислать къ нему повѣреннаго для заключенія съ нимъ, отдѣльно отъ Югурты, мирнаго договора. Марій возложилъ сіе дѣло на Силлу, Квестора своего, о которомъ не мѣшаетъ подать здѣсь нѣкоторое понятіе.

Силла, потомокъ древней упавшей фамиліи Корнелія Руффина, получилъ воспитаніе, достойное предковъ своихъ. При совершенномъ познаніи Греческой и Латинской словесности, одаренъ былъ отъ природы отличными способностями, имѣлъ веселой нравъ, любилъ забавы, а болѣе всего славу. Въ переговорахъ съ Бокхомъ Силла настаивалъ, чтобъ выдать ему Югурту. Мавританской Царь, съ одной стороны опасаясь могущества Римлянъ, а съ другой жалѣя предать зятя, не зналъ на что рѣшиться; велъ переговоры и съ Силлою, и съ Югуртою; наконецъ, обѣщая Силлѣ выдать Югурту, а Югуртѣ Силлу, заманилъ обоихъ къ себѣ съ небольшею у каждаго свитою. Тогда нерѣшимость Бокха дошла до по-

слѣдней степени. Онъ мучился и страхомъ и совѣстію, наконецъ собственная безопасность заставила его пожертвовать родствомъ и честію. Онъ приказалъ схватить безоружнаго Югурту и, сковавъ, отдалъ руками Силлѣ. Силла доставилъ знаменитаго узника Марію, а сей украсилъ имъ тріумфъ свой, потомъ бросилъ въ тюрьму на мученіе голодною смертію.

Такимъ образомъ Марій, жестоко поносившій Метелла, и самъ не имѣлъ чести окончить войну прилично истинному герою. А что для него было всего досаднѣе, тщеславный Силла явно похвалялся, что онъ окончилъ войну взятіемъ Югурты, и даже вырѣзалъ на перстнѣ сіе произшествіе и прикладывалъ всегда вмѣсто печати. Завидливый Марій не умѣлъ скрыть досады, и съ сего времени почувствовалъ къ Силлѣ непримиримую ненависть, превратившуюся наконецъ въ междоусобную войну, отъ которой рѣками пролилась кровь Римская.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Нашествіе Цимбровъ и Тевтоновъ. Возмущеніе рабовъ и другія произшествія въ продолженіе 14 лѣтъ, отъ 106 до 92 года до Р. Х.

Вскорѣ по окончаніи войны съ Югуртою Цимбры и Тевтоны, вышедшіе изъ малоизвѣстной тогда Германіи, ворвались въ Тироль и въ нынѣшную Баварію и, соединясь съ Галлами, угрожали Италіи опустошеніемъ. Они разбили выставленные противъ ихъ Римскіе арміи, положивъ на мѣстѣ до 80 тысячь. Столь ужасное пораженіе заставило Римлянъ въ 104 годѣ до Р. Х. избрать вторично Марія Консуломъ. Но варвары, отложивъ нападеніе на Римъ, потянулись въ Испанію. Три года продолжалось туда и обратно путешествіе ихъ, а Марій, въ ожиданіи сихъ непріятелей, избираемъ былъ безсмѣнно Консуломъ. Между тѣмъ онъ успѣлъ подготовить армію свою къ сраженію. Варвары, возвратясь изъ Испаніи, раздѣлились на два ополченія. Тевтоны пошли чрезъ Дофине и Провансъ къ Италіи, а Цимбры потянулись къ Баваріи. Марій встрѣтилъ первыхъ въ

Провансѣ и разбилъ на голову, положивъ на мѣстѣ до 150 тысячь и взявъ въ плѣнъ самаго Царя. Цимбры же въ тотъ годъ не дошли до Италіи, а показались уже на другое лѣто.

Консулъ Катуллъ, оставшійся для защиты Италіи, не осмѣлился дать непріятелямъ сраженія и свободно пропустилъ ихъ въ Италію. Марій опять понадобился на защиту Рима и, при посредствѣ заслуженнаго къ себѣ довѣрія и искательства, избранъ былъ въ пятый разъ въ Консулы. Онъ поспѣшилъ подкрѣпить Катулла своею арміею. Цимбры не хотѣли давать сраженія до прибытія Тевтоновъ; но когда узнали во время переговоровъ, что товарищи ихъ погребены уже въ Галліи, назначили день на рѣшительную битву. Марій, построя войски въ боевой порядокъ, Катулла поставилъ въ срединѣ, а свою армію разставилъ по бокамъ; но случилось такъ, что отъ поднявшагося вѣтра арміи закрылись пылью, и Марій потерялъ время искавши непріятеля, а Катуллу досталось одному выдержать и выиграть сраженіе, въ которомъ Силла былъ почти главнымъ дѣйствующимъ лицемъ.

Хотя честь побѣды приписывали Марію, но онъ чувствуя, что почти неучаствовалъ въ оной, пріобщилъ Катулла къ своему тріумфу и тѣмъ успокоилъ его армію.

Римляне, отражая внѣшнихъ непріятелей, принуждены были въ тоже время сражаться еще съ собственными своими рабами. Первое возмущеніе ихъ, лѣтъ за 30 назадъ, случилось въ Сициліи при окончаніи послѣдней пунической войны за 134 года до Р. Х., когда нравы Римлянъ начали измѣняться, и господа по множеству рабовъ стали поступать съ ними, какъ съ рабочею скотиною. Побѣги и воровство были первымъ знакомъ стѣснѣннаго состоянія рабовъ; но правительство не обратило тогда на сію важную часть общенароднаго имущества вниманія своего; а градоначальники Римскіе, будучи сами въ числѣ таковыхъ же господъ, не дѣлали рабамъ ни какого удовлетворенія въ претерпѣваемыхъ ими мученіяхъ. Наконецъ около 400 рабовъ у самаго злаго господина явно взбунтовались, убили его вмѣстѣ съ женою; но пощадили дочь ихъ за ея состраданіе къ нимъ и выпроводили съ честію къ ея

родственникамъ въ Катану. Въ слѣдъ за симъ возмущеніе вспыхнуло почти по всей Сициліи, и вскорѣ до двухъ сотъ тысячь рабовъ собралось подъ начальство разныхъ мятежниковъ. Убійства, лютости и грабежъ, были занятіемъ сего доведеннаго до отчаянія народа. Они неоднократно разбивали высылаемые противъ ихъ Римскіе легіоны, покорили многіе города; но наконецъ Консулъ Рупилій въ 132 годѣ до Р. Х., положилъ конецъ сей брани, истребивъ большую часть рабовъ на сраженіяхъ, другихъ захватилъ живыхъ и почти всѣхъ предалъ смерти.

Второе или настоящее возмущеніе, вспыхнувшее во время брани на Цимбровъ и Тевтоновъ, произошло такъ же отъ несмотрѣнія правительства за казенными зборщиками податей или откупщиками. Сіи корыстолюбивые люди, захвативъ за не платежъ недоимокъ въ Вифиніи и во многихъ другихъ мѣстахъ свободныхъ гражданъ, разослали ихъ вмѣсто рабовъ по Римскимъ провинціямъ. Царь Никомедъ сильно жаловался на сію жестокость, и отказалъ Марію въ участкѣ войскъ на предстоящую войну, доко-

лѣ не возвратятъ ему подданныхъ. По сему случаю Сенатъ запретилъ указомъ, держать въ порабощеніи подданныхъ союзныхъ Государей и прочихъ свободныхъ людей, и поручилъ Преторамъ въ провинціяхъ дѣлать расправу ищущимъ вольности. Въ слѣдствіе сего указа Лициній, правитель Сицилійской, вскорѣ освободилъ до 800 человѣкъ, захваченныхъ несправедливо въ неволю. Но какъ число ищущихъ вольности беспрестанно умножалось, и господа могли бы понести отъ освобожденія ихъ знатной убытокъ, то они нашли способъ склонить Претора на свою сторону и уговорили его оставлять прозьбы рабовъ безъ слѣдствія и вниманія. Сіе неправосудіе привело угнѣтенныхъ въ отчаяніе. Они рѣшились насильно освободиться отъ порабощенія и, собравшись числомъ около двухъ тысячь, разбили посланной противъ ихъ военной отрядъ и, воспользуясь оружіемъ побѣжденныхъ, составили вооруженную шайку подъ управленіемъ избраннаго изъ среды своей атамана. Слухъ о семъ возмущеніи быстро разнесся по Сициліи, и вскорѣ появились въ разныхъ мѣстахъ сильные корпусы мятежниковъ, которые такъ же, какъ

и въ первое возмущеніе, выдерживали около четырехъ лѣтъ нападеніе на себя Римскихъ армій и часто побивали ихъ. Разсказываютъ, что въ сіи два возмущенія побито рабовъ до миліона. Но возвратимся къ Римлянамъ.

Марій, бывши пять разъ уже Консуломъ, захотѣлъ и въ шестой разъ получить сіе достоинство. Но какъ не было въ виду такихъ непріятелей, для которыхъ нужно бы употребить его способности; законъ же не позволялъ ни кого вторично избирать въ Консулы прежде истеченія десяти лѣтъ отъ перваго Консульства; то Марій для нарушенія сего закона употребилъ свойственныя ему клеветы, подкупы и наконецъ домогся до того, что былъ избранъ въ шестой разъ въ Консулы, и получилъ себѣ въ товарищи Валерія Флакка, человѣка ему преданнаго. Сверьхъ того, подружась съ Сатурниномъ, Трибуномъ самаго наглаго и низкаго характера, началъ сѣять раздоръ въ правительствѣ.

Сатурнинъ въ угожденіе Марію предложилъ узаконеніе о раздѣлѣ земель въ пользу воиновъ, служившихъ подъ его

начальствомъ. Но какъ сей раздѣлъ неудовлетворялъ нуждъ всего народа и вышли отъ того сильные споры, то Сатурнинъ, вооружа свою партію палками и каменьями, принудилъ сими доводами подтвердить узаконеніе. Къ тому прибавилъ еще на щетъ Сенаторовъ, буде кто изъ нихъ въ теченіи пяти дней не подтвердитъ закона, тотъ сошлется въ ссылку. Сія послѣдняя приписка клонилась на Метелла, котораго Марій не могъ терпѣть по причинѣ общаго къ нему уваженія, и зналъ, что Метеллъ несогласится подтвердить противнаго общимъ пользамъ Сатурнинова узаконенія.

И дѣйствительно сбылось по желанію Марія. Всѣ Сенаторы, страшась силы его, подтвердили узаконеніе; одинъ Метеллъ не подписалъ приговора, доказывая въ сильныхъ выраженіяхъ несправедливость его, и за то, въ слѣдствіе послѣдней приписки, осужденъ былъ на изгнаніе. Но сіе изгнаніе болѣе принесло ему чести, нежели самые тріумфы. Всѣ города, которыми проѣзжалъ Метеллъ, оказали ему непритворное почтеніе, и тѣмъ терзали душу завидливаго Марія.

Знаменитый изгнанникъ удалился въ Родосъ и провелъ тамъ нѣсколько щастливыхъ дней, занимаясь на досугѣ науками. Напротивъ того непріятели его не были столько щастливы. Сатурнинъ, попускаясь изъ одной наглости въ другую, дошелъ наконецъ до такого безчинства, что вздумалъ помѣщать и въ самые Консулы такихъ людей, какихъ ему угодно было. Но когда противъ желанія его избранъ былъ Меммій, то онъ, при посредствѣ вооруженныхъ сообщниковъ своихъ, убилъ нареченнаго Консула всенародно на площади. Такое злодѣяніе превзошло мѣру терпѣнія Сената и самаго народа. Всѣ хотѣли наказать злодѣя — и Марій, не смотря на согласіе съ Трибуномъ, принужденъ былъ открыть противъ его партіи войну посреди города. Но какъ силы были не равны, то Сатурнинъ скоро былъ сломленъ, загнанъ въ Капитолій, взятъ и убитъ ожесточеннымъ народомъ.

По убіеніи Сатурнина всѣ граждане и Сенаторы явно желали возвращенія Метелла, и не смотря на всѣ козни и упорство Марія, Метеллъ былъ разрѣшенъ отъ изгнанія и послано къ нему

съ нарочнымъ Сенатское о семъ опредѣленіе. Марій, не желая видѣть торжества противной партіи при возвращеніи Метелла въ Римъ, уѣхалъ въ Азію подъ предлогомъ завѣщанія принести жертву матери Боговъ, и съ тайнымъ намѣреніемъ возжечь войну противъ Митридата, Понтійскаго Царя, чтобъ сдѣлать себя необходимымъ для Римлянъ по военнымъ способностямъ его.

Послѣ сего внутренніе раздоры прекратились не надолго. Сіе спокойное время даетъ намъ случай замѣтить добродѣтели не многихъ Римскихъ гражданъ, при всемъ развращеніи нравовъ не заразившихся свойственными тому времени пороками и поддержавшихъ достоинство честныхъ людей передъ безчестными. Въ числѣ таковыхъ замѣтнѣе прочихъ были Муцій Сцеволла и Рутиллій, бывшій намѣстникъ въ Африкѣ у Метелла во время Нумидійской войны.

Корыстолюбіе областныхъ правителей, градоначальниковъ и судей Римскихъ дошло въ то время до такой степени, что неоставалось почти средствъ къ истребленію повсемѣстно распростра-

нившагося неправосудія. Откупщики или сборщики податей, находясь въ тѣсной связи съ начальниками, притѣсняли народъ несправедливыми поборами своими, и обиженные не могли получать себѣ ни гдѣ законной защиты; ибо когда жалобы доходили до Рима, то и въ семъ развращенномъ уже городѣ судьи, задобренные правителями и откупщиками, защищали виновныхъ, а обиженныхъ изгоняли безъ всякаго удовлетворенія. Въ такомъ общемъ развратѣ правительства честный градоначальникъ, или судія былъ презираемъ своими товарищами и долженъ былъ имѣть всю твердость Философскую, чтобъ мужественно отражать всѣ насмѣшки, нападки, козни, однимъ словомъ всѣ низости, какія обыкновенно злые и несправедливые употребляютъ къ погубленію честныхъ людей.

Муцій Сцеволла, получивъ управленіе Азіи въ званіи Проконсула, взялъ съ собою въ помощники добродѣтельнаго Рутиллія, и доставилъ ввѣреннымъ попеченію его народамъ рѣдкій въ то время примѣръ благоденствія. Съ самаго пріѣзда онъ отказался отъ тѣхъ ве-

ликихъ, вынужденныхъ пожертвованій, какіе обыкновенно подносимы были на содержаніе дому начальника. Умѣренность его не имѣла нужды въ сихъ тягостныхъ для народа издержкахъ. Потомъ обратилъ вниманіе свое на сборщиковъ податей, грабившихъ провинціи. Сіи корыстолюбивые люди собирали тогда, для себя и на задобриваніе начальниковъ и судей, въ нѣсколько разъ большую противъ опредѣленной подать, и чрезъ то доводили бѣдныхъ людей до раззоренія; ибо они, кромѣ тягости налоговъ, обременѣны были еще содержаніемъ дѣтей своихъ.

Муцій, чувствуя столь жестокую несправедливость, вступился за бѣдныхъ, и когда приносимы были ему жалобы на откупщиковъ, то разсматривалъ поступки ихъ и подвергалъ отвѣтственности по мѣрѣ вины, не смотря на сильную защиту Римскаго суда. Всадники, завѣдывающіе тогда и сборъ податей и судную расправу, не имѣя возможности отмстить Муцію за правосудіе его, излили гнѣвъ свой на Рутиллія, какъ на главнаго участника въ честности Муціевой. Спустя пять или шесть лѣтъ,

они донесли на него въ мздоимствѣ и распутствѣ, то есть въ такихъ порокахъ, которые чужды были его сердцу, и которые составляли любимую страсть обвинителей его.

Антоній и Крассъ, превосходнѣйшіе ораторы того времени, брались защищать Рутиллія; но онъ, будучи невиненъ въ сердцѣ своемъ и придерживаясь правилъ стойческой философіи, несогласился прибѣгать къ искуственной защитѣ, кромѣ одной своей честности. Онъ говорилъ просто, что не былъ причастенъ въ взводимыхъ на него преступленіяхъ. Но такое оправданіе не могло подѣйствовать на судей пристрастныхъ; самый народъ, привыкнувшій уже къ ласкательствамъ, остался равнодушнымъ къ простой истинѣ безъ всякой прикрасы. Марій и здѣсь выказалъ свой мстительный характеръ. По одной ненависти къ Метеллу онъ способствовалъ къ осужденію Рутиллія, какъ вѣрнаго друга и почитателя Метеллова. И хотя Рутиллій не былъ признанъ доказанно виновнымъ, однакожъ осужденъ былъ заплатить за причиненные яко бы доносщикамъ его убытки, за которые прода-

но все имѣніе его, и нашлось, что онаго недоставало даже на заплату положеннаго съ него взысканія.

Осужденный и обобранный соотечественниками своими Рутиллій, удалился опять въ Азію. Тамъ нашелъ онъ гораздо лучшую и спокойнѣйшую жизнь, нежели въ развращенномъ отечествѣ своемъ, занимаясь домашнимъ хозяйствомъ и Философіею. Друзья, оставшіяся въ Римѣ, и почитатели честности его въ Азіи, снабдили его всемъ потребнымъ гораздо болѣе, нежели каково было собственное его имѣніе. И когда торжествующій Силла, искоренивъ всѣхъ враговъ своихъ, призывалъ Рутиллія возвратиться въ Римъ, то Философъ отказался отъ сей чести, неодобряя внутренно правилъ благотворителя своего, и не желая быть укоромъ въ Римѣ судіямъ несправедливымъ и народу развращенному.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Война союзническая въ Италіи и междоусобная между Маріемъ и Силлою, до смерти перваго. Произшествія 6 лѣтъ, отъ 92 до 86 года до Р. Х.

Союзная война, погубившая до трехъ сотъ тысячь Италійскихъ жителей, произошла отъ распри политической. Сѣмя вражды посѣяно было въ самой глубокой древности. Ромулъ, покоряя окрестные народы, помѣщалъ плѣнныхъ въ число гражданъ своихъ. Преемники его такъ же частію слѣдовали сему правилу. Но въ послѣдствіи времени, когда могущество Римлянъ увеличилось и непріятели, поднимавшіе оружіе, казалось не заслуживали такой чести, право гражданства давалось по выбору и рѣдко цѣлому народу или городу; но чаще всего побѣжденные, или добровольно подчинившіяся, непріятели принимались въ особый разрядъ союзниковъ. Они жили по своимъ законамъ, имѣли свое правленіе, обязаны были участвовать въ войнахъ съ Римлянами, но ни когда не имѣли участія во внутренномъ ихъ правленіи. Сей родъ подчиненности былъ нѣсколько сно-

сенъ, когда власть Римлянъ заключалась въ предѣлахъ одной Италіи. Но когда они распространили владычество свое на всѣ три части свѣта, и разсылали гражданъ своихъ управлять покоренными, съ помощію союзниковъ, Царствами и народами; тогда союзники начали обижатся, что Римляне, почитая однихъ себя господствующимъ народомъ, не равняли ихъ съ собою не смотря на то, что величество или могущество Римлянъ основано было на общей ихъ силѣ.

По сей причинѣ, когда еще Аннибалъ вступилъ въ Италію, союзники просили права гражданства и, получивъ отказъ, вошли въ связи съ непріятелемъ Римлянъ и подали ему средство около 15 лѣтъ держаться въ Италіи. Мы незнаемъ, какой порядокъ приняли бы произшествія въ мірѣ, естьли бы Римляне постоянно слѣдовали политикѣ первыхъ Царей своихъ. Можно полагать, что Италія гораздо прежде соединилась бы въ одно политическое тѣло; но трудно угадать, осталось ли бы правительство, по различію характеровъ союзныхъ народовъ, въ тѣхъ неизмѣнныхъ правилахъ постоянства и мужества, какими Рим-

ляне, не смотря на внутренніе раздоры, отличили себя отъ всѣхъ народовъ древности.

По выѣздѣ Аннибала изъ Италіи всеобщая дѣятельность, по случаю внѣшнихъ браней и выгоды, пріобрѣтаемыя войсками отъ раздѣла корыстей, успокоили на время союзниковъ. Къ тому же остатокъ древней простоты и честности Римскаго правительства недопускалъ еще на себя сильныхъ упрѣковъ въ несправедливости. Но когда богатство, стекшееся въ Римъ изъ всѣхъ покоренныхъ Царствъ, развратило начальниковъ, и съ одной стороны роскошная ихъ жизнь была приманкою для людей, по природѣ склонныхъ къ честолюбію; а съ другой неправосудіе и грабежъ правителей произвели общій ропотъ, тогда и союзники захотѣли участвовать съ Римлянами въ управленіи народовъ такъ же, какъ они участвовали въ побѣжденіи ихъ.

Тиберій и Каій Гракхи видя, что Римляне по развращенію своему неспособны уже были поддержать древняго прямодушія, обѣщали исходатайство-

вать всѣмъ Италійскимъ союзникамъ право гражданства. Такое предпріятіе, вмѣстѣ съ раздѣломъ земель, могло бы на время остановить заразу развращенія нравовъ; ибо союзники въ то время не столько были испорчены развращеніемъ, какъ Римляне, и вступя въ участіе въ правленіи могли бы, образомъ жизни своей, обуздать нѣсколько наглость и своевольство Римскихъ чиновниковъ. Преждевременная смерть Гракховъ недопустила ихъ привести къ концу предпріятія своего. Послѣ того Ливій Друзъ, сынъ извѣстнаго Трибуна сего имени, предпринималъ въ 91 годѣ до Р. Х. возстановить узаконенія Гракховъ, и такъ же дать союзникамъ право гражданства; но нашелся въ подобномъ имъ затрудненіи и погибъ отъ руки убійцы. Въ продолженіе Друзовыхъ предпріятій союзники замѣтя, что дѣло ихъ клонилось въ противную сторону, вздумали подкрѣпить прозьбу свою силою оружія и употребить такія же насилія къ истребленію противной партіи, какія въ Римѣ были въ то время въ обыкновеніи. Но когда и сіе средство имъ неудалось, тогда явно отложились отъ Римлянъ. Они согласились образовать новую рес-

публику на подобіе Римской, сдѣлавъ городъ Корфиній столицею. Учредили Сенатъ изъ 500 особъ, выбрали двухъ Консуловъ со всѣми на подобіе Римскихъ приличіями, и поручили начальство одному въ южной Италіи, а другому въ ближайшихъ къ Риму областяхъ.

Въ 90 годѣ до Р. Х. открыта первая напольность, и выставлено съ обоихъ сторонъ до ста тысячь воиновъ. Римляне, почитая сію войну одною изъ самыхъ важнѣйшихъ, могущею низпровергнуть всѣ завоеванія ихъ, вооружились почти поголовно. Оба Консула получили начальство въ Италіи, и взяли къ себѣ въ помощники Марія и Силлу, и другихъ извѣстныхъ по способностямъ своимъ полководцевъ. Союзники, предъ началомъ военныхъ дѣйствій, отправили въ Римъ пословъ съ прежнею прозьбою, о допущеніи ихъ въ права гражданства. Римляне, выдерживая древній характеръ, отвѣчали, что послы ихъ не будутъ выслушаны, доколѣ войски не положатъ оружія. Сей рѣшительной отвѣтъ былъ поводомъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Консулъ Рутиллій съ Римской стороны, давъ союзникамъ сраженіе, потерялъ до

осьми тысячь воиновъ и самъ лишился жизни, будучи тяжело раненъ. Марій, стоявши неподалеку и узнавъ по мертвымъ тѣламъ о пораженіи Консула, поспѣшилъ на помощь къ разбитой арміи и, овладѣвъ въ расплохъ союзнымъ станомъ, отнялъ у непріятеля побѣду. Товарищь Рутиллія былъ щастливѣе и успѣлъ выиграть значительное сраженіе.

На другой годъ Силла болѣе всѣхъ отличился на войнѣ союзнической. Онъ взялъ нѣсколько городовъ и истребилъ совершенно дѣйствующую противъ его армію, побивъ въ разныхъ сраженіяхъ болѣе 50 тысячь. За всемъ тѣмъ сіи побѣды недоставили бы щастливаго окончанія войны, естьли бы союзники имѣли единодушіе, и естьли бы Римляне не раздѣлили союза своею политикою. Они въ первый еще годъ войны дали право гражданства напередъ тѣмъ союзникамъ, которые остались къ нимъ вѣрными; потомъ распространили сіе право и для тѣхъ, которые отстанутъ отъ противной стороны и положатъ оружіе. Сею мѣрою Римляне большую часть Италіи отвлекли отъ новаго союза, и оставили на противной сторонѣ однихъ

почти Самнитянъ и Луканійцовъ, которые не въ силахъ были уже противиться вновь усилившемуся могуществу Римскому.

Однакожъ и Римляне, давъ право гражданства почти всѣмъ союзникамъ, нашлись въ затрудненіи, чтобъ великое множество новыхъ гражданъ не испровергнуло всего правленія, или не отняло бы силы у настоящихъ Римлянъ по множеству голосовъ иноплеменныхъ. Но и въ семъ случаѣ Римляне умѣли поправить дѣло. Они оставили старыхъ гражданъ по прежнему въ 35 трибахъ, а изъ новыхъ составили только 8 трибовъ особыхъ, которые числомъ людей были хотя несравненно превосходнѣе, но составляя только 8 голосовъ противъ 35, не имѣли сильнаго вліянія на правительство.

Силла, оказавъ великія услуги на союзной войнѣ, вздумалъ на другой годъ проситься въ Консулы. Марій, напротивъ того, въ первый еще годъ войны отозвался простудною болѣзнію и здалъ команду другимъ начальникамъ; а самъ возвратился въ Римъ, полагаютъ пото-

му болѣе, что не захотѣлъ служить подъ начальствомъ Консуловъ, будучи самъ шесть разъ уже въ семъ чинѣ. Но когда Силла, не смотря на происки Марія, получилъ себѣ Консульство, и готовился открыть войну на Митридата Понтійскаго Царя; тогда Марій, будучи уже близъ 70 лѣтъ отъ роду, задумалъ отнять у Силлы начальство на войнѣ и увѣнчать себя новыми лаврами.

Такое предпріятіе несогласно было ни съ законами, ни съ лѣтами Марія, и доказывало только порочную нравственность его; ибо сей великій полководецъ, какъ замѣтили Историки, не умѣлъ пользоваться пріобрѣтенною славою и, будучи лишенъ гражданскихъ добродѣтелей, не въ состояніи былъ спокойно провести остатокъ дней своихъ. Чтобъ показаться способнымъ получить Консульство, онъ началъ ежедневно выходить на Марсово поле и, не смотря на дряхлость свою, упражняться вмѣстѣ съ молодыми людьми въ военныхъ искуствахъ. Благомыслящіе граждане жалѣли о Маріѣ, что онъ помрачаетъ славу свою неприличными его лѣтамъ, тучности и великому полководцу поступ-

ками; а молодые насмѣшники въ глаза совѣтовали ему, ѣхать въ загородной свой домъ пользоваться теплицами отъ простуды, полученной на союзной войнѣ. Но не такъ думалъ о себѣ Марій. Онъ подкупилъ самаго наглаго Трибуна Сульпиція, который доказательствомъ краснорѣчія своего имѣлъ на жалованье три тысячи вооруженныхъ гражданъ и до шести сотъ всадниковъ, всегда готовыхъ оружіемъ, палками и каменьями подтвердить доводы оратора.

Марій выждавъ время, когда Силла отправился въ армію, началъ въ отсудствіе его приводить въ дѣйство замыслы свои. Несмѣя прямо открыть своихъ мыслей, онъ ожидалъ помощи отъ Сульпиція, которой въ противность Сенатскаго опредѣленія предложилъ размѣстить союзниковъ по всѣмъ трибамъ, дабы чрезъ то пріобрѣсть въ нихъ сильную защиту въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ, и лишить Римлянъ вліянія на правленіе. Всѣ граждане смутились отъ сего предложенія. Оставшійся въ Римѣ Консулъ Помпіей не могъ противиться наглости Трибуна. Надлежало возвратить Силлу для подкрѣпленія своего то-

варища. Консулы, посовѣтовавшись между собою, придумали отвратить бурю изданіемъ указа о прекращеніи на нѣкоторое время народныхъ собраній и о предложеніи новыхъ узаконеній. Но Сульпицій въ то время, когда Консулы говорили рѣчи народу, пришелъ на площадь съ вооруженною толпою, и обнаженными мечами принуждалъ Консуловъ уничтожить опредѣленіе свое. Въ произшедшемъ отъ сего смятеніи, многіе граждане лишились жизни, въ томъ числѣ сынъ Консула Помпіея, а зять Силлинъ. Самъ Силла укрылся въ домѣ Марія и, видя жизнь свою въ Римѣ въ опасности, немѣшкавъ уѣхалъ въ армію.

Сульпицій, оставшись побѣдителемъ надъ безоружными Консулами, предложилъ поручить Марію начальство на войнѣ противъ Митридата, и здать ему состоящую подъ начальствомъ Силлы армію. Предложеніе, при помощи обыкновенныхъ убѣжденій Сульпиціевыхъ принято, и два военные Трибуна отправились принять команду отъ Силлы. Но Консулъ не былъ столько сговорчивъ въ своей арміи, сколько въ Римѣ подъ мечами сообщниковъ Сульпиціевыхъ. Онъ

зналъ, чего можно ожидать отъ злобнаго и завидливаго Марія, и потому, не желая отдаться въ руки врагамъ своимъ, рѣшился самъ идти на Римъ со всею арміею. Такое предпріятіе дѣлало Силлу явнымъ врагомъ и мятежникомъ противъ правительства и отечества своего. Но люди, подверженные сильнымъ страстямъ, рѣдко или почти ни когда неруководствуются вѣрнымъ разсудкомъ; и Силла, послѣ Коріолана, былъ первый, осадившій Римъ для отмщенія не многому числу личныхъ враговъ своихъ.

Марій и Сульпицій, узнавъ о предпріятіи Силлы, хотѣли начально мстить оставшимся въ Римѣ друзьямъ его; но видя, что сія мѣра неизбавитъ ихъ отъ опасности, прибѣгнули къ дѣйствительной защитѣ. Законопротивное предпріятіе Силлы подавало Марію средство усилить себя Сенатомъ и всѣми гражданами, оставшимися въ городѣ. Такъ же и подначальники въ арміи несогласились поднять рукъ на отечество и всѣ, взявъ отставку, прибыли въ городъ. Одни рядовые остались въ распоряженіи Силлы; но ихъ было полныхъ шесть легіоновъ, составляющихъ до 30 тысячь пѣхоты

и до 5 тысячь конницы. Сверьхъ того второй Консулъ Помпіей пріобщился къ Силлѣ, и чрезъ то придалъ дѣйствіямъ его видъ законности; ибо, какъ Силла объявилъ, что онъ идетъ избавить отечество отъ тирановъ.

Нѣсколько посольствъ, отправленныхъ отъ Марія и Сената къ Силлѣ, сначала съ предписаніемъ, а потомъ съ прозьбою не приближаться къ городу, неостановили его движенія. Онъ вошелъ въ Римъ съ оружіемъ въ рукахъ, и принятъ былъ какъ непріятель. Граждане съ крышекъ домовъ своихъ поражали воиновъ, чемъ ни попало. Силла принужденъ былъ дать приказъ зажечь домы. Марій, немогши отразить цѣлой арміи въ городѣ, убѣжалъ въ Капитолію; но видя, что и тамъ не можетъ долго держаться, ушелъ съ Сульпиціемъ и съ главными помощниками своими изъ города. Они всѣ разбѣжались по разнымъ мѣстамъ, кому гдѣ казалось безопаснѣе.

Силла, овладѣвъ городомъ, спасъ оной отъ расхищенія. Разставя вездѣ караулы, самъ ходилъ съ подначальниками всю ночь по городу изъ той предо-

сторожности, чтобъ не вышло гдѣ между воинами и гражданами какой нибудь ссоры. Поутру, созвавъ народное собраніе, объяснилъ ту необходимость, къ которой приневоленъ былъ врагами своими и, доказавъ своевольство Трибуновъ и легкомысліе народное, дѣйствующее ко вреду общаго блага, возстановилъ древнее узаконеніе, запрещавшее Трибунамъ предлагать народу законы свои безъ предварительнаго разсмотрѣнія оныхъ въ Сенатѣ; другимъ постановленіемъ запретилъ собирать голоса по трибамъ, возстановя законъ Сервіевъ, собирать сіи голоса по куріямъ. Сими двумя постановленіями, ослабя власть народную, привелъ Сенатъ въ прежнюю силу. Въ слѣдъ за тѣмъ уничтожилъ узаконеніе Сульпиціево, отрѣшившее его отъ Консульства, и наконецъ предложилъ Сенату объявить врагами отечества личныхъ враговъ своихъ: Марія съ сыномъ, Сульпиція и девятерыхъ Сенаторовъ, бывшихъ съ ними въ сообществѣ. Всѣ они лишены покровительства законовъ, и всякому, съ кѣмъ встрѣтяться, позволено убивать ихъ. Но какъ сіе опредѣленіе неудовлетворяло еще въ полной мѣрѣ мщенія Силлы, то онъ ра-

зослалъ по всѣмъ дорогамъ конные отряды, отыскивать сихъ осужденныхъ. Сульпицій первый попался, будучи открытъ рабомъ своимъ. Голова его выставлена была на той самой кафедрѣ, съ которой произносилъ онъ свои рѣчи. Что принадлежитъ до Марія, то приключенія, съ нимъ случившіяся, составляютъ занимательную повѣсть о превратности щастія людей.

Сначала скрылся онъ въ загородной свой домъ, изъ котораго ушелъ въ Остію, въ намѣреніи переѣхать въ Африку; но по не имѣнію у пристани морскаго судна, принужденъ былъ сѣсть на перевозную лодку и плыть на оной подлѣ берега. Вскорѣ потомъ поднялся сильный вѣтръ, море взволновалось и готово было поглотить безпалубное судно. Гребцы, выбившись изъ силы, пристали къ берегу и высадили Марія со всѣми его спутниками. Голодъ и страхъ, быть пойману, заставили странниковъ искать безопаснаго убѣжища. Увидя въ близи пастуховъ, попросили у нихъ хлѣба; но сіи бѣдные люди ничего не могли дать, кромѣ совѣта, укрыться какъ можно скорѣе по причинѣ разъѣзжающихъ въ тѣхъ

мѣстахъ конныхъ отрядовъ. Марій удалился въ лѣсъ и, будучи томимъ голодомъ и страхомъ, ободрялъ однакожъ своихъ спутниковъ не терять надежды, увѣряя, что онъ по несомнѣнному предчувствію получитъ седьмое Консульство. На разсвѣтѣ увидѣли плывущіе по морю два судна и бросились на берегъ, подавая знакъ, чтобъ ихъ приняли, и въ тоже почти время увидѣли въ дали скачущихъ воиновъ. Въ сей крайности, не ожидая перевозной лодки, бросились въ воду и едва успѣли войти на судно, какъ драгуны прискакали къ берегу и закричали судовщикамъ, чтобъ они высадили Марія. Судовщики не послушались. Но когда драгуны удалились съ гнѣвомъ и угрозами, то вскорѣ раздумали, сколь опасно имѣть на суднѣ столь важнаго изгнанника, и подъ благовиднымъ предлогомъ, приставши опять къ берегу, высадили Марія для подкрѣпленія разстроенныхъ силъ отъ морской качки, а сами между тѣмъ, поднявъ якорь, пустились въ морѣ.

Марій, обманутый мореходцами и удрученный нещастіями, пробрался по оврагамъ и болотамъ до хижины бѣдна-

го дровосѣка. Здѣсь хотѣлъ онъ укрыться, но страхъ быть схвачену заставилъ его искать безопаснѣйшаго убѣжища. Добродушный дровосѣкъ отвелъ страдальца въ одинъ глубокой оврагъ и накрылъ его тростникомъ и хворостомъ. Едва успѣлъ онъ кончить работу, какъ услышали вблизи хижины шумъ отъ подъѣхавшихъ къ оной драгуновъ. Марій, не почитая себя въ безопасности, вздумалъ спуститься еще ниже въ самую тину, и когда онъ, раздѣвшись погружался въ оную, наскакали драгуны и, увидя Марія, вытащили его изъ тины почти нагаго и въ томъ самомъ видѣ, отведя въ городъ Митурны, здали по предписанію градоначальникамъ.

Въ слѣдствіе разосланныхъ по всей Италіи указовъ, надлежало казнить осужденныхъ въ тѣхъ самыхъ городахъ, по близости коихъ будутъ они схвачены. Но во всемъ городѣ не нашлось ни одного человѣка, который бы согласился быть исполнителемъ Сенатскаго приговора. Наконецъ одинъ Галлъ или Цимбръ вызвался убить колодника. Между тѣмъ Марій содержался подъ стражею въ домѣ одной женщины, и въ то время, ко-

гда вошелъ палачь съ обнаженнымъ мечемъ, онъ лежалъ на кровати въ углу комнаты. Увидя предъ собою исполнителя приговора, Марій звѣрски взглянулъ на него и закричалъ грознымъ голосомъ: дерзкой! смѣешь ли ты убить Марія? Воинъ оробѣлъ. Мечь выпалъ изъ руки его, и самъ онъ опрометью выбѣжалъ изъ комнаты.

Сіе приключеніе тотчасъ разнеслось по городу. Жители приведены были въ жалость, и рѣшились не обагрять рукъ въ крови избавителя Италіи отъ нашествія варваровъ. Въ сей единодушной рѣшимости выпроводили Марія за городъ, привели на морской берегъ, посадили на судно и отпустили съ хлѣбомъ и солью. Освобожденный узникъ направилъ путь свой къ острову Енаріи. Здѣсь нашелъ онъ зятя своего и нѣсколько знакомыхъ, съ которыми и отправился на кораблѣ въ Африку. Приставши къ пристани Карфагенской, сошелъ на берегъ. Но правитель той области Преторъ Секстилій, коль скоро узналъ о прибытіи Марія, тотчасъ послалъ къ нему своего чиновника сказать, чтобъ онъ вышелъ изъ его обла-

сти; въ противномъ случаѣ Преторъ выполнитъ опредѣленіе Сенатское. Марій въ смущеніи не отвѣчалъ ни слова. Но когда чиновникъ спросилъ объ отвѣтѣ, изгнанникъ сказалъ ему умильнымъ голосомъ: поди, скажи своему Претору, что ты видѣлъ скитающагося Марія на развалинахъ Карфагенскихъ. Однакожъ Марій не могъ долго оставаться въ Карфагенской области. Намѣреніе его было убѣжать къ Нумидійскому Царю, но дорогою встрѣтился съ сыномъ своимъ, убѣжавшимъ отъ сего Государя, которой отъ страха хотѣлъ предать его Римлянамъ.

И такъ Марій, побѣдитель многихъ народовъ, не могъ ни гдѣ укрыться отъ своихъ гонителей. Къ щастію его въ Африкѣ не такъ строго смотрѣли за нимъ, какъ въ Италіи, и дали время переселиться на одинъ по близости Африки необитаемый островокъ, на которомъ Марій съ своими спутниками остался выжидать время, когда перемѣнятся дѣла въ Италіи.

Время сіе скоро приблизилось. Силла не смотря на защиту законовъ ви-

дѣлъ, что изгнаніе Марія и главныхъ сообщниковъ его не понравилось Сенату и народу. Желая же доказать миролюбивыя чувствованія свои, онъ необидился, когда отказали въ Консульствѣ на будущій годъ представленнымъ отъ него кандидатамъ, и выбрали изъ партіи Маріевой въ Консулы Корнелія Цинну, Патриція столько же кровожаднаго, каковъ былъ и Марій. Силла удовольствовался только приведеніемъ его къ присягѣ въ присудствіи многихъ свидѣтелей въ томъ, что онъ будетъ наблюдать сдѣланные Силлою въ правленіи перемѣны. Однакожъ въ предосторожность придалъ ему въ товарищи Октавія, миролюбиваго и кроткаго гражданина, свято наблюдающаго коренныя узаконенія. Устроивъ такимъ образомъ дѣла въ Римѣ, Силла отправился въ походъ для открытія войны съ Митридатомъ. Но лишь только онъ удалился, какъ партія Маріева и начала строить новыя козни къ смятеніямъ гораздо ужаснѣйшимъ противъ прежнихъ. Не принимая мѣръ благоразумныхъ къ возвращенію изгнанныхъ, она рѣшилась напередъ истребить Консуловъ, оканчивающихъ службу, и успѣла совершить сіе

злодѣяніе надъ товарищемъ Силлинымъ Помпіеемъ. Онъ былъ убитъ тою самою арміею, которую выпросилъ себѣ вмѣсто охранительной стражи. Силла въ бытность еще въ Италіи увидѣлъ, сколь великую сдѣлалъ ошибку, согласясь на избраніе Цинны Консуломъ, и не ожидая непріятныхъ послѣдствій, переправился въ Грецію, вѣроятно въ томъ намѣреніи, чтобъ новою славою и побѣдами сильнѣе укрѣпить себя и надежнѣе наказать враговъ своихъ. Мы оставимъ его на время въ Греціи и въ Азіи, а здѣсь окончимъ исторію злодѣйствъ Марія и сообщниковъ его.

Цинна, коль скоро увѣдомился о выѣздѣ Силлы изъ Италіи, тотчасъ и началъ приводить въ дѣйство узаконеніе Сульпиціево о размѣщеніи по всѣмъ трибамъ Италійскихъ союзниковъ, получившихъ право гражданства. Сею мѣрою хотѣлъ онъ пріобрѣсть къ себѣ расположеніе отъ всей Италіи. Но какъ всѣ сословія Римлянъ и самые Трибуны не согласились утвердить сего не нужнаго по времени узаконенія, то Цинна тотчасъ прибѣгнулъ къ средствамъ, вошедшимъ уже въ обыкновеніе. Онъ, пред-

водительствуя кліентами и сообщниками своими, нападаетъ съ обнаженными мечами на собраніе. Въ то самое время приходитъ Консулъ Октавій. Къ нему пристаютъ всѣ благомыслящіе граждане, и подъ начальствомъ добраго Консула разгоняютъ мятежниковъ. Самъ Цинна не избѣжалъ бы отъ смерти, естьли бы имѣлъ подобныхъ себѣ непріятелей. Но Октавій, уважая въ Циннѣ достоинство Консула, отвратилъ мечь отъ врага своего и обратился къ храму Касторову. Однакожъ народъ не былъ столь великодушенъ. Онъ продолжалъ драку, и увѣряютъ, что въ семъ смятеніи погибло до десяти тысячь душъ. Сенатъ за произведенный Цинною мятежъ отрѣшилъ его отъ Консульства, а на мѣсто его избралъ Корнелія Меруллу, жреца Юпитерова.

Цинна между тѣмъ убѣжалъ въ Кампанію, успѣлъ склонить на свою сторону корпусъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Клавдія; потомъ, пробѣгая по всѣмъ городамъ Италіи, склонялъ союзниковъ принять его сторону, объявляя, что за нихъ онъ пострадалъ и изключенъ изъ Консульства. Сими про-

тивузаконными поступками успѣлъ онъ собрать подъ свое начальство армію, числомъ до ста пятидесяти тысячь, съ нужными для военныхъ дѣйствій запасами.

Октавій и Мерулла, узнавъ о предстоящей опасности, готовились привести Римъ въ оборонительное состояніе, и разослали къ корпуснымъ начальникамъ въ Италіи приказы, поспѣшить на защиту города. Но изъ сихъ начальниковъ одни держали сторону Марія, и неторопились выполнить предписаніе Консуловъ и Сената, выжидая между тѣмъ, которая сторона переможетъ; другіе, хотя и готовы были повиноваться указу, но по отдаленности мѣстопребыванія своего не могли въ скоромъ времени поспѣшить на помощь.

Марій между тѣмъ, получивъ извѣстіе, что Силла выѣхалъ изъ Италіи, и что угнѣтенная партія его съ успѣхомъ дѣйствуетъ къ возвышенію своему, поспѣшилъ пріѣздомъ въ Италію. Онъ успѣлъ набрать до тысячи человѣкъ, а прибывъ въ Италію приглашалъ всѣхъ, даже и рабовъ, становиться подъ на-

чальство его, обѣщая имъ свободу отъ господъ и право гражданства. Сими противузаконными средствами набравъ до шести тысячь, явился къ Циннѣ, предлагая ему услуги свои. Не трудно было подружиться симъ двумъ кровожаднымъ начальникамъ, которые и до того имѣли между собою тайное сношеніе. Коль же скоро Цинна дождался къ себѣ Марія, то по общему совѣту осадили Римъ четырьмя арміями подъ начальствомъ Марія, Цинны, Серторія и Карбона.

Октавій имѣлъ весьма слабую защиту въ гражданахъ противъ столь страшныхъ непріятелей. Любовь къ порядку и точному наблюденію закона не допускала его употреблять средства, подобныя его противникамъ. Онъ несогласился даже, въ нарушеніе закона, призвать рабовъ къ защитѣ; между тѣмъ какъ враги его, попирая законы, жертвовали всемъ для личнаго мщенія. Они захватили Остію и предали на разграбленіе, какъ городъ непріятельской; пресѣкли подвозъ въ Римъ съѣстныхъ припасовъ и морили жителей голодомъ. Октавій, будучи окруженъ измѣнниками,

какъ въ арміи, такъ и въ самомъ городѣ, не отважился на сраженіе и, почитая благоразумнѣе склонить мятежниковъ къ миролюбивымъ чувствованіямъ, отправилъ къ нимъ пословъ съ прозьбою пощадить отечество. Цинна, недавая отвѣта, спросилъ напередъ: признаетъ ли Сенатъ его Консуломъ? Послы, не имѣя на сей вопросъ ни какого предписанія, должны были возвратиться безъ всякаго успѣха. Сенатъ также затруднился отвѣчать, ибо на мѣсто Цинны избранъ былъ въ Консулы Мерулла, котораго отставить не было законной причины безъ явнаго ему оскорбленія. Мерулла, видя затрудненія Сената, добровольно отрѣкся отъ Консульства, и чрезъ то уничтожилъ препятствіе, признать Цинну по прежнему Консуломъ.

Цинна, получивъ Сенатской указъ о возвращеніи ему Консульства, обѣщалъ посланнымъ въ присудствіи Марія щадить жизнь гражданъ; но когда послы удалились, въ то время два злодѣя придумывали средства, какой родъ мщенія можетъ быть удовлетворительнѣе. Выискивать однихъ виновныхъ казалось имъ продолжительно, и кровь сихъ нещаст-

ныхъ не могла бы утолить гнѣва злобныхъ мстителей. И по тому Цинна, не смотря на то, что принятъ въ городъ съ честію и почтеніемъ, приказалъ заперетъ всѣ выходы, чтобъ ни кто не могъ выдти изъ города. Марій же, остановясь въ воротахъ, не захотѣлъ идти далѣе, говоря съ злобною усмѣшкою, что осужденные на изгнаніе не имѣютъ права входить въ городъ. Надлежало тотчасъ созвать народное собраніе и разрѣшить его отъ изгнанія. Между тѣмъ, когда собирали голоса, онъ соскучился оставаться въ бездѣйствіи и, не ожидая указа, вступилъ въ городъ, и тотчасъ далъ приказъ къ удовлетворенію злобной души своей. Вдругъ войски разсыпались по городу и, подъ предлогомъ отыскиванія непріятелей, начали рубить и грабить всѣхъ безразбору; особливо призванные Маріемъ рабы отличились отъ прочихъ въ жестокости. У кого что можно было отнять, тотъ и почитался уже непріятелемъ Маріевымъ. Консулъ Октавій, обнадеженный въ безопасности, былъ заколотъ въ курульныхъ креслахъ своихъ. Множество Сенаторовъ, бывшихъ Консулами и Цензорами, претерпѣли такую же участь.

Крассъ и Маркъ Антоній, отецъ и дѣдъ извѣстныхъ лицъ въ послѣдствіи, и Мерулла отрѣкшійся Консулъ, не избѣжали отъ смерти съ тою только разницею, что Крассъ и Мерулла сами себя лишили жизни, Антоній же былъ открытъ по простодушію одного служителя (*). Наконецъ убійство дошло до такой степени, что по одному виду, по одному взгляду Маріеву лишали жизни попадающихся ему на встрѣчу. Разсказываютъ даже, когда сей кровопійца ходилъ по улицамъ, утѣшаясь злобнымъ мщеніемъ своимъ, и есть ли кто ему поклонится, или что спроситъ и неполучитъ отвѣта, тотъ уже и почитался достойнымъ смерти.

(*) Антоній скрылся въ домъ одного бѣднаго знакомаго. Хозяинъ, желая угостить дорогаго гостя, послалъ купить вина самаго лучшаго. Винопродавецъ зная, что въ тотъ домъ не покупалось хорошаго вина, спросилъ у посланнаго о причинѣ столь необыкновенной покупки. Служитель по дружбѣ разсказалъ, что хозяинъ его хочетъ угостить Антонія, а чрезъ то подалъ случай вѣроломному винопродавцу открыть убѣжище Антоніево.

Пять дней и пять ночей сряду продолжалось сіе ужасное кровопролитіе. Множество домовъ опустѣло, а улицы завалены были тѣлами убитыхъ. Но не одинъ Римъ подвергнулся сему жестокому жребію. Убійцы разосланы были по всѣмъ дорогамъ и по всѣмъ городамъ Италіи отыскивать непріятелей Маріевыхъ, или приверженныхъ къ древнему правленію. Коль же мало наблюдалась справедливость при таковыхъ убійствахъ, можно судить по тому, что немного времени спустя Фамбрій, одинъ изъ кровожадныхъ наперстниковъ Маріевыхъ, приказалъ убить Понтифика Сцеволлу, самаго добродѣтельнаго гражданина священнослужителя; но сей нещастный былъ только пораненъ. Фамбрій, неудовольствуясь столь легкимъ наказаніемъ, позвалъ его къ суду, и когда спросили, какое сдѣлалъ онъ преступленіе? Фамбрій отвѣчалъ хладнокровно: подсудимый виноватъ въ томъ, что не насквозь проколотъ.

Марій и Цинна, насытясь кровію гражданъ, прекратили наконецъ убійство. И какъ настоящій годъ уже истекалъ то они безъ всякаго обряда и согласія

нарѣкли себя на слѣдующій годъ Консулами. Первый день новаго года отличили они новыми лютостями. Между тѣмъ торжествующій Марій, заглушивъ въ сердцѣ своемъ всякое чувство справедливости и состраданія, не могъ избавиться отъ страха. Грозный врагъ Силла носился надъ его головою и не давалъ ему ни на минуту покою. Однѣ блистательныя побѣды удерживали его въ Греціи, и потому Марій, страшась возвращенія его, спѣшилъ прекратить жизнь свою пьянствомъ и невоздержаніемъ. Горячка схватила его, и чрезъ 17 дней, по вступленіи въ седьмое Консульство, Римъ обрадованъ былъ смертію одного изъ жесточайшихъ своихъ мучителей.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Историческое извѣстіе о Понтійскихъ Царяхъ. Война съ Митридатомъ подъ начальствомъ Силлы. Дѣйствія его въ Греціи и Азіи. Произшествія 3 лѣтъ, отъ 87 до 84 года до Р. Х.

Митридатъ, Понтійской Царь, замѣчателенъ въ древней исторіи сколько по жестокой войнѣ, а болѣе еще того по непримиримой ненависти къ Римлянамъ. Онъ произошелъ отъ древней Персидской фамиліи, участвовавшей въ низверженіи Волхва Смердиса, и полагаютъ родоначальникомъ Понтійскихъ Царей Артабана сына Даріева, а брата Ксерксова, который былъ удѣльнымъ Княземъ Персидской Монархіи, и владѣлъ не большею областію въ Малой Азіи на берегу Чернаго моря, отъ рѣки Гилиса до Колхиды. Завоеванія Александра Македонскаго и преемниковъ его некоснулись Царства Понтійскаго, которое удержало на себѣ собственное свое правленіе и оставалось почти въ неизвѣстности около четырехъ столѣтій.

Отецъ Митридатовъ первый изъ Понтійскихъ Царей вошелъ въ сношеніе съ Римлянами, подавъ имъ помощь противъ Аристоника, претендателя Пергамскаго Царства, и получилъ за то отъ Римлянъ большую Фригію. Онъ убитъ злоумышленіемъ придворныхъ, оставя Митридата на двѣнадцатомъ годѣ отъ роду. Опекуны малолѣтнаго наслѣдника имѣли намѣреніе погубить его, и даже утверждаютъ, самая мать Митридатова брала въ томъ участіе. Сіи козни сильно подѣйствовали на нравъ Митридата, и пріучили его быть осторожнымъ, недовѣрчивымъ и даже жестокимъ. Будучи окруженъ опасностями, онъ удалился изъ столицы, оставя правленіе въ рукахъ вѣроломныхъ опекуновъ своихъ. Проживая въ деревняхъ и занимаясь звѣринною охотою, онъ пріобрѣлъ крѣпость тѣлесную, и пріучился къ суровой и многотрудной жизни. Когда же увидѣлъ себя въ состояніи войти въ права свои, то первымъ дѣломъ счелъ убить опекуновъ, не пощадилъ и мать свою и брата, опасаясь его совмѣстничества. Обезопасивъ себя на Царствѣ симъ злодѣяніемъ, началъ готовиться къ распространенію владѣній своихъ. Онъ

не посмѣлъ напасть напередъ на владѣнія въ Малой Азіи, которыя находились большею частію подъ покровительствомъ Римлянъ. Востокъ и сѣверъ показались ему удобнѣе къ завоеваніямъ.

Въ семъ намѣреніи напалъ онъ прежде на Скифовъ и, получивъ надъ ними знатныя преимущества, распространилъ завоеванія свои въ семъ краю до береговъ Азовскаго моря. Возгордясь таковыми побѣдами, онъ пересталъ страшиться Римлянъ, и началъ оружіемъ и хитростію прибирать сосѣднія владѣнія въ Малой Азіи. Споры и тяжбы по сему случаю дошли до Римскаго Сената. Митридатъ, не желая еще обнаружить образа своихъ мыслей, посылалъ и отъ себя въ Римъ нѣсколько разъ повѣренныхъ, изъ коихъ одни худо приняты, а другіе отпущены съ нерѣшительнымъ отвѣтомъ. Но Митридатъ мало заботился о благоволеніи Римлянъ; онъ старался выиграть только время, и нападеніемъ на сосѣдей пріучить армію свою къ военнымъ дѣйствіямъ. Когда же увидѣлъ, что Римляне заняты союзною войною и внутренними смятеніями, то почелъ сіе время самымъ удобнымъ къ

открытію военныхъ дѣйствій; а чтобъ еще болѣе укрѣпиться въ силахъ своихъ, выдалъ дочь свою Клеопатру за Тиграна Арменскаго Царя, и набравъ армію въ двѣсти тысячь пѣхоты съ достаточнымъ числомъ конницы и присовокупя къ тому значительныя морскія силы, недумалъ уже чтить съ благоговѣніемъ опредѣленія Римскаго Сената.

Когда Митридатъ отнялъ у законныхъ владѣтелей Вифинію и Каппадокію, Римскіе полководцы въ Азіи вступились за изгнанныхъ съ престоловъ Государей, союзниковъ своихъ. Митридатъ одержалъ надъ ними двѣ побѣды, согналъ ихъ съ поля и заставилъ запереться въ городахъ. Сіи побѣды обратили на Митридата вниманіе всѣхъ восточныхъ Государей, которые къ удивленію своему увидѣли Понтійскаго Царя, явно презирающаго могущество Римское. Въ слѣдъ за тѣмъ многіе города въ Малой Азіи, одни тайно, другіе явно прилѣпились къ Митридату, которой въ короткое время занялъ большую часть Малой Азіи, и успѣлъ захватить въ свои руки двухъ Римскихъ начальниковъ Оптія и Аквиллія. Въ отмщеніе

за то презрѣніе, какое Римляне оказывали къ побѣжденнымъ Государямъ, Митридатъ наругался надъ сими Римлянами, особливо надъ Аквилліемъ, котораго, заковавъ въ желѣза, возилъ на ослѣ на показъ народу и наконецъ по корыстолюбію его залилъ ему горло золотомъ. Напротивъ того обходился весьма великодушно съ покоренными народами, оставилъ имъ собственные законы и освободилъ на пять лѣтъ отъ Государственныхъ налоговъ.

Мщеніе Митридата неудовлетворилось надъ двумя главными начальниками. Желая очистить Азію отъ Римлянъ, онъ разослалъ къ правителямъ городовъ указы, побить въ назначенный день всѣхъ Римлянъ и Италійцовъ со всѣми ихъ семействами, имѣніе отдать убійцамъ и выдать награжденіе тѣмъ, кто отыщетъ укрывшихся; напротивъ того взыскать штрафъ съ тѣхъ, кто необъявитъ, или дастъ убѣжище осужденнымъ. Столь кровожаждущій и приманчивый для низкихъ душъ указъ произвелъ свое дѣйствіе. Восемдесятъ тысячь нещастныхъ жертвъ въ одинъ день предано смерти. Самое малое число Римлянъ

успѣли спастись, въ томъ числѣ и добродѣтельный Рутиллій вышелъ невредимъ изъ общаго побоища.

Митридатъ, подобно многимъ завоевателямъ древнихъ и новыхъ времянъ, неудовольствуясь покореніемъ Малой Азіи, захотѣлъ быть господиномъ надъ островами и Греціею. Въ семъ намѣреніи высадилъ въ Европу сильную армію подъ начальствомъ сына своего, а другую отправилъ моремъ прямо въ Грецію. При видѣ столь страшнаго непріятеля Греческіе острова и города раздѣлились въ образѣ мыслей. Одни, особливо Родяне, упорно защищали сторону Римлянъ и собственную свою независимость; другіе приняли законъ сильнѣйшаго; но ни кто однакожъ невыказалъ при семъ случаѣ такой безразсудности, какъ Афиняне. Сей тщеславный народъ, потерявъ мужество и благоразуміе, все еще гордился древнимъ величіемъ своимъ. Будучи пристрастенъ къ площаднымъ ораторамъ, онъ попустилъ управлять собою софисту Аристіону, которой, выдавая себя за Философа, успѣлъ обмануть легкомысленной народъ симъ почтеннымъ именемъ. Онъ похитилъ до-

вѣріе у гражданъ для переговоровъ съ Мидридатомъ, предавъ сему Государю отечество свое и, воспользуясь довѣренностію съ обоихъ сторонъ, успѣлъ съ помощію Митридатовыхъ войскъ захватить въ свои руки правленіе, окружить себя охранительною стражею, предать городъ Митридату и быть тираномъ своего отечества.

Афиняне, всегда легкомысленные и всегда мечтательные, съ восторгомъ приняли сію новость; но благомыслящіе граждане съ ужасомъ представляли себѣ жестокія послѣдствія отъ сего переворота и, находясь въ опасности отъ господствующей Тиранніи, удалились въ Италію.

Таково было состояніе дѣлъ Митридатовыхъ, когда Силла въ 87 годѣ до Р. Х. прибылъ въ Грецію. Онъ пошелъ прямо на Афины, желая отнять сей городъ у Митридата и тѣмъ ослабить вліяніе его на Грецію. Не всякой полководецъ отважился бы на сіе предпріятіе потому, что городъ былъ очень крѣпокъ, соединенъ особою стѣною съ морскою пристанью и защищаемъ, кро-

мѣ многолюдства жителей, искуснѣйшимъ Митридатовымъ полководцемъ Архелаемъ съ достаточнымъ числомъ отборнаго войска. Всѣ сіи препятствія неотвратили Силлы отъ принятаго намѣренія. Увидя, что по высотѣ стѣнъ, не возможно влезть на оныя по лѣстницамъ, тотчасъ началъ готовить осадныя орудія. Но какъ издержки на всѣ работы превосходили сумму, на войну съ Митридатомъ опредѣленную, то Силла, взявъ казну изъ храмовъ Юпитерова и Екскулапіева, послалъ еще предложеніе совѣту Амфиктіонову, чтобъ отпустить ему въ заемъ всѣ сокровища изъ Делфійскаго храма. Не легко было достать сіи сокровища, къ которымъ ни Македонскіе, ни Сирійскіе Цари, ни самые Римляне неприкасались. Но настойчивость Силлы заставила повиноваться и жрецовъ и Амфиктіоновъ; когда же получилъ сіи сокровища, то повѣствуютъ будто бы сказалъ: теперь я несомнѣваюсь въ побѣдѣ. Сами Боги будутъ платить жалованье моему войску.

Не смотря на всю дѣятельность Силлы осада городу длилась почти безъ дальнаго успѣха, ибо Архелай и Аристі-

онъ, начальствуя одинъ въ Пиреи, другой въ городѣ, недопускали жителей ни до какихъ соглашеній съ Римлянами. Между тѣмъ отъ пресѣченія подвоза въ городъ съѣстныхъ припасовъ, жители почувствовали совершенной голодъ; а перемѣтчики, извѣщая Силлу на стрѣлахъ и камняхъ о всѣхъ произшествіяхъ, дали знать между прочимъ объ одномъ слабо защищаемомъ мѣстѣ, чрезъ которое можно ворваться въ городъ. Силла непренебрегъ совѣтомъ, осмотрѣлъ самъ то мѣсто и, нашедши его дѣйствительно удобнымъ, далъ приказъ въ слѣдующую ночь овладѣть тѣмъ мѣстомъ и отворить городъ.

Между тѣмъ жрецы и жители усердно просили Аристіона, пощадить жизнь гражданъ и непредавать всѣхъ голодной смерти; но Аристіонъ, проводя дни и ночи съ друзьями своими въ забавахъ и пиршествахъ, нечувствовалъ голоду, однакожъ рѣшился потѣшить гражданъ отправленіемъ къ Силлѣ депутатовъ для мирныхъ переговоровъ. Депутаты сіи, изъ числа кудрявыхъ риторовъ, вздумали увѣщевать Силлу величіемъ предковъ своихъ и побѣдами при Мараѳонѣ и Са-

ламинѣ. Силла, соскучась слушать неумѣстное краснорѣчіе, сказалъ депутатамъ: подите, произносите сіи рѣчи школьникамъ вашимъ, а я пришелъ сюда не учиться вашей исторіи, но наказать измѣнниковъ.

Предпріятіе Силлы овладѣть слабымъ мѣстомъ совершено съ успѣхомъ. Посланный туда отрядъ вошелъ въ городъ и, поваливъ часть стѣны, доставилъ свободный проходъ всему войску. Городъ отданъ на расхищеніе, но зданія пощажены изъ уваженія къ древней славѣ, и по прозьбѣ удалившихся гражданъ, оставшихся вѣрными къ Римлянамъ. Въ слѣдъ за тѣмъ и Пирей былъ осиленъ. Аристіонъ, ненадѣясь быть прощенъ за злодѣянія свои, самъ себя лишилъ жизни; Архелай же съ оставшимися войсками удалился на флотѣ, и присоединился къ прибывшей подъ начальствомъ сына Митридатова сухопутной арміи.

Силла, по малому числу находящихся у него войскъ, не могъ оставить въ Афинахъ гарнизона, и потому, разрушивъ стѣны Пирея и сожегши арсеналъ

и запасы для флота, отправился на встрѣчу Митридатовой арміи. Они сошлись при Херонеи. У полководцевъ Митридатовыхъ щиталось войскъ до ста тысячь, а у Силлы со всѣми вспомогательными войсками было не съ большимъ тридцать тысячь. Такая несоразмѣрность устрашала Римлянъ. Силла, замѣтя оробѣвшій духъ въ своихъ воинахъ, началъ томить ихъ работами и довелъ того, что они сами стали просить начальника дать сраженіе — и сраженіе, не смотря на всѣ усилія Архелая, доставило Силлѣ полную побѣду, со взятіемъ непріятельскаго стана и казны, которою Силла заплатилъ долгъ Делфійскому и Олимпійскому храмамъ.

Сраженіе при Херонеи случилось не много спустя послѣ того времени, когда Марій нарѣкъ себя въ седьмое Консульство, и когда по смерти его Валерій Флаккъ заступилъ его мѣсто. Сіи произшествія въ Римѣ устрашали Силлу болѣе, нежели многочисленныя полчища Митридатовы. Тамъ видѣлъ онъ, что вся партія его подавлена, а что еще болѣе наводило ему беспокойства, новый Консулъ готовился идти въ Гре-

цію подъ предлогомъ войны на Митридата, въ самомъ же дѣлѣ для отнятія начальства у Силлы. Съ другой стороны Митридатъ, узнавъ о пораженіи войскъ своихъ при Херонеи, отправилъ въ Грецію другую армію въ числѣ 80 тысячь.

Въ сихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ не всякой полководецъ могъ бы собраться съ духомъ, поправить свое положеніе. Силла предвидѣлъ, что онъ скоро будетъ находиться между двухъ идущихъ на него армій, и потому, желая напередъ раздѣлаться съ Консуломъ, пошелъ въ Фессалію встрѣтить его. На дорогѣ получилъ извѣстіе, что новая армія Митридатова соединилась уже въ Віотіи съ остатками разбитой при Херонеи. Сіе извѣстіе заставило Силлу воротиться въ Віотію, и принудить Архелая къ вторичному сраженію предъ Охроменомъ. Щастіе Силлы, вспомоществуемое отличными способностями его и мужествомъ воиновъ, доставило и здѣсь ему побѣду, при которой однакожъ вдавался онъ во всѣ опасности. Разсказываютъ, когда замѣтилъ онъ отчаяніе своихъ воиновъ, готовящихся

оставить поле сраженія, то выхвативъ знамя вскричалъ имъ: подите трусы, скажите въ Римѣ, что вы оставили начальника своего одного при Охроменѣ — и воины довершили побѣду. Сіе второе пораженіе тѣмъ чувствительнѣе было для Митридата, что онъ, по открывшемуся въ Малой Азіи возмущенію и по жестокимъ мѣрамъ, употребленнымъ къ прекращенію сего возмущенія, потерялъ большую часть Азійскихъ владѣній, и не надѣясь удержать за собою остальныхъ завоеваній, далъ приказъ Архелаю примириться съ Силлою, на какихъ условіяхъ возможно будетъ.

Предложеніе о мирѣ было еще выгоднѣе для Силлы, нежели самыя его побѣды; ибо онъ опасался, чтобы Консулъ Флаккъ, прибывшій уже съ частію войскъ своихъ въ Грецію, не разстроилъ его положенія; а притомъ многіе Сенаторы и знаменитые граждане, избѣгая лютости Цинны и Карбона, прибыли къ нему въ станъ, какъ въ единственное безопасное убѣжище, и не отступно просили избавить отечество отъ Тиранніи. Архелай зная то положеніе, въ какомъ находился Силла, ду-

малъ пріобрѣсть нѣкоторые выгоды въ переговорахъ и заключить миръ, непостыдный для своего Государя. Но Силла и въ самой крайности неизмѣнилъ характеру Римлянъ. Онъ потребовалъ и настоялъ въ томъ, чтобъ Митридатъ отступился отъ Греціи и отъ всѣхъ завоеваній въ Азіи, и ограничился бы прежними владѣніями отца своего; сверхъ того заплатилъ бы за военныя издержки двѣ тысячи талантовъ и отдалъ бы Силлѣ 70 галеръ со всѣмъ вооруженіемъ; а Силла обѣщалъ признать Митридата союзникомъ, и не мстить за побіеніе Римлянъ въ Азіи.

Митридатъ не торопился подтвердить столь тягостнаго для него договора, выжидая между тѣмъ, какой оборотъ примутъ движенія Флакковы. Но сей Консулъ не осмѣлился напасть на Силлу, опасаясь возмущенія въ своихъ войскахъ, и потянулся по Македоніи и Фракіи въ Азію въ намѣреніи открыть тамъ войну на Митридата. Неспособность его въ военномъ дѣлѣ и жадность къ деньгамъ были причиною, что Фамбрій подначальникъ его, извѣстный по своему бѣшенству и лютости, оказан-

ной при убіеніи Сцеволлы, поссорился съ своимъ начальникомъ; и когда Флаккъ отрѣшилъ его отъ должности, то Фамбрій, возмутивъ армію, принялъ команду надъ оною, а Консула убилъ въ Никомедіи на берегу Малой Азіи; потомъ пошелъ на полководцевъ Митридатовыхъ, одержалъ надъ ними побѣду, и самаго Митридата выгналъ изъ Пергама. Онъ могъ бы даже и схватить сего Государя, естьли бы Лукуллъ, квесторъ Силлинъ, согласился помочь своимъ флотомъ.

Силла между тѣмъ, не получая утвержденія на мирный договоръ, не разсудилъ возвратиться въ Римъ, не кончивъ войны съ Митридатомъ. Онъ пошелъ по слѣдамъ Флакка въ Азію, и на дорогѣ уже получилъ рѣшительный отвѣтъ отъ Митридата. Сей Государь, подтверждая всѣ статьи договора, просилъ только оставить за нимъ Пафлагонію и не соглашался отдать 70 галеръ. Силла напротивъ того рѣшительно настоялъ въ своемъ требованіи, и отпустилъ пословъ, незаключивъ договора. Положеніе Митридата часъ отчасу становилось затруднительнѣе. Съ одной стороны Фамбрій тѣснилъ его въ Азіи,

а съ другой Силла готовился уже переплыть чрезъ Геллеспонтъ. Въ сей крайности онъ предпочелъ надежнѣе заключить миръ съ Силлою, въ чемъ и необманулся.

Силла, переправясь въ Азію, имѣлъ свиданіе съ Митридатомъ и, заключивъ съ нимъ мирный договоръ, отпустилъ сего Государя, потерявшаго всѣ завоеванія свои, въ наслѣдственныя владѣнія; а самъ пошелъ на Фамбрія, который производилъ въ Азіи ужасныя лютости и опустошенія. Силлѣ не много было труда побѣдить Фамбрія. Коль скоро они сблизились, то воины Фамбріевы и начали перебѣгать въ станъ къ Силлѣ. Ни прозьбы, ни угрозы, ни выгодныя обѣщанія не могли остановить сего побѣга, и Фамбрій видя, что скоро будетъ всѣми оставленъ и неполагаясь на милость Силлы, убѣжалъ въ Пергамъ и лишилъ себя жизни въ храмѣ Екскулапіевомъ.

Такимъ образомъ Силла, прибывъ въ Азію, рѣшилъ два важныя дѣла, неупотребляя оружія. Оставшись полнымъ властелиномъ въ Азіи и въ Греціи, онъ

послалъ въ Римъ донесеніе о побѣдахъ своихъ и о заключеніи мира съ Митридатомъ, какъ будто ничего не зная о сдѣланномъ противъ него опредѣленіи. Потомъ, возстановя сверженныхъ Митридатомъ Никомеда въ Вифиніи и Аріобарзана въ Каппадокіи, началъ судить прочія Азійскія города и области за поведеніе ихъ въ прошедшую войну. Которые изъ нихъ остались вѣрными Римлянамъ, тѣ получили вознагражденіе; а передавшіяся сторонѣ Митридатовой должны были въ наказаніе принять на постой Римскую армію, выдать каждому воину по двѣ пары платья и, кромѣ квартиры и столоваго содержанія, платить по 16 драхмъ въ день жалованья. Сверхъ того наложилъ на Азію 20 тысячь талантовъ контрибуціи.

Сколь ни тягостенъ былъ сей налогъ за побіеніе Римлянъ по указу Митридатову, но онъ не былъ вымученъ ни грабежемъ, ни убійствами; а что еще болѣе облегчало участь Азійскихъ городовъ, Силла оставилъ для сбору контрибуціи Лукулла квестора своего, который, выполняя предписаніе, умѣлъ однакожъ ласковостію своею сдѣлать

сноснымъ возложенное бремя, и заслужить себѣ благодарность въ такой должности, въ которой другіе по жадности своей подвергались ненависти и проклятію. Лукуллъ имѣлъ еще и ту личную выгоду, что оставшись въ Азіи неучаствовалъ во внутреннихъ смятеніяхъ, и необагрилъ рукъ въ крови согражданъ своихъ.

По окончаніи Азійскихъ дѣлъ Силла, оставя въ Азіи Мурену намѣстника своего съ принятыми отъ Фамбрія легіонами, самъ съ состоящею подъ собственнымъ его начальствомъ арміею отправился моремъ въ Афины. Здѣсь получилъ онъ библіотеку Апелликонову съ подлинниками Аристотелевыхъ сочиненій, и перешедъ въ Диррахій, отправился моремъ въ Италію. Но прежде, нежели опишемъ дѣйствія его въ Италіи, нужно бросить взоръ на произшествія въ Римѣ, случившіяся по смерти Маріевой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Произшествія въ Римѣ по смерти Маріевой. Силла прибываетъ въ Италію, разгоняетъ выставленныя противъ его арміи, казнитъ приверженныхъ къ противной сторонѣ, получаетъ чинъ безсмѣннаго Диктатора, исправляетъ законы и переходитъ въ состояніе простаго гражданина. Смерть и погребеніе его. Произшествія 6 лѣтъ, отъ 84 до 78 года до Р. Х.

Ужасныя злодѣйства, причиненныя Маріемъ и Цинною при порабощеніи отечества своего, доставили Риму на нѣсколько времени мрачное спокойствіе. Казни и ссылки были не столь уже часты, и кто навлекалъ на себя хотя малое подозрѣніе, тотъ старался заблаговременно удалиться въ станъ Силлы, или въ другое безопасное мѣсто. Между тѣмъ доносы и подозрѣнія на богатыхъ гражданъ, и завоеваніе Митридатомъ Малой Азіи и частію Греціи подорвали кредитъ казенной и общенародной. Многіе граждане и отпущенники, лишась въ Азіи капиталовъ своихъ, обѣдняли; другіе, при всеобщемъ упадкѣ кредита и по притѣсненію господствующей

партіи, прижались и не смѣли дѣлать ни какихъ оборотовъ. Деньги стали очень рѣдки, платежи остановились, и самое правительство нашлось въ затрудненіи исправлять казенныя потребности. Въ сей крайности вздумали перемѣнить достоинство монеты, и надбавляя нѣсколько разъ цѣну на деньги, довели наконецъ казенной кредитъ до совершеннаго упадка. Доносы на областныхъ правителей и другихъ начальниковъ въ похищеніи казны также не поправили денежнаго оборота. При семъ случаѣ замѣтили молодаго Помпея, вошедшаго въ первый разъ на кафедру защищать дѣло отца своего, и правильностію сужденія заслужившаго народную похвалу и довѣренность.

Въ такомъ состояніи находились дѣла въ Римѣ, когда получено донесеніе отъ Силлы о побѣдахъ его надъ Митридатомъ, и о намѣреніи возвратиться въ Италію. Консулы не могли скрыть сего донесенія. Оно прочитано въ общемъ присудствіи Сената. Большая часть голосовъ согласны были войти съ Силлою въ переговоры; но Консулы не хотѣли слышать ни о какихъ сношеніяхъ.

Они готовились отразить силу силою, и чинили наборы войскъ по всей Италіи. Цинна, будучи въ четвертый разъ уже Консуломъ, располагался встрѣтить Силлу въ Иллиріи или въ Епирѣ; но войски неохотно слѣдовали за нимъ на брань междоусобную, и когда онъ занимался переправою войскъ, молодой Помпей, находившійся въ его станѣ, вдругъ пропалъ безъ вѣсти. Войски любили Помпея и, почитая Цинну виновникомъ его смерти, пришли въ явное возмущеніе. Консулъ хотѣлъ укротить бунтъ угрозами, но былъ заколотъ однимъ центуріономъ. Смерть его остановила переправу войскъ, но не отмѣнено намѣреніе защищаться оружіемъ. Другой Консулъ Карбонъ продолжалъ наборы войскъ, и не торопился избрать себѣ товарища. Когда же наступило время къ выбору новыхъ Консуловъ, то онъ, невозмогши удержать за собою главнаго начальства, употребилъ всѣ мѣры, чтобъ выборъ палъ на гражданъ, поддерживающихъ его сторону.

Новые Консулы Сципіонъ и Норбанъ набрали армію, по извѣстіямъ Силлы, болѣе двухъ сотъ тысячь человѣкъ; а у

Силлы, съ вспомогательными войсками изъ Греціи, было не болѣе сорока тысячь. Силла, какъ искусной политикъ, прибывъ въ Италію, старался преклонить къ себѣ сердца людей кроткимъ и снизходительнымъ поведеніемъ. Армія его дошла до Кампаніи, не сдѣлавъ на дорогѣ ни городамъ, ни деревнямъ ни какого насилія или оскорбленія. Здѣсь присталъ къ нему съ небольшимъ отрядомъ Метеллъ Пій, которой не столько войскомъ, сколько особою своею поддержалъ сторону Силлы. Когда же сей прибылъ на видъ арміи Консула Норбана, то отправилъ къ нему пословъ съ мирными предложеніями. Но Консулъ, въ надеждѣ на многочисленность арміи своей, обошелся съ присланными очень дурно и отпустилъ ихъ съ побоями. Такой пріемъ раздражилъ воиновъ Силлиныхъ. Они напали на армію Норбанову, и однимъ разомъ сломили ее. Самъ Консулъ убѣжалъ въ Капуу.

Сія побѣда укрѣпила воиновъ въ довѣренности къ Силлѣ, и доставила ему нѣсколько перемѣтчиковъ съ противной стороны. Въ слѣдъ за тѣмъ встрѣтился Силла съ арміею Консула Сципіона

и, наблюдая принятыя имъ правила, отправилъ и къ сему Консулу пословъ для мирныхъ переговоровъ. Сципіонъ не отказался отъ предложенія, но желая переговорить напередъ съ товарищемъ своимъ, заключилъ съ Силлою перемиріе, въ продолженіе коего воины Силлины перенюхались съ Консульскими и большую часть изъ нихъ склонили на свою сторону. Между тѣмъ Серторій, бывшій на сторонѣ Сципіона, нарушилъ перемиріе, занявъ преданной Силлѣ городъ. Сципіонъ, размѣнявшись заложниками, приготовился къ сраженію. Но лишь только Силла съ двадцатью когортами подошелъ къ стану Сципіонову, то вся армія его въ числѣ двадцати тысячь перешла подъ знамена Силлы. Одинъ Консулъ съ сыномъ остались въ ставкѣ своей. Силла, не почитая сей поступокъ арміи побѣдою надъ Консуломъ, не почелъ особу его военноплѣнною, и позволилъ ему съ сыномъ и нѣкоторыми другими чиновниками, полагаютъ и съ Серторіемъ, удалиться куда угодно, взявъ только честное слово, не воевать противъ его.

Однакожъ сіи выгоды не обнадеживали еще Силлу въ вѣрномъ успѣхѣ сво-

его дѣла. Потеря семи тысячь убитыми у Норбана, и двадцати тысячь живыми у Сципіона, несоставляли важной потери по числу всей арміи, собранной противъ Силлы. Ему предстояло сражаться со многими корпусами, и могло случиться, выдержать продолжительную войну въ полѣ, не имѣя у себя ни одного вѣрнаго города. По сей причинѣ вздумалъ онъ усилить армію свою наборами войскъ въ Италіи. Молодому Крассу, не задолго предъ тѣмъ къ нему приставшему, поручилъ произвесть наборъ у Марсійцовъ. На дорогѣ стояла непріятельская армія, и потому Крассъ попросилъ у Силлы прикрытія. Я даю тебѣ въ провожатыхъ, сказалъ Силла, твоего отца, брата и всѣхъ сродниковъ, убитыхъ Маріемъ, за которыхъ я иду мстить. Крассъ, пристыженный трусостію, выполнилъ порученіе съ надлежащимъ успѣхомъ.

Другое приключеніе обнадежило Силлу еще болѣе въ его предпріятіи. Молодой Помпей, будучи только 23 лѣтъ отъ роду и видя, что многіе знатные Патриціи берутъ сторону Силлы, вздумалъ явиться къ нему не въ видѣ про-

сителя или изгнанника, ищущаго покровительства или убѣжища; но какъ отважный партизанъ, увѣнчанный славою и побѣдами. Въ семъ намѣренiи склонилъ онъ Пиценскихъ гражданъ вооружиться и, принявъ надъ ними начальство, пошелъ по окрестнымъ городамъ набирать охотниковъ, и наказывать приверженныхъ къ противной сторонѣ. Въ скоромъ времени успѣлъ онъ набрать три легiона со всемъ вооруженiемъ и снабженныхъ всѣми потребностями. Оставалось подвести ихъ къ армiи главнаго предводителя; но на дорогѣ стояли три непрiятельскiе корпуса, которые согласились общими силами остановить Помпея. Надобно было увернуться отъ сей опасности — и Помпей, какъ искусный и опытный полководецъ, не ожидая соединенiя непрiятелей, самъ напалъ на одинъ корпусъ подъ начальствомъ Брута и разбилъ его на голову. Остальные два начальника, поссорясь между собою, отступили въ разныя стороны. Избавясь отъ первой опасности, Помпей встрѣтился еще съ Консуломъ Сципiономъ, которой, въ нарушенiе даннаго Силлѣ честнаго слова, принялъ начальство надъ новою армiею, и такую же, какъ преж-

де, претерпѣлъ участь. Войски его частію разошлись, частію передались Помпею. Наконецъ и Карбонъ разбитъ былъ Помпеемъ, при рѣкѣ Езисѣ.

Силла, узнавъ о первыхъ движеніяхъ Помпея и опасаясь, чтобъ онъ, по молодости лѣтъ и по множеству окружающихъ его непріятелей, не проигралъ своего дѣла, пошелъ къ нему на встрѣчу. Но въ какое приведенъ былъ удивленіе, когда увидѣлъ, что Помпей идетъ къ нему церемоніальнымъ шагомъ, съ корпусомъ совершенно обмундированнымъ, вооруженнымъ и по тогдашнимъ правиламъ военнаго искуства устроеннымъ? Силла умѣлъ польстить Помпею, привѣтствуя его почетнымъ титломъ Императора, и послѣ при свиданіяхъ всегда привставалъ предъ нимъ и снималъ шапку.

Помпей, по приказанію Силлы, вскорѣ отправился въ Галлію на помощь къ Метеллу Пію, и произвелъ тамъ быстрые успѣхи въ пользу своей стороны; а Силла между тѣмъ разбилъ вновь избраннаго Консула Марія сына, загналъ его въ Пренестъ и, оставя при осадѣ

сего города Лукреція Офеллу, самъ пошелъ къ Риму. Жители, привыкшіе уже повиноваться праву сильнаго, приняли его безъ сопротивленія. Начальники противной стороны разбѣжались. Самые Консулы, Норбанъ прошлаго и Карбонъ товарищъ Маріевъ настоящаго года, ушли первый въ Родосъ, а послѣдній въ Африку. Однакожъ многочисленная армія, въ разныхъ отдѣльныхъ корпусахъ, оставалась еще въ Италіи. Начальники сихъ корпусовъ покушались нѣсколько разъ подать помощь Пренесту, но всегда были отбиваемы Силлою, или полководцами его. Наконецъ Телезинъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и искусныхъ начальниковъ Самнитскаго корпуса, вздумалъ въ расплохъ напасть на самый Римъ, и такъ искусно умѣлъ скрыть свое намѣреніе, что подошелъ ночью на разстояніе двухъ верстъ отъ города, не будучи ни кѣмъ преслѣдуемъ. Ужасъ и смятеніе въ Римѣ при видѣ Самнитскаго корпуса были столько же велики, какъ послѣ Канскаго пораженія.

На разсвѣтѣ нѣсколько молодыхъ Римлянъ выѣхали за городъ, въ намѣреніи развѣдать о непріятелѣ; но многіе

изъ нихъ заплатили за то своею жизнію. Между тѣмъ прибылъ отъ Силлы отрядъ конницы и, проскакавъ городомъ, началъ тревожить непріятеля. Вскорѣ послѣ того и самъ Силла прибѣжалъ съ своею арміею и, не давши ей отдыха, вступилъ въ сраженіе. Ни когда Силла не находился въ такой опасности, какъ на сей битвѣ. Правое крыло его арміи, подъ начальствомъ Красса, сломило непріятеля и погналось за нимъ, а лѣвое напротивъ того разстроилось. Тщетно Силла призывалъ усталыхъ воиновъ своихъ къ сраженію. Всѣ бѣжали или упадали подъ мечами непріятеля. Наконецъ, не извѣстно по какому случаю, при наступленіи ночи Самнитяне стали ослабѣвать и дали время Римлянамъ поправиться: полагаютъ, смертельная рана начальнику ихъ была тому причиною; ибо онъ на другой день найденъ между мертвыми тѣлами при послѣднемъ издыханіи.

Сія побѣда была послѣднимъ ударомъ сторонѣ Маріевой въ Италіи, и началомъ жестокостей Силлиныхъ. Онъ взялъ въ плѣнъ на послѣднемъ сраженіи шесть тысячь Самнитянъ, кото-

рымъ обѣщалъ пощадить жизнь; но вмѣсто того, созвавъ Сенаторовъ въ храмъ Беллоны для выслушанія его предложеній, приказалъ въ продолженіе рѣчи перебить въ близи собранія всѣхъ означенныхъ плѣнниковъ. Когда жалостный вопль сихъ нещастныхъ проникъ до ушей Сенаторовъ и привелъ ихъ въ смущеніе, Силла сказалъ хладнокровно: не безпокойтесь, вы слышите голосъ измѣнниковъ, которыхъ казнятъ по моему приказанію. Потомъ далъ приказъ убивать всѣхъ, державшихъ сторону Маріеву и конфисковать ихъ имѣніе. Исполнители сего ужаснаго повелѣнія, подъ видомъ враговъ правительства, выпросили позволеніе убивать и личныхъ своихъ непріятелей. Кто былъ богатъ, или кто имѣлъ долгъ на убійцахъ, тотъ безъ разбору подвергался казни.

Такія лютости и убійства навели всеобщій страхъ и ропотъ въ городѣ, ибо ни кто не былъ увѣренъ въ личной своей безопасности. Отважнѣйшіе явно негодовали на сіе душегубство, и молодой Метеллъ осмѣлился въ глаза сказать Силлѣ, что онъ не заступается за тѣхъ, которыхъ убить назначено;

но проситъ вывести изъ сомнѣнія и безпокойства тѣхъ гражданъ, которымъ жить предоставлено. Силла отвѣчалъ: что онъ не знаетъ еще, кто пощаженъ будетъ, однакожъ обѣщалъ о томъ подумать — и на другой день приказалъ прибить на площади роспись назначеннымъ къ смерти осьмидесяти особамъ, въ числѣ коихъ были четыре Консула: Сципіонъ и Норбанъ прошедшаго, и Марій сынъ и Карбонъ настоящаго года; за ними стояли въ росписи Серторій и главные начальники противной стороны. Въ слѣдующіе два дни прибиты были еще двѣ дополнительные росписи осужденныхъ, изъ которыхъ въ каждой стояло болѣе двухъ сотъ извѣстныхъ гражданъ.

По сему случаю Силла, созвавъ народное собраніе, говорилъ рѣчь, въ которой упомянулъ, что онъ поставилъ въ росписяхъ только тѣ имена, которыя пришли ему на память; но что онъ не проститъ ни одного врага своего, и ни одного чиновника, которые находились въ службѣ послѣ нарушенія Сципіономъ перемирія. Въ слѣдствіе сего число осужденныхъ на смерть умножилось до 4700

человѣкъ, въ томъ числѣ до двухъ тысячь всадниковъ и Сенаторовъ. Сколь ни ужасно было сіе убійство, но Силла, почитая его какъ бы дѣломъ законнымъ, приказалъ имена осужденныхъ на смерть записать въ лѣтописи.

Изъ числа оставленныхъ отъ пронаписанія на смерть замѣчательнѣе прочихъ былъ молодой 18 лѣтній Юлій Цесарь, ближній родственникъ Маріевъ и зять Цинны. Сильныя за него прозьбы избавили его отъ помѣщенія въ списокъ осужденныхъ; но Силла тогда же сказалъ просившимъ за него, что они оставляютъ жизнь будущему истребителю его дѣла, примолвя, что сей молодой человѣкъ одинъ замѣнитъ многихъ Маріевъ. Послѣдствіе доказало, что Силла умѣлъ цѣнить людей, и въ самой молодости узнавать развивающіяся способности.

Въ продолженіе сихъ произшествій, молодой Марій все еще держался въ Пренестѣ. Силла, желая скорѣе кончить дѣло, приказалъ обнести вокругъ города и показать жителямъ отрубленныя головы Телезина и другихъ главныхъ на-

чальниковъ. Лишенные всякой надежды на вспоможеніе, жители отворили городъ. Марій и братъ Телезина хотѣли уйти однимъ подземнымъ проходомъ; но увидѣвъ, что оной занятъ непріятелями, сами себя лишили жизни. Силла приказалъ голову Маріеву выставить на кафедрѣ и, посмотря на нее, сказалъ окружающимъ: ему бы надлежало напередъ научиться гресть весломъ, а потомъ рулемъ править. Сіе изрѣченіе относилось къ тому, что Марій, не проходя службы, избранъ былъ прямо въ Консулы, будучи не старѣе 26 лѣтъ.

Городъ Пренестъ испыталъ на себѣ жестокость Силлину. Всѣ находившіяся въ немъ жители раздѣлены были на три отдѣленія, на Римлянъ, Пренестинцовъ и Самнитянъ. Первымъ дана пощада, вторыхъ располагался судить, но соскучась разборомъ поведенія ихъ, приказалъ изрубить всѣхъ вмѣстѣ съ Самнитянами, которымъ ни при какомъ случаѣ не дѣлано было прощенія. Около 12 тысячь душъ погибло на сей казни.

Впрочемъ не одинъ Пренестъ, но многіе города въ Италіи претерпѣли по-

добную участь. Имѣніе убитыхъ описано въ казну и продано съ публичнаго торгу. Сколь велико было число истребленныхъ гражданъ, можно судить потому, что Силла, не смотря на расхищеніе при убійствахъ и роздачу безденежно въ подарокъ цѣлыхъ областей, выручилъ изъ конфискованнаго имѣнія до 350 миліоновъ сестерцій, около 44 миліоновъ рублей. Сколь же несоразмѣрна была цѣна при продажѣ имѣній, видно изъ дѣла Секста Росція, котораго послѣ сроку на казнь убили личные враги его, и по связи съ отпущенникомъ, или письмоводителемъ Силлы, внесли имя его заднимъ числомъ въ роспись осужденныхъ. Имѣніе его, стоющее шести миліоновъ сестерцій, куплено симъ отпущенникомъ изъ казны за двѣ тысячи сестерцій; слѣдовательно, за 750 тысячь рублей, заплачено только 250 рублей. Молодой Крассъ, по жадности своей къ богатству, не посовѣстился покупать имѣніе нещастныхъ, и чрезъ таковое пріобрѣтеніе сдѣлался первымъ богачемъ между Римлянами. Имѣніе его, за исключеніемъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ для народа чрезвычайныхъ издержекъ, цѣнили еще предъ походомъ на Пар-

фянъ въ 7100 талантовъ, или въ 28 миліоновъ рублей.

Всѣ сіи дѣла произведены Силлою, единственно по праву сильнаго, безъ всякаго въ правительствѣ званія. Наконецъ, видя Италію въ своей власти, Силла поручилъ Помпею и другимъ сообщникамъ своимъ истребить Маріеву сторону въ отдаленныхъ провинціяхъ; а самъ, выѣхавъ изъ Рима, послалъ въ Сенатъ предложеніе о избраніи между Царя потому, что ни Консуловъ, ни Преторовъ, ни другихъ курульныхъ чиновниковъ въ должности уже ненаходилось. Сенатъ избралъ въ сіе званіе предсѣдателя своего Валерія Флакка, которому и надлежало уже присудствовать при выборахъ Консуловъ. Силла видя, что онъ обойденъ, послалъ къ Флакку письмо изъясняя, что онъ почитаетъ нужнымъ, для возстановленія правительства и прекращенія безпорядковъ, избрать безсрочнаго Диктатора, приписавъ въ низу, буде угодно, онъ не отказется въ семъ званіи послужить отечеству. Надобно было согласиться, призвать на службу столь усерднаго правителя; и Силла не смотря на то, что

власть Диктатора была неограниченна, получилъ еще утвержденіе, какъ на всѣ прошедшіе дѣла свои, такъ и на будущіе, какіе предпринять разсудитъ.

По избраніи Диктатора оставалось выбрать Консуловъ и другихъ чиновниковъ. Въ назначенный день Диктаторъ явился въ собраніе во всемъ приличіи могущества своего. Впереди шли 24 ликтора съ розгами и топорами, а позади многочисленная охранительная стража. Такого ужаснаго величія ни когда еще невидано было въ Римѣ. Лукрецій Офелла, производившій осаду Пренеста, вздумалъ, не пройдя службы законнымъ порядкомъ, искать себѣ Консульства, и упрашивалъ собраніе о подачѣ голосовъ въ его пользу. Силла, замѣтя сіе искательство, послалъ Центуріона убить просителя, и когда народъ, схватя убійцу, представилъ его Силлѣ, Диктаторъ сказалъ хладнокровно: отпустите его. Онъ выполнилъ мое приказаніе.

Послѣ сего приключенія ни кто не могъ ожидать себѣ ни какой пощады, и казалось власть Диктаторская въ Силлѣ предвѣщала новыя казни и лютости.

Однакожъ Силла, получивъ по закону неограниченную власть, употребилъ оную сверьхъ ожиданія на истребленіе вкоренившихся злоупотребленій, и на возстановленіе правительства на прочномъ основаніи. Изданные, или возобновленные имъ законы привели образъ правительства въ то состояніе, въ какомъ находилось оное во времена отличныхъ добродѣтелей. Онъ установилъ, чтобъ граждане проходили службу законнымъ порядкомъ, и не искали бы вышнихъ чиновъ прежде тѣхъ, которые предъ ними предшествуютъ. Напримѣръ: изъ Квесторовъ избирать въ Преторы, а изъ Преторовъ уже въ Консулы, и чтобъ Консулы, прежде истеченія десяти лѣтъ, не имѣли права просить себѣ втораго Консульства. Судную расправу предоставилъ по древнимъ узаконеніямъ Сенату, отнявъ оную у всадниковъ; а всадниковъ частію размѣстилъ на убылыя мѣста въ Сенатѣ. Оставалось ограничить своевольство народныхъ трибуновъ. Силла поставилъ и ихъ въ первоначальныя права, запретивъ имъ предлагать узаконенія, а предоставилъ подтверждать, или отвергать только Сенатскія. Сверьхъ того, чтобъ сія должность не могла

быть приманкою людей честолюбивыхъ, запретилъ выбирать изъ трибуновъ въ вышнія курульныя должности.

Сими и нѣкоторыми другими учрежденіями Силла, ослабивъ власть народную, возстановилъ древнюю власть Сената; а размѣщеніемъ въ должности чиновниковъ изъ своей партіи, оградилъ самаго себя въ личной безопасности. Сверьхъ того изъ множества оставшихся рабовъ, отъ побіенія господъ ихъ, произвелъ около десяти тысячь въ Римскіе граждане, размѣстивъ ихъ по всѣмъ трибамъ; а воинамъ, служившимъ подъ начальствомъ его, роздалъ описанныя на казну земли въ Италіи. И такимъ образомъ, когда привелъ къ концу всѣ намѣренія свои, вдругъ входитъ съ обыкновенною Диктаторскою свитою въ народное собраніе, и къ изумленію всѣхъ слагаетъ съ себя Диктаторство, отпускаетъ ликторовъ, тѣлохранителей и сходитъ съ кафедры въ званіи простаго гражданина. Онъ остался на площади прогуливаться съ друзьями своими, и въ сумерки уже пошелъ домой. Многіе граждане съ безмолвнымъ удивленіемъ проводили его до дому. Но одинъ молодой по-

вѣса, идучи за Силлою, во всю дорогу насмѣхался надъ нимъ и даже поносилъ его самыми обидными словами. Отрѣкшійся Диктаторъ, однимъ словомъ казнившій цѣлые города, принужденъ былъ сносить равнодушно насмѣшки и ругательство глупаго повѣсы, и только при входѣ уже въ домъ сказалъ провожавшимъ его: этотъ грубіянъ заставитъ послѣдователей моихъ неотрѣкаться отъ Диктаторства.

Мы оставимъ безъ замѣчанія нѣкоторыя не столь важныя произшествія, случившіяся во время Диктаторства Силлина; но нельзя однакожъ умолчать о дѣйствіяхъ Помпея, въ истребленіи противной стороны, и о возрастающемъ величіи его, приведшемъ въ безпокойство самаго Диктатора.

Когда начальники противной стороны, видя худой успѣхъ дѣлъ въ Италіи, разбѣжались въ разныя мѣста, то Помпею поручено было преслѣдовать непріятелей. Онъ погнался за Перпеною въ Сицилію, но сей тотчасъ скрылся, а вмѣсто его попалъ въ руки Карбонъ, котораго Помпей, забывъ прежнія бла-

годѣянія, приказалъ умертвить съ свойственною ему надменностію, и отрубленную голову отослалъ къ Силлѣ. Потомъ, учредивъ дѣла Сицилійскія, переѣхалъ въ Африку преслѣдовать Домиція Агенобарба, зятя Циннина, вспомоществуемаго Гіертомъ Царемъ Нумидійскимъ. Домицій палъ на первомъ сраженіи, потерявъ на мѣстѣ до 17 тысячь воиновъ. Гіертъ также убитъ, и царство его отдано Гіемпсалу. Потомъ употребилъ всего 40 дней на приведеніе Африки въ покорность. Столь быстрые успѣхи и возрастающее могущество Помпеево встревожили Силлу. Диктаторъ послалъ указъ къ Помпею о присылкѣ состоящей подъ начальствомъ его арміи, а самому ему приказалъ остаться въ Африкѣ съ однимъ легіономъ впредь до дальнѣйшихъ повелѣній. Сколь ни досадно было Помпею такое приказаніе, однакожъ онъ готовился оное выполнить; но армія несогласилась разстаться съ своимъ начальникомъ и отказалась отъ повиновенія. Слухъ о семъ возмущеніи дошелъ до Италіи съ невыгодными на щетъ Помпея прибавками, что подало случай Силлѣ сказать, что обстоятельства заставляютъ его воевать

съ ребятами, разумѣя Марія и Помпея.

Помпей за нужное счелъ явиться въ Римъ и оправдаться въ поведеніи своемъ. Строгій Диктаторъ, уважая послушность и заслуги Помпея, вышелъ къ нему на встрѣчу, поздравилъ титломъ великаго; но отказалъ въ тріумфѣ надъ Нумидійскимъ Царемъ подъ тѣмъ предлогомъ, что не было примѣра молодому всаднику, не бывшему еще ни въ одномъ курульномъ чинѣ, получить почесть тріумфа доказывая, что и Сципіонъ Африканской, будучи въ его положеніи, также не получилъ тріумфа за Испанію. Огорченный Помпей сказалъ при семъ случаѣ Диктатору, что восходящее солнце болѣе имѣетъ поклонниковъ, нежели заходящее. Силла, пораженный симъ сравненіемъ, согласился на прозьбу; но внутренно, опасаясь возвышенія Помпеева, сдѣлался къ нему холоденъ, и въ завѣщаніи своемъ предпочелъ ему Лукулла, которому приписалъ записки и поручилъ въ опеку сына своего. Лукуллъ и дѣйствительно по характеру своему былъ добрѣе и великодушнѣе Помпея, а можно прибавить и ум-

нѣе его потому, что не старался вмѣшиваться въ дѣла правительства, преданнаго крамоламъ и различнымъ партіямъ. Но Помпей имѣлъ малодушіе не простить Лукуллу въ оказанномъ ему предпочтеніи, и съ того времени началъ ему завидовать.

Силла не долго жилъ по сложеніи съ себя Диктаторства. Предавшись любимой склонности, распутству и увеселеніямъ разнаго рода, умеръ на бо годѣ жизни своей отъ слѣдствія невоздержности вшивою болѣзнію. Признавая себя любимцемъ щастія, естьли можно назвать щастіемъ ненаказанное злодѣяніе, онъ остался таковымъ и по смерти. Погребеніе, ему сдѣланное, превосходитъ всякую вѣроятность. Не смотря на противорѣчіе Консула Лепида, Помпей и Катуллъ почтили память его пышною церемоніею. Тѣло его изъ загороднаго дома несено было въ Римъ на великолѣпномъ одрѣ. Впереди шли 24 ликтора съ орудіями своими, а позади многочисленный отрядъ конницы съ печальною музыкою. Старые воины, служившіе подъ начальствомъ его, пришли добровольно изъ разныхъ мѣстъ отдать

послѣдній долгъ покойнику и, установясь въ ряды, составили цѣлую армію, сопровождающую тѣло любимаго ими начальника. Въ день погребенія на Марсовомъ полѣ, болѣе двухъ тысячь вѣнцовъ или знаковъ отличія, несено было въ приличной процессіи. Многочисленное собраніе жрецовъ, весталки, Сенатъ, градоначальники, конница, пѣшіе легіоны съ золотыми орлами и музыкою, и наконецъ народъ составили процессію. За малолѣтствомъ сына ораторъ произнесъ надгробное слово, а Римскія дамы прислали на погребеніе болѣе двухъ сотъ носилокъ благовонныхъ куреній и двѣ статуи, изображающіе Силлу и предъ нимъ ликтора изъ самыхъ дорогихъ ароматовъ. Когда вся процессія установилась, и тѣло по завѣщанію покойника поставлено было на срубъ, тогда главнѣйшіе чиновники зажгли оный, и собранный пепелъ тутъ же погребли на Марсовомъ полѣ. Епитафія, самимъ покойникомъ сочиненная, была такого содержанія, что ни кто столько не сдѣлалъ добра друзьямъ, и зла врагамъ своимъ. Сими не многими словами Силла умѣлъ хорошо выразить, и характеръ и могущество свое.

Разсматривая Силлу со стороны нравственныхъ понятій, онъ далекъ былъ отъ тѣхъ правилъ, которые составляютъ истинное величіе человѣка. Но въ сравненіи съ Маріемъ беретъ надъ симъ великое преимущество. Оба они по нѣскольку времени самовластно управляли правительствомъ, губили согражданъ своихъ, но съ различнымъ намѣреніемъ. Марій, ни по образованности ума, ни по добротѣ сердца, не можетъ стоять на ряду съ Силлою. Низость души его, зависть и злоба видны при всякомъ случаѣ. Онъ все относилъ къ самому себѣ, губилъ людей безъ всякихъ видовъ къ общему благу, единственно по кровожадной склонности своей, и не можетъ ни чего представить къ смягченію надъ нимъ приговора на вѣчное проклятіе. На противъ того Силла былъ жестокъ сколько по склонности, а не менѣе того и по видамъ необходимости. По крайней мѣрѣ не онъ посѣялъ вражду въ правительствѣ, отъ которой возникла междоусобная брань; а сложенное имъ съ себя Диктаторство показываетъ въ немъ характеръ возвышенный, который и по сіе время затру-

дняетъ приговоръ о помѣщеніи его въ число изверговъ рода человѣческаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Конецъ первой междоусобной брани, противъ Лепида въ Италіи и Серторія въ Испаніи. Возмущеніе рабовъ въ Италіи подъ начальствомъ Спартака. Произшествія 7 лѣтъ, отъ 78 до 71 года до Р. Х.

Смерть Силлы не сдѣлала сильнаго потрясенія въ правительствѣ. Онъ далъ оному такую прочность, какой невозможно было ожидать въ его время. Но снизхожденіе его къ Цесарю, и допущеніе въ Консулы Емилія Лепида послужили сѣменемъ новыхъ раздоровъ, и произвели новыя междоусобныя брани.

Лепидъ, имѣя всѣ пороки, но ни одного изъ дарованій Силлиныхъ, покушался еще при жизни Диктатора, возмутительными рѣчами къ народу, привести въ ненависть настоящій образъ правленія; особливо ослабленная власть народа, выставленная не въ видѣ прекращенія своевольствъ, но въ образѣ порабо-

щенія народнаго, подавала Лепиду надежное средство къ пріобрѣтенію народнаго къ себѣ расположенія. Коль же скоро не стало Силлы, ужасной грозы на всѣхъ властолюбцевъ, тогда Лепидъ притворнымъ состраданіемъ къ побѣжденной сторонѣ явно обнаружилъ возмутительныя свои мысли. Онъ, собравъ множество осужденныхъ на смерть изгнанниковъ, и задобривъ народъ подаяніями, поставилъ себя въ возможность дѣйствовать противъ правительства силою оружія.

Товарищъ его Консулъ Катуллъ и большая часть Сенаторовъ, не желая начинать новой междоусобной войны, вошли съ Лепидомъ въ переговоры, и поручили ему начальство въ Галліи. Сія умѣренность поощрила Лепида къ новымъ затѣямъ. Выждавъ срочное время службы, онъ не явился въ Римъ къ избранію новыхъ Консуловъ; но пошелъ на отечество, со всею бывшею подъ начальствомъ его арміею, требовать себѣ втораго Консульства. Къ щастію правительства Лепидъ не имѣлъ ни какихъ отличныхъ дарованій къ поддержанію предпріятія своего. Высланные на встрѣ-

чу ему Катуллъ и Помпей разбили его предъ самымъ Римомъ, и принудили отступить въ Етрурію; но и тамъ не могъ онъ удержаться и, убѣжавъ въ Сардинію, умеръ съ печали по невѣрности жены своей. Оставшаяся въ Галліи партія Лепидова, такъ же истреблена Помпеемъ. Правительство, избѣжавъ сей опасности, неразсудило преслѣдовать виновныхъ и даровало всѣмъ прощеніе.

Подозрѣваютъ, что Юлій Цесарь былъ участникомъ въ семъ возмущеніи, но не выказалъ себя явно во первыхъ потому, что неспособность Лепида неподавала ни какой надежды къ полученію успѣха; а во вторыхъ, нерѣшась еще дѣйствовать прямо, онъ хотѣлъ узнать напередъ образъ народныхъ мыслей и силу правительства.

По укрощеніи сего возмущенія оставалось еще побѣдить Серторія, чтобъ быть въ полной безопасности со стороны приверженцовъ Маріевыхъ. Серторій, по упадкѣ партіи своей въ Италіи, убѣжалъ въ Испанію. Тамъ онъ, благоразумнымъ поведеніемъ своимъ и

военными дарованіями, успѣлъ войти въ любовь у Испанцевъ и довольно укрѣпился. Но когда Силла прислалъ туда Аннія, то Серторій принужденъ былъ съ небольшимъ числомъ приверженцовъ своихъ оставить Испанію. Онъ держался нѣсколько времени на морѣ, и думалъ уже на вѣки удалиться отъ твердой земли, преданной различнымъ партіямъ, и поселиться на островахъ благополучныхъ, нынѣ Мадерою и Канарскими называемыхъ; но спутники его несогласились разстаться съ гонимымъ, но все еще любезнымъ для нихъ отечествомъ. Притомъ, Киликійскіе разбойники, приставшіе къ его флоту, тотчасъ удалились въ Мавританію, и предложили услуги свои одной изъ враждующихъ сторонъ. Серторій послѣдовалъ за ними въ Африку, присталъ къ другой Мавританской сторонѣ, одержалъ многія побѣды и въ награду получилъ для небольшей дружины своей достаточное продовольствіе.

Вскорѣ послѣ того Лузитанцы, притѣсненные Римлянами, наслышавшись о военныхъ дарованіяхъ и честности Серторіевой, призвали его къ себѣ на по-

мощь. Серторій радъ былъ сему случаю, и съ корпусомъ около 3500 человѣкъ изъ Римлянъ и Африканцовъ возвратился въ Испанію. Онъ, соединясь съ Лузитанцами, которыхъ пристало къ нему не болѣе пяти тысячь человѣкъ, выдержалъ войну противъ четырехъ Римскихъ полководцевъ, имѣвшихъ подъ начальствомъ своимъ до ста тысячь воиновъ. Столь отличное искуство вскорѣ доставило Серторію многихъ союзниковъ, и большая часть Испаніи признала его своимъ полководцемъ.

Серторій, принявъ начальство надъ Испанскими народами, изобрѣлъ новый родъ войны, сообразной съ ихъ характеромъ и состояніемъ своимъ. Онъ никогда не давалъ Римлянамъ сраженія по обыкновеннымъ правиламъ военнаго искуства, но беспрестанно тревожилъ ихъ, не давая ни на одинъ день покою; избѣгая же непріятной заботливости, въ сбереженіи своей арміи и въ снабженіи ея продовольствіемъ, Серторій держалъ неотлучно при себѣ однихъ Римлянъ; а Испанцамъ назначалъ только время и мѣсто, куда собраться, и вдругъ нападалъ на Римлянъ съ арміею иногда

во сто тысячь человѣкъ, и послѣ сраженія, удачнаго или неудачнаго, распускалъ опять свою армію, назначая собраться ей въ другомъ мѣстѣ. Такой родъ войны былъ тягостенъ для Римлянъ. Они никогда не могли побѣдить непріятеля, быстраго въ побѣгѣ и беспрестанно на нихъ нападающаго. Серторій, освободивъ большую часть Испаніи отъ порабощенія Римскаго, распространилъ владычество свое и въ самой Галліи до горъ Алпійскихъ.

Столь важные успѣхи Серторіевы заставили стекаться къ нему приверженныхъ къ гонимой партіи Римлянъ изъ всѣхъ частей свѣта. Въ числѣ ихъ были Сенаторы и другіе чиновники. Серторій учредилъ изъ нихъ временное правленіе на подобіе Римскаго Сената; изъ котораго и выбиралъ правителей въ города и въ войски начальниковъ.

Такимъ образомъ, когда Серторій укрѣпился въ Испаніи, прибылъ къ нему Перпена съ корпусомъ войскъ въ 25 тысячь. Сей начальникъ, по уходѣ отъ Помпея укрывавшійся въ Сициліи, былъ и родомъ и чиномъ выше Серторія, и

потому не захотѣлъ быть подъ его начальствомъ, а началъ дѣйствовать съ корпусомъ своимъ отдѣльно отъ Серторія.

Правительство Римское, озабочиваясь приведеніемъ къ концу сего, нѣсколько уже лѣтъ продолжавшагося возмущенія, отправило въ Испанію Помпея, какъ наилучшаго по дарованіямъ своимъ полководца. И дѣйствительно прибытіе его въ Испанію ослабило надежду противной стороны. Перпена, дѣйствовавшій прежде отдѣльно, принужденъ былъ соединиться съ Серторіемъ, который и самому Помпею не далъ въ первый годъ надъ собою ни какого преимущества, и даже въ глазахъ его, взявъ одинъ городъ и изрубивъ цѣлый легіонъ Помпеевъ, принудилъ его со стыдомъ отступить на зимнія квартиры.

И на другой годъ Серторій, гдѣ лично самъ командовалъ, тамъ не давалъ надъ собою поверхности. Онъ даже выдержалъ сраженіе противъ соединенной арміи подъ начальствомъ Помпея и Метелла Пія, и принудилъ ихъ отступить отъ тѣхъ областей, которыя оставались

подъ управленіемъ Серторія. Столь невѣроятные успѣхи его обратили на себя вниманіе Митридата, единственнаго непріятеля Римскаго, который прислалъ съ предложеніемъ вступить въ союзъ. Но Серторій, какъ Римлянинъ, и въ самомъ злощастіи своемъ отвѣчалъ Митридату, что онъ позволитъ Понтійскому Государю занять только Вифинію и Каппадокію, какъ земли несоставляющія Римскихъ владѣній; а до Малой Азіи и до прочихъ земель, состоящихъ подъ дѣйствительнымъ управленіемъ Римлянъ, чтобъ ему не касаться.

Между тѣмъ Серторій, превосходствомъ дарованій своихъ, навлекъ на себя неожидаемыхъ и гораздо опаснѣйшихъ непріятелей. Съ одной стороны Метеллъ, лишась надежды побѣдить Серторія силою, положилъ голову его въ дорогую цѣну: Римлянину обѣщалъ заплатить сто талантовъ деньгами и двадцать тысячь десятинъ земли; а осужденному на смерть прощеніе съ правомъ возвратиться въ Римъ. Съ другой стороны Перпена, завидуя славѣ Серторіевой, строилъ противъ его разные козни. Объявленіе Метелла сдѣлало

Серторія задумчивымъ, недовѣрчивымъ и даже жестокимъ; злоба же Перпены простерлась до умысла на жизнь его. Сей надменный начальникъ, подобравъ себѣ партію безчестныхъ людей, подослалъ однажды къ Серторію нарочнаго съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ однимъ изъ подначальниковъ его. Серторій, повѣря донесенію, принесъ благодареніе богамъ; а Перпена попросилъ главнокомандующаго, пожаловать къ нему на ужинъ и раздѣлить съ прочими начальниками общую радость.

Серторій, не подозрѣвая Перпену въ умыслѣ, согласился на прозьбу. Во время стола гости, или убійцы, притворясь быть на веселѣ, начали говорить непристойныя слова и старались задрать Серторія. Но сей, будучи всегда трезвъ и воздерженъ въ словахъ, легъ на спину, давая чрезъ то знать, что онъ не беретъ участія ни въ питьѣ, ни въ разговорахъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Перпена выронилъ изъ рукъ чашу съ виномъ, что было условнымъ знакомъ. Тотчасъ гости, или убійцы бросились на Серторія и умертвили его многими ударами.

Таковъ былъ конецъ одного изъ лучшихъ Римлянъ того времени. Жизнь Серторіева доказываетъ, что мы не всегда можемъ управлять собою, но часто случаи управляютъ нами. Серторій не по волѣ или разсудку привязанъ былъ къ гонимой партіи. Онъ вступилъ въ службу подъ начальство Марія, и заслужилъ отъ него уваженіе по храбрости и благоразумію своему. Сіи первыя начала были причиною, что онъ по самому долгу службы привязанъ былъ къ Марію. Возникшая же въ послѣдствіи вражда, между Маріемъ и Силлою, неподавала Серторію ни какой надежды заслужить благоволеніе отъ сего послѣдняго. И хотя Серторій неучаствовалъ въ злодѣяніяхъ Маріевыхъ, но былъ осужденъ на смерть за одни личныя достоинства, и принужденъ былъ убѣжать въ Испанію, въ которой около 8 лѣтъ отражалъ всѣ чинимыя на него нападенія и, можетъ быть, заслужилъ бы наконецъ прощеніе, естьлибъ правительство Римское обсуживало гражданъ съ большею справедливостію, или естьлибъ не былъ умерщвленъ измѣною.

По смерти Серторія надлежало Перпенѣ заступить его мѣсто. Но онъ,

по совершенному имъ злодѣянію и по ненависти къ нему войскъ, съ трудомъ удержалъ за собою начальство. Не имѣя дарованій Серторія, онъ вскорѣ попалъ въ разставленныя Помпеемъ противъ его сѣти. Армія его разбита, и самъ достался въ плѣнъ побѣдителю. Желая спасти или продлить жизнь свою, онъ отослалъ къ Помпею Серторіеву переписку, въ которой замѣшаны были многіе знатные граждана и Сенаторы Римскіе. Помпей при семъ случаѣ поступилъ великодушно. Не желая разтравлять незалѣченныхъ еще ранъ въ отечествѣ своемъ, онъ сжегъ не читавши сію переписку; вмѣстѣ съ тѣмъ, не допуская на глаза, приказалъ убить и Перпену. Послѣ того многіе города и цѣлыя области покорились одна за другою; остатки разбитой арміи разсѣяны, начальники частію побиты, частію переловлены, и вся партія Маріева въ Испаніи истреблена совершенно.

Метеллъ и Помпей получили за окончаніе сей войны тріумфъ надъ Испанцами. При семъ замѣчаютъ, что Помпей въ другой разъ удостоенъ почести

тріумфа, будучи еще простымъ всадникомъ.

Въ послѣдніе годы Испанской войны противъ Серторія вспыхнуло въ самой Италіи новое возмущеніе отъ рабовъ, причинившее Римлянамъ великое безпокойство. Оно было тѣмъ опаснѣе, что начальникъ мятежниковъ Спартакъ въ мужествѣ, хитрости и военномъ искусствѣ неуступалъ лучшимъ Римскимъ полководцамъ. Онъ былъ родомъ Фракіянинъ, служилъ въ вспомогательной арміи у Римлянъ, и неизвѣстно по какому случаю проданъ за раба, или военноплѣннаго со многими соотечественниками своими.

По вошедшему тогда обыкновенію, представлять народу по усопшимъ знаменитымъ гражданамъ Гладіаторскія сраженія, Спартакъ отданъ былъ въ Капуу со многими другими рабами обучаться сему искуству. Почитая себѣ обидою, быть игрушкою кровожадныхъ Римлянъ, онъ задумалъ убѣжать и подговорилъ къ тому многихъ товарищей своихъ. Но заговоръ его былъ открытъ, и изъ 200 человѣкъ, приготовящихся

къ побѣгу, ушли только 70. На дорогѣ встрѣтили они телѣгу съ Гладіаторскимъ оружіемъ и, разобравъ оное по рукамъ, побили вышедшихъ для перехватки ихъ Капуанцовъ. Воспользуясь оружіемъ побѣжденныхъ и принявъ въ свою артель спасшихся отъ порабощенія, ушли они на гору Везувій. Клавдій Пулхеръ съ тремя тысячами воиновъ осадилъ бѣглыхъ на сей горѣ; но Спартакъ, хитрый на выдумки, порубилъ виноградныя лозы, сплѣлъ изъ нихъ лѣстницы и спустился по онымъ съ крутизны горы, недавши Пулхеру замѣтить о побѣгѣ своемъ; потомъ зашелъ ему въ тылъ и, напавъ въ расплохъ, разбилъ его и овладѣлъ станомъ.

Послѣ сей побѣды, рабы изъ всѣхъ мѣстъ стали стекаться подъ начальство Спартаково, и онъ былъ уже въ силахъ опустошать Кампанію. Когда армія его возрасла до 70 тысячь, Спартакъ намѣренъ былъ пройти съ оною въ свое отечество; но товарищи его, ободренные хорошимъ успѣхомъ, дышали только грабежемъ и мщеніемъ; притомъ Галлы, составляющіе большую часть арміи мятежниковъ, не захотѣли

оставаться подъ начальствомъ Фракіянина, избрали себѣ атамана изъ одноземцовъ своихъ, по имени Крикса, и отдѣлились отъ Спартака.

Римляне, озабоченные симъ возмущеніемъ, выслали противъ мятежниковъ три арміи, двѣ подъ начальствомъ Консуловъ, а третью подъ начальствомъ Претора. Криксъ бросился въ Апулію, но былъ разбитъ и самъ лишился жизни. Спартакъ напротивъ того разбилъ обоихъ Консуловъ, одного за другимъ, и въ отмщеніе заставилъ плѣнныхъ Римлянъ, въ память убитаго товарища своего Крикса, дать Гладіаторское сраженіе.

Сенатъ увидѣлъ тогда, что дѣло со Спартакомъ требовало лучшихъ начальниковъ и воиновъ, нежели какіе были противъ его выставлены. Но какъ Помпей находился тогда въ Испаніи противъ Серторія, а Лукуллъ отправленъ былъ въ Азію противъ Митридата, то выборъ палъ на Красса, оказавшаго подъ начальствомъ Силлы опыты военнаго искуства. И дѣйствительно Крассъ поддержалъ хорошее о себѣ мнѣніе, и

хотя Спартакъ убѣгалъ нѣсколько разъ отъ предстоящей ему опасности, но наконецъ вынужденъ былъ въ 71 годѣ до Р. Х. дать рѣшительное сраженіе и погибъ на ономъ какъ воинъ, достойный лучшей участи. До 40 тысячь рабовъ легло на мѣстѣ, прочіе разбѣжались и, соединясь потомъ въ разныя партіи, одна изъ нихъ въ числѣ пяти тысячь наткнулась на Помпея, возвращающагося изъ Испаніи, и была вся порублена. Помпей выказалъ при семъ случаѣ малодушіе свое, написавъ въ Сенатъ, что Крассъ разогналъ только рабовъ, а онъ истребилъ ихъ совершенно.

Въ число замѣчательныхъ произшествій сего времени по внутреннему управленію поставить можно, что въ Консульство Октавія и Куріона въ 76 годѣ до Р. Х. посланы были отъ Сената въ Азію нарочные для отысканія стиховъ Сивиллиныхъ, на мѣсто сгорѣвшихъ при возвращеніи Силлы изъ Греціи въ пожаръ Капитолійской.

Въ томъ же годѣ Трибунъ Сициній старался возстановить отнятую Силлою власть трибунскую, но былъ убитъ

неизвѣстно кѣмъ. Полагаютъ, Консулъ Куріонъ имѣлъ въ томъ участіе. Сей Трибунъ имѣлъ особенную склонность къ насмѣшкамъ, а Консулы того года подавали къ тому случаи. Оба они были самые дурные ораторы. Октавій одержимъ былъ подагрою и, по большей части, сидѣлъ молча на кафедрѣ, когда Куріонъ говорилъ за обоихъ; но и сей часто забывалъ рѣчь свою, и говорилъ обыкновенно качаясь. По сему случаю Сициній сказалъ въ одно собраніе Консуламъ, обратясь къ Октавію: ты долженъ благодарить своего товарища. Естьли бы онъ не качался, тебя бы мухи заѣли.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Вторая война противъ Митридата и Тиграна, подъ начальствомъ Лукулла, и дѣйствія его въ Азіи. Произшествія 7 лѣтъ, отъ 74 до 67 года до Р. Х.

Митридатъ, по заключеніи мира съ Силлою, далъ поводъ Муренѣ намѣстнику сего, придраться къ новой войнѣ за невыполненіе нѣкоторыхъ статей дого-

вора, особливо за медленную очистку Вифиніи и Каппадокіи. Дѣло могло бы быть окончано и переговорами, но Мурена желалъ войны и тріумфа. Однакожъ Силла приказалъ ему прекратить военныя дѣйствія, заставя Митридата выполнить условія. Послѣ сего Митридатъ, желая утвердить миръ на прочномъ основаніи, отправилъ въ Римъ посольство для подтвержденія Сенатомъ заключеннаго съ Силлою словеснаго договора. Но когда послы прибыли, Силлы не было уже на свѣтѣ, а правительство Римское, будучи озабочено возмущеніемъ Лепида и войною противъ Серторія, не дало посламъ ни какого отвѣта.

Сія уклонность подала Митридату справедливую причину къ подозрѣнію на Римлянъ и, желая воспользоваться внутренними ихъ смятеніями, онъ началъ исподоволь готовиться къ сильному нападенію, или къ защитѣ. Видя въ прошедшую войну безполезную пышность и неспособность войскъ своихъ, онъ переучилъ ихъ по Римской тактикѣ, раздѣлилъ на легіоны и выдалъ употребляемое Римлянами оружіе. Такимъ обра-

зомъ, составя армію свою во 120 тысячь пѣхоты и въ 16 тысячь конницы, употребилъ оную на покореніе Кавказскихъ народовъ; между тѣмъ заключилъ союзъ съ Серторіемъ, и подговорилъ зятя своего Тиграна напасть на Каппадокію.

Во время сихъ произшествій умеръ въ Вифиніи Царь Никомедъ, отказавъ по завѣщанію царство свое Римлянамъ. Митридатъ не могъ остаться равнодушнымъ при обращеніи сего, нѣсколько уже разъ покоряемаго имъ царства въ Римскую провинцію, и рѣшился отнять оное у Римлянъ силою оружія. Римляне отправили въ Азію въ 74 годѣ до Р. Х. двухъ Консуловъ: Аврелія Котту, защитить Вифинію, и Лицинія Лукулла, открыть войну въ собственныхъ Митридатовыхъ владѣніяхъ. Лукуллу невозможно было тотчасъ приступить къ дѣлу. Ему надлежало напередъ привести въ послушаніе бунтующую армію, особливо легіоны Фамбріевы; потомъ обрѣзать когти сборщикамъ податей, которые хищничествомъ своимъ выводили изъ терпѣнія Азійскихъ подданныхъ и, можно сказать, вынуж-

дали ихъ опять передаться Митридату. Послѣднее дѣло обратило на себя особенное вниманіе Лукулла. Онъ не только по долгу службы, но и по собственнымъ правиламъ своимъ почиталъ первою обязанностію, облегчить участь притѣсненныхъ и наказать виновныхъ; а потомъ уже приступить къ дѣлу, съ обоихъ сторонъ не во всемъ справедливому, и въ которомъ, для правосуднаго гражданина полководца, болѣе было блеску, нежели сердечныхъ удовольствій.

Между тѣмъ Котта, воспользуясь отсудствіемъ Лукулловымъ по дѣламъ ввѣренной ему провинціи, захотѣлъ одинъ пожать лавры побѣдителя Митридатова; вступилъ съ симъ Государемъ въ сраженіе, но былъ разбитъ и на сухомъ пути и на морѣ, и загнатъ въ Халкидонъ. Лукуллъ, коль скоро получилъ извѣстіе о нещастіи товарищу своему, то немѣшкавъ пошелъ къ нему на помощь, объявя войскамъ своимъ, что для него пріятнѣе спасти одного Консула Римскаго, нежели завоевать всѣ владѣнія Митридатовы.

Митридатъ, узнавъ о движеніи Лукулла, снялъ осаду съ Халкидона и по-

шелъ на встрѣчу второму Консулу. Когда арміи сблизились, то Лукуллъ, не вступая въ сраженіе, старался напередъ развѣдать о числѣ непріятельской арміи и о способахъ къ продовольствію ея; узнавъ же, что Митридатъ имѣетъ при себѣ арміи со всею прислугою до трехъ сотъ тысячь, а продовольствія только на пять дней, рѣшился отнять у него всѣ способы къ подвозу продовольствія и побѣдить, неупотребляя оружія. И дѣйствительно, по принятымъ со стороны Римскаго Консула мѣрамъ, Митридатъ не могъ долго оставаться на томъ же мѣстѣ, ни даже принудить Римлянъ къ сраженію. Онъ отступилъ и бросился на Кизикъ, богатѣйшій городъ въ Малой Азіи, въ намѣреніи овладѣть онымъ. Лукуллъ пошелъ туда же, и расположилъ станъ свой на одномъ пригоркѣ въ виду непріятеля. Митридатъ непремѣнно хотѣлъ выполнить намѣреніе свое, и для того, приготовя осадныя орудія, всею арміею приступилъ къ городу. Лукуллъ, въ надеждѣ на крѣпость стѣнъ и вѣрность жителей, извѣстилъ только гражданъ о прибытіи своемъ къ нимъ на помощь и, употребя тѣже мѣры къ отнятію продовольствія, принудилъ снача-

ла Митридата къ тому, что онъ весь не нужной обозъ, конницу и часть пѣхоты отправилъ въ Вифинію. Консулъ напалъ на сіе отдѣленіе и посѣкъ его на части. Вскорѣ потомъ Митридатъ приказалъ и остальной арміи своей бѣжать въ Лампсакъ, а самъ туда же ушелъ моремъ. Но армія недостигла сего назначенія. Она частію побита была сдѣланною изъ города сильною вылазкою, а остальная изрублена по дорогѣ Лукулломъ.

Послѣ столь великой потери въ первую напольность, Митридатъ заперся въ Никомедіи, оставя всю Вифинію въ жертву непріятелю; но когда увѣдомился о приближеніи Лукулла, то не ожидая его сѣлъ на суда и уѣхалъ въ собственныя свои владѣнія. Лукуллъ пошелъ туда же сухимъ путемъ, и завладѣлъ многими городами безъ всякаго сопротивленія. По человѣколюбію своему онъ не хотѣлъ ни одного города брать приступомъ, и ни одного города не отдалъ войскамъ своимъ на расхищеніе. Такое снизхожденіе къ непріятелямъ было поводомъ къ сильному ропоту въ войскѣ, привыкшемъ къ грабежамъ и

насиліямъ; но Лукуллъ, будучи всегда твердъ въ великодушныхъ правилахъ своихъ, несогласился сдѣлать войску своему послабленія, и принудилъ оное остаться въ должномъ повиновеніи къ начальнику.

Между тѣмъ Митридатъ успѣлъ набрать новую армію, и пошелъ на встрѣчу Лукуллу. Обѣ арміи сблизились и простояли нѣсколько времени одна противъ другой, не вступая въ сраженіе. Наконецъ недостатокъ въ продовольствіи заставилъ обѣ стороны, подвозить припасы изъ дальнихъ мѣстъ подъ сильнымъ прикрытіемъ. Митридатъ выслалъ на дорогу отрядъ въ шесть тысячь человѣкъ, захватить обозъ Лукулловъ; но Римляне, прикрывавшіе оной, почти всѣхъ Митридатовыхъ воиновъ положили на мѣстѣ, и съ торжествующимъ видомъ провели обозъ къ своему стану въ виду непріятельской арміи, которая, узнавъ о истребленіи отряда, пришла въ робость. Самъ Митридатъ потерялъ присудствіе духа и рѣшился на такой поступокъ, который не дѣлаетъ ему чести и доказываетъ, что въ немъ, кромѣ своенравія и сильной ненависти къ

Римлянамъ, не много было любви къ своимъ подданнымъ и отличныхъ военныхъ способностей. Онъ вздумалъ убѣжать изъ своей арміи, оставя ее въ жертву непріятелю. Когда онъ объявилъ о семъ намѣреніи главнымъ чиновникамъ, то они, подражая Государю, начали прибирать дорогія вещи свои и поспѣшать отсылкою ихъ изъ стана. Нижніе чиновники и рядовые, замѣтя побѣгъ начальниковъ, взбунтовались и начали грабить изготовленные къ отправленію повозки. Самъ Митридатъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Въ сіе время Лукуллъ посылаетъ конницу свою за бѣгущими, а самъ съ пѣхотою входитъ въ станъ непріятельской. Намѣреніе его и здѣсь было, подражая древнимъ Римскимъ обычаямъ, раздѣлить корысть по равному числу на всѣхъ воиновъ. Но войски давно уже забыли древній обычай и, жаждая корысти, тотчасъ разграбили станъ, кому что досталось. Конница также нагрѣла руки на дорогѣ. Самъ Митридатъ былъ настиженъ, но случай избавилъ его отъ плѣна. Повозки съ имѣніемъ задерживали Римлянъ на дорогѣ отъ

преслѣдованія непріятеля; особливо оселъ, навьюченный золотомъ, попался имъ предъ самымъ Митридатомъ. Они несогласились оставить заднимъ товарищамъ своимъ столь дорогой добычи, и пока занимались облегченіемъ осла отъ навьюченной на него тяжести, въ то время Митридатъ ускакалъ въ Команы, а оттуда въ Арменію къ зятю своему Тиграну.

Побѣдитель, овладѣвъ почти всемъ Понтійскимъ царствомъ, старался при всякомъ случаѣ оказывать человѣколюбіе свое. Онъ выпустилъ изъ темницъ многихъ заключенныхъ Грековъ и Князей покоренныхъ Митридатомъ народовъ, также даровалъ свободу вдовѣ Никомедовой; но судьба недопустила его спасти семейство Царя побѣжденнаго. Митридатъ, до прибытія Лукулла, послалъ въ отчаяніи своемъ евнуха, лишить жизни сестеръ и женъ своихъ. Роксана и Статира, двѣ сестры Митридатовы, и Вереника супруга его, приняли ядъ, хотя съ различными чувствами, но съ одинаковымъ повиновеніемъ. Оставалась одна Монима, любимая супруга Митридатова. Сія прекрасная Гречанка, изъ Страто-

никеи Карійскаго города, имѣла нещастіе во время первой войны понравиться Митридату, и несоглашаясь быть наложницею, польстилась сдѣлаться супругою и Царицею, непредвидя того, что звѣрская любовь жестокаго, своенравнаго, подозрительнаго и ревниваго Государя не могла доставить ей и въ самыхъ Царскихъ украшеніяхъ ни спокойствія, ни щастія. Она чемъ была прекраснѣе, тѣмъ строже имѣла присмотръ за собою. Явившійся предъ нею евнухъ съ роковымъ повелѣніемъ предоставилъ ей на волю избрать родъ смерти, какой пожелаетъ. Монима, снявъ съ головы подаренную Митридатомъ діадему съ золотою цѣпью, хотѣла на ней удавиться; но цѣпочка порвалась, и нещастная, бросивъ діадему, сказала: неукрашала ты меня въ жизни, не могла послужить и при смерти. Потомъ, подставя голову подъ мечь евнуха, приняла ударъ, прекратившій ея горести.

Лукуллъ, окончивъ вторую напольность взятіемъ Евпаторіи и Амазіи, возвратился въ Азійскую провинцію свою. Между тѣмъ отправилъ къ Тиграну шурина своего Аппія Клавдія, требовать

выдачи Митридата. Тигранъ, утвердивши владычество свое на слабости сосѣднихъ Царей, почитался тогда сильнѣйшимъ Государемъ въ западной Азіи. Надменность отъ щастія была въ немъ столь велика, что онъ четырехъ Царей держалъ у себя въ прислугѣ, и титуловался неиначе, какъ Царемъ Царей. Аппій, явясь ко двору сего Государя, требовалъ выдачи Митридата съ свойственною Римлянамъ гордостію, угрожая въ противномъ случаѣ войною. Тигранъ въ первый разъ въ жизни услышалъ столь смѣлую рѣчь и, не смотря на всю надменность свою, смутился; потомъ, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ, что ему неприлично выдать тестя своего, отдавшагося въ его покровительство, и естьли Римляне внесутъ оружіе въ земли его, то онъ имѣетъ средства къ оборонѣ. Сіе посольство заставило Тиграна приняться за оружіе, для защиты собственныхъ владѣній своихъ, и тѣмъ самымъ подать сильную помощь Митридату.

По возвращеніи Лукулла въ провинцію свою, нашелъ онъ тамъ болѣе затрудненія въ истребленіи злоупотребле-

ній, нежели въ побѣжденіи Митридата. Налогъ двадцати тысячь талантовъ, положенный Силлою за отступленіе Азійскихъ городовъ, предавшихся Митридату, подалъ откупщикамъ или зборщикамъ податей поводъ къ совершенному раззоренію жителей. Сіи жадные корыстолюбцы, ссудивъ жителей деньгами подъ залогъ имѣнія за дорогіе проценты, вымучили съ нихъ разными оборотами своими въ трое большую сумму; но не удовольствуясь еще и тѣмъ, что отняли имѣніе, заставили бѣдныхъ гражданъ продавать собственныхъ дѣтей своихъ. Столь наглая несправедливость огорчила склонное къ человѣколюбію сердце Лукуллово. Онъ выдалъ въ облегченіе нещастныхъ жителей нѣсколько достойныхъ ума и сердца его указовъ, изъ коихъ однѣмъ запретилъ брать проценты свыше 12 на сто; другимъ прекращать вовсе проценты, когда они сравняются съ капиталомъ; а третьимъ предоставилъ уплачивать долги изъ доходовъ съ имѣнія, неподвергая самаго имѣнія конфискаціи и продажѣ, какъ обыкновенно водилось, за безцѣнокъ.

Такія узаконенія, ясно, что неполюбились ростовщикамъ, которые воору-

жились на Лукулла всѣми свойственными имъ хитростями. Въ то время, когда Лукуллъ одерживалъ побѣды надъ непріятелемъ, они строили козни противъ его въ Римѣ. Но Лукуллъ, презирая навѣты, утѣшался тою мыслію, что былъ защитникомъ притѣсненныхъ, и правосуднымъ правителемъ ввѣренной ему области. Благодарность и почтеніе къ Лукуллу были столь велики, что многіе города учредили въ честь ему праздники; а другіе, невошедшіе въ округъ управленія его, завидовали щастію сосѣдей своихъ.

Лукуллъ, получивъ чрезъ Аппія отвѣтъ отъ Тиграна, приготовился къ войнѣ на сего Государя. Но прежде надлежало покорить остатки царства Понтійскаго. Лукуллъ, прибывъ къ арміи своей, тотчасъ осадилъ Синопъ, столицу Митридатову. Начальники въ городѣ рѣшились защищаться, но поссорясь между собою и недовѣряя одинъ другому, сѣли на суда и скрылись. Городъ былъ взятъ и частію разграбленъ войсками въ противность желанія начальника. Между тѣмъ слухъ о страшныхъ приготовленіяхъ Тиграновыхъ до-

шелъ до ушей Римскаго полководца. Лукуллъ, не желая дать времени Тиграну изготовиться, отважился на такое предпріятіе, которое противно было правиламъ военнаго искуства или вѣрнымъ соображеніямъ. Онъ, оставя Тріарія съ шестію тысячами воиновъ, для удержанія за собою царства Митридатова, съ остальною арміею въ числѣ двадцати тысячь пошелъ въ Арменію. Поспѣшность его въ семъ походѣ была столь велика, что онъ успѣлъ переправиться чрезъ Тигръ и Ефратъ и подойти къ Тиграноцерту прежде, нежели Тигранъ изготовился къ защитѣ. Но надменность сего Государя была еще непростительнѣе, нежели отважность Лукуллова. Онъ столько былъ занятъ своимъ могуществомъ, что первому гонцу, осмѣлившемуся донести о приближеніи Лукулла, приказалъ отрубить голову. Въ слѣдъ за симъ послалъ Митробарзана полководца своего съ корпусомъ войскъ, взять Лукулла и привести живаго. Но такое приказаніе легче было дать, нежели выполнить на дѣлѣ. Митробарзанъ со всѣмъ корпусомъ своимъ былъ изрубленъ. Сія первая неудача устрашила малодушнаго Тиграна. Онъ убѣжалъ изъ столицы

своей; но когда собралось вокругъ его двѣсти тысячь арміи, тогда принялъ опять прежнюю надменность, и въ насмѣшку говорилъ окружающимъ его, что ежели Лукуллъ идетъ къ нему въ родѣ посольства, то свита его очень велика, напротивъ того очень мала для непріятельскихъ дѣйствій.

Лукуллъ, увидя Тигранову армію, предложилъ дѣло свое на разсмотрѣніе военному совѣту. Одни подали мнѣніе, остаться при осадѣ столицы, другіе идти всею силою противъ собравшейся непріятельской арміи. Лукуллъ не принялъ ни одного изъ сихъ мнѣній и, въ надеждѣ на свое щастіе и трусость Тигранову, оставилъ Мурену съ шестію тысячами воиновъ подъ столицею, а самъ съ остальными войсками числомъ менѣе 15 тысячь пошелъ прямо на непріятельскую армію, простиравшуюся до двухъ сотъ тысячь человѣкъ. Одинъ успѣхъ могъ оправдать такую смѣлость. Когда Лукуллъ приблизился къ непріятелю, то увидѣлъ предъ собою рѣку, текущую излучинами. Для отысканія брода, надобно было обходить по симъ излучинамъ. Главнокомандующій далъ

приказъ своей арміи обнажить мечи и, построясь въ боевой порядокъ, пошелъ берегомъ для пріисканія броду.

Тигранъ, видя всѣ движенія Лукулловы, издѣвался въ кругу своемъ надъ его малочисліемъ, и когда примѣтилъ, что Римляне, слѣдуя излучинамъ рѣки, обратились къ нему спиною, тогда, подозвавъ къ себѣ несноснаго по здравому сужденію Таксила, сказалъ ему: видишь ли, что твои непобѣдимые Римляне бѣгутъ отъ насъ? радъ бы я былъ сіе видѣть, отвѣчалъ Таксилъ; но посмотрите, Государь! какъ солнце блеститъ на ихъ оружіи? это доказываетъ, что они приготовились къ бою; въ противномъ случаѣ мечи ихъ должны бы оставаться въ ножнахъ. Таксилъ не успѣлъ договорить послѣдняго слова, какъ первый Римской орелъ обратился лицомъ къ Тиграну. Въ слѣдъ за тѣмъ и вся армія отворотила спину. Устрашенный Государь вскричалъ нѣсколько разъ: они идутъ къ намъ! и началъ поспѣшно готовиться къ бою.

Надобно было имѣть безразсудность Тигранову и смѣлость Лукуллову, чтобъ

сіе рѣдкое въ исторіи дѣло обратить въ пользу Римлянъ. Лукуллъ имѣлъ на каждаго воина по 15 непріятелей, но всѣ они побѣжали, какъ робкіе зайцы, устрашась одного имени Римскаго. Конница первая показала спину и, пробившись сквозь пѣхоту, разстроила оную и облегчила чрезъ то побѣду Римлянамъ. Тигранъ ускакалъ, неожидая свалки, и наткнувшись на дорогѣ на сына своего, принявшаго такія же мѣры къ спасенію, отдалъ ему корону; но сей, признавая такое отличіе опаснымъ въ настоящемъ положеніи, передалъ ее пажу своему, которой и взятъ былъ съ нею въ плѣнъ Римлянами.

Лукуллу приписываютъ особую прозорливость въ томъ, что онъ побѣдилъ двухъ сильныхъ Государей двумя различными способами. Митридатову армію истребилъ отнятіемъ у ней продовольствія, не давая сраженія; а Тигранову смѣлымъ на нея нападеніемъ. Самъ Митридатъ обманулся въ сихъ противныхъ мѣрахъ Лукулловыхъ. Полагая, что сей полководецъ употребитъ и противъ Тиграна тѣже самыя мѣры, не спѣшилъ къ зятю своему на помощь, и ничего

меньше неожидалъ, какъ извѣстія о потерѣ сраженія.

Слѣдствіемъ сей побѣды было взятіе и разрушеніе Тигранокерта. Лукуллъ и здѣсь поступилъ сообразно человѣколюбію, позволя всѣмъ, насильно переселеннымъ въ столицу, возвратиться на свою родину. На другой годъ, Тигранъ и Митридатъ собрали еще новую армію, которая также побита была Лукулломъ, и не много бы оставалось труда окончить войну покореніемъ царства Арменскаго, естьли бы войски, утружденные походами, а еще болѣе того подущенные возмутительными наговорами непріятелей Лукулловыхъ, не отказались слѣдовать за полководцемъ. Главное неудовольствіе ихъ состояло въ томъ, что Лукуллъ не отдавалъ покоренныхъ городовъ на расхищеніе, и слѣдуя древнимъ правиламъ, хотѣлъ содержать войски и подначальниковъ въ безусловномъ къ себѣ повиновеніи. Но время и прошедшія междоусобія измѣнили нравы. Похитители правленія поддерживали власть свою на привязанности къ себѣ войскъ, сыпали предъ ними золото, награждали землями и допускали дѣлать

всякія своевольства. Но подъ начальствомъ Лукулловымъ они должны были исполнять только забытой уже долгъ службы и, при понесеніи тягостныхъ трудовъ, не имѣть надежды на не законную награду; особливо легіоны Фамбріевы, избалованные уже прежними начальниками, первые взбунтовались.

Въ такомъ непріятномъ положеніи изворотливый начальникъ могъ бы кроткими мѣрами, или небольшимъ послабленіемъ, успокоить волненіе умовъ и привести ихъ къ повиновенію. Но Лукуллъ былъ гордъ и далекъ отъ всякой двуличности. Онъ и въ собственномъ своемъ дѣлѣ, когда завистники и стяжатели власти напали на него, пренебрегъ обыкновенныя въ то время искательства, и во все отказался отъ участія въ правленіи, почитая низостію для себя, поддерживать власть свою въ народѣ недостойными его средствами.

Впрочемъ возмущеніе войскъ было послѣдствіемъ не одной гордости и взыскательности Лукулловой по долгу службы, но также и тайныхъ сношеній непріятелей Лукулловыхъ съ арміею и съ

самымъ правительствомъ. Выше было замѣчено, что ростовщики, ограниченные Лукулломъ въ хищеніи своемъ, не имѣя возможности противиться его узаконеніямъ въ Азіи, начали строить козни противъ его въ арміи и въ самомъ Римѣ. Они подкупили ораторовъ и всѣхъ, съ кѣмъ сойтись было можно, клеветать на Лукулла. На площади, въ Сенатѣ и вездѣ говорили, что онъ нѣсколько уже лѣтъ продолжаетъ войну ко вреду правительства для собственнаго своего обогащенія, Щадитъ города и оставляетъ жителямъ имущество, собирая съ нихъ въ собственную свою пользу контрибуціи; и непостыдились говорить, что Лукуллъ, захвативъ въ управленіе почти всю Азію, съ намѣреніемъ старается продлить начальство.

Въ слѣдствіе сихъ наговоровъ состоялось въ 67 годѣ до Р. Х. опредѣленіе, послать на смѣну Лукуллу правителемъ Киликіи Марція Рекса, Консула прошедшаго года; а Вифиніи и Понта дѣйствительнаго Консула Ацилія Глабріона, съ порученіемъ ему окончить войну на Митридата и Тиграна. Легіонамъ же Фамбріевымъ дать отставку.

Въ продолженіе сихъ смятеній Митридатъ и Тигранъ поправились, и успѣли возвратить большую часть отнятыхъ у нихъ владѣній. Тріарій, оставленный Лукулломъ въ Понтѣ, разбитъ былъ на голову Митридатомъ. Лукуллъ находился тогда въ Арменіи и могъ бы во время подоспѣть на помощь, но войски отказались за нимъ слѣдовать; а послѣ хотя и согласились повиноваться, но время было уже упущено. Впрочемъ Лукуллъ все еще могъ бы возвратить потерянное и одержать новыя побѣды надъ Митридатомъ; но войски, будучи извѣщены объ отставкѣ Фамбріевыхъ легіоновъ и о смѣнѣ Лукуллу, перестали ему повиноваться, не почитая его начальникомъ. Они простояли лѣто безъ дѣйствія. Между тѣмъ прибылъ Глабріонъ; но сей Консулъ, не умѣя побѣждать, готовился пожинать только чужіе труды. Когда же оные возмущеніемъ арміи уничтожились, то и Консулъ остался безъ всякаго въ дѣлѣ успѣха.

Вскорѣ послѣ того Помпей, истребившій морскихъ разбойниковъ, выпросилъ себѣ начальство на окончаніе войны съ Митридатомъ. Но прежде, не-

жели приступимъ къ окончанію сей войны, нужно бросить взоръ на внутренніе произшествія въ Римѣ, и на истребленіе Помпеемъ морскихъ разбойниковъ въ то время, когда Лукуллъ одерживалъ побѣды надъ Тиграномъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Совмѣстничество Помпея и Красса. Война противъ морскихъ разбойниковъ, и окончаніе войны противъ Митридата и Тиграна, подъ начальствомъ Помпея. Произшествія 5 лѣтъ, отъ 68 до 63 года до Р. Х.

Помпей и Крассъ, одинъ истребивши Серторіеву партію въ Испаніи, а другой Спартака и сообщниковъ его въ Италіи, прибыли въ Римъ почти въ одно время, имѣя каждый подъ начальствомъ своимъ значительную армію. Оба они хотѣли управлять республикою, но средства, употребляемыя къ тому были различны. Крассъ, хотя оказалъ военныя способности свои на междоусобной войнѣ и противъ Спартака, но ни какъ не могъ равняться оными съ Помпеемъ; за то имѣлъ другія преимущества, ко-

торыхъ у послѣдняго недоставало. Онъ почитался богатѣйшимъ гражданиномъ въ республикѣ, и хотя пріобрѣтеніе имѣнія не дѣлало ему чести, но употребленіе онаго пріятно было народу. Крассъ давалъ бѣднымъ гражданамъ безденежно столы, и кормилъ часто по нѣскольку тысячь человѣкъ; а въ одинъ домашній у него праздникъ подарилъ всѣмъ гражданамъ, принявшимъ подаяніе, жита на три мѣсяца. Сверьхъ того былъ просвѣщенъ науками, краснорѣчивъ, обходителенъ и даже доброхотенъ; не отказывалъ послѣднему гражданину въ поклонѣ, привѣтствовалъ каждаго по имени и ходатайствовалъ за всякаго въ судахъ, когда былъ прошенъ. Такая снизходительность и богатство, доставили ему сильное вліяніе на правительство и приверженность отъ народа.

Помпей напротивъ того былъ важенъ, скрытенъ, рѣдко показывался народу, а и того рѣже бралъ въ дѣлахъ его участіе, но былъ славенъ по военнымъ способностямъ. Оба они въ одно время, въ 70 годѣ до Р. Х. захотѣли просить себѣ Консульства, и безъ труда получили оное, хотя Помпею было не

болѣе 34 лѣтъ отъ роду. Крассъ въ благодарность народу сдѣлалъ богатое угощеніе; а Помпей, завидливый и нетерпящій ни въ комъ превосходства надъ собою, подслужился къ народу во вредъ настоящаго образа правленія. Онъ уничтожилъ Силлино узаконеніе, относительно власти Трибунской, и предоставилъ имъ прежнее право своевольничать. Такъ же отнялъ у Сената судную расправу и раздѣлилъ оную вмѣстѣ съ всадниками. Отъ сего родилась новая вражда между Консулами. Сенатъ прилѣпился къ Крассу, народъ къ Помпею. Всѣ опасались, чтобъ ссора между Консулами не дошла до кровопролитія; ибо они ни тотъ, ни другой нераспускали войскъ своихъ, бывшихъ подъ начальствомъ ихъ въ прошломъ годѣ. Ни какія прозьбы не могли склонить Помпея, примириться съ своимъ товарищемъ; но Крассъ былъ сговорчивѣе. Онъ, вставши съ курульныхъ креселъ своихъ, подошелъ къ Помпею и, простирая къ нему руку, просилъ забыть личныя ссоры. Тщеславіе Помпеево удовлетворилось сею снизходительностію. Онъ подалъ руку Крассу, и народъ, обрадованный примиреніемъ Консуловъ, упросилъ ихъ распустить

свои войски. Вскорѣ послѣ того, за истеченіемъ года, они сложили съ себя Консульство и перешли въ состояніе простыхъ гражданъ.

Около сего же времени морскіе разбойники начали приходить въ силу. Вредное сіе сообщество составилось первоначально изъ Киликійскихъ жителей, которые, воспользуясь внутренними смятеніями въ Царствѣ Сирійскомъ, сбросили съ себя иго слабаго правительства и, построивъ нѣсколько судовъ, начали промышлять грабежемъ и разбоемъ. Они нападали на купецкіе суда, хватали съ береговъ безоружныхъ жителей, и всю награбленную добычу распродавали на островѣ Делосѣ. Случалось въ послѣдствіи, что Римляне скупали на семъ рынкѣ по нѣскольку тысячь невольниковъ. Положеніе Киликіи дѣлало разбойниковъ безопасными отъ нападенія съ твердой земли, ибо проходъ въ оную былъ только тремя ущеліями, которые малымъ числомъ людей защитить было можно. Съ моря же великое множество заливовъ подавало судамъ ихъ безопасное убѣжище.

Кипрскіе и Египетскіе Цари сначала равнодушно смотрѣли на сію, ежедневно возрастающую шайку разбойниковъ, и даже радовались опустошенію чрезъ нихъ беззащитнаго Царства Сирійскаго. Римляне также, по отдаленности сихъ разбойниковъ, необращали на нихъ своего вниманія. Но когда Митридатъ въ первую брань вошелъ въ связь съ сими разбойниками, и подалъ имъ способъ усилиться и затруднить даже Лукулла въ привозѣ моремъ въ Грецію продовольствія, то Силла тогда же замышлялъ о истребленіи сей разбойнической шайки; но другіе гораздо важнѣйшія дѣла, по случаю злодѣйствъ Маріевыхъ, призывали его въ Италію. Въ слѣдъ за тѣмъ междоусобная война и гоненія заставили многихъ, осужденныхъ и разорившихся гражданъ пристать къ Пиратамъ, и снискивать себѣ пропитаніе грабежемъ на морѣ, отъ чего сила разбойниковъ возрасла чрезвычайно. Они раздѣлились на многіе отряды, нападали на города, опустошали берега и привели въ совершенное разстройство морскую торговлю. Кто не хотѣлъ быть ограбленъ, или лишиться корабля или груза, тотъ долженъ былъ заплатить

агентамъ ихъ страховые деньги и взять свидѣтельство, въ противномъ случаѣ неминуемо подвергался ихъ грабительству. Самые флоты Римскіе не могли обезопасить торговли и продовольствія Италіи, ибо разбойники нападали и на военные суда и брали въ плѣнъ начальниковъ.

Столь великая сила морскихъ разбойниковъ обратила наконецъ вниманіе на себя Римскаго правительства. Спустя три года отъ Консульства Помпея и Красса Трибунъ Габиній, вѣроятно по связямъ съ Помпеемъ и врагами Лукулловыми, предложилъ: во первыхъ, отрѣшить Лукулла отъ начальства на войнѣ противъ Митридата, и поручить сіе дѣло Консулу Глабріону; а во вторыхъ, дать Помпею полную власть на истребленіе разбойниковъ. Подъ сею властію разумѣлъ Габиній, дать неограниченное начальство надъ морями на три года съ правомъ, избрать 15 подначальниковъ, вооружить двѣсти кораблей, набирать вездѣ сухопутные войски и матрозовъ, сколько понадобится, получать изъ всѣхъ казначействъ деньги, сколько заблагоразсудится, не означая на какую

именно потребность. Сенатъ ужаснулся отъ сего предложенія, которымъ давалась Помпею полная власть захватить въ свои руки правленіе; но онъ по разномыслію своему не въ силахъ былъ противиться Трибуну; и Габиній, подкрѣпленный многими другими лицами, утвердилъ предложеніе свое.

Въ слѣдствіе сего Помпей, вооруживъ 500 судовъ и набравъ до 120 тысячь пѣшей и конной арміи, раздѣлилъ сію страшную силу на 30 отдѣленій, и разставилъ оную, подъ управленіемъ особыхъ начальниковъ, по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря, начиная отъ Гибралтарскаго пролива до Азіи. Потомъ началъ очищать берега и море отъ самаго пролива, и какъ суда того времени не могли держаться долго на открытомъ морѣ, но плавали всегда въ виду береговъ, то по сему распоряженію Помпееву, разбойникамъ неоставалось мѣста къ убѣжищу. На морѣ сильные флоты гнали ихъ съ Европейскихъ и Африканскихъ водъ къ Азіи; а на сухомъ пути разставленные войски недопускали ни гдѣ пристать къ берегу.

Такимъ образомъ Помпей въ короткое время загналъ всѣ разбойническія суда въ Киликію, единственное ихъ убѣжище. Здѣсь многіе изъ нихъ сдались добровольно, другіе защищались до послѣдней крайности; но всѣ они побѣждены, города побраны, плѣнные невольники, заключенные въ темницахъ, выпущены на волю, а самые разбойники переселены во внутренность Азіи. Три мѣсяца всего употреблено было на истребленіе разбойниковъ, и на возстановленіе на водахъ Средиземнаго моря свободнаго мореплаванія.

Послѣ сего Помпей вмѣшался въ завоеваніе Крита, которое поручено было Метеллу, и послалъ къ нему предложеніе, чтобъ онъ прекратилъ войну, такъ какъ оная, по данной власти на моря, принадлежитъ ему Помпею. Но Метеллъ непослушалъ приказа и, оканчивая свое дѣло, отвергнулъ всѣ представленія присланнаго отъ Помпея чиновника. Споръ о семъ начальствѣ дошелъ до разбора Римскаго правительства. Трибунъ Манлій, желая дать Помпею гораздо важнѣйшее занятіе, предложилъ поручить ему окончаніе вой-

ны на Митридата и Тиграна съ полною властію управлять Азіею, не отнимая начальства и надъ флотомъ. Сіе предложеніе возбудило еще большую опасность въ Сенаторахъ, нежели данная власть на истребленіе Пиратовъ. Но Цицеронъ, добивавшійся тогда на будущій годъ въ Консульство, желая польстить народу и угодить Помпею, поддержалъ предложеніе Трибуна краснорѣчіемъ своимъ. Цесарь также для будущихъ видовъ своихъ, пріучая народъ къ единоначальству, поддержалъ выборъ Помпея вліяніемъ своимъ. Но Помпей притворствомъ своимъ хуже всѣхъ сыгралъ свою ролю. Онъ разжалился, что правительство, обремѣняя его безпрестанно должностями, не даетъ ему времени насладиться домашнею жизнію, и что онъ принимаетъ сіе начальство въ противность сердечнаго желанія, единственно изъ угожденія къ правительству. Впрочемъ къ чести Помпея замѣчаютъ, что онъ сколь ни жаденъ былъ къ славѣ и первенству въ начальствѣ, но неупотребилъ однакожъ во зло довѣренности къ нему народной, и всѣ возложенныя на него должности выполнялъ къ пользѣ своего отечества.

Помпей, вступивъ въ управленіе Азійскихъ дѣлъ, тотчасъ выказалъ низкую черту въ характерѣ своемъ ненавистію къ Лукуллу. Онъ первымъ дѣломъ счелъ, уничтожить всѣ узаконенія Лукулловы, и разослалъ указы, чтобъ ни кто невыполнялъ уже его приказаній, и чтобъ всѣ войски спѣшили стать подъ знамена новаго начальника. Лукуллъ огорчился столь жестокою обидою, захотѣлъ объясниться съ Помпеемъ, которой не отказался отъ свиданія. Но сіе свиданіе началось привѣтствіями, продолжалось укорами и кончилось взаимною ненавистію. Лукуллъ уѣхалъ въ Римъ, а Помпей остался въ Азіи со всѣми сухопутными и морскими силами, какіе имѣлъ подъ начальствомъ своимъ. Ему не трудно было окончить войну съ Митридатомъ одною напольностію. Сей Государь, ослабленный и, можно сказать, побѣжденный уже Лукулломъ, хотя успѣлъ набрать въ продолженіе смятеній въ Римскомъ станѣ новую армію и возвратить часть владѣній своихъ; но когда явился Помпей со всѣми силами своими, то Митридатъ, немогши держаться противъ его ни въ городахъ, ни въ полѣ, потерялъ на валовомъ сраженіи боль-

шую часть арміи, остальная разсѣялась. Самъ Митридатъ успѣлъ спастись бѣгствомъ и, собравъ на дорогѣ часть разбитой арміи своей, намѣренъ былъ скрыться къ зятю своему въ Арменію. Но Тигранъ не впустилъ его въ свои владѣнія. Парфяне такъ же, опасаясь могущества Римскаго, отказали ему въ пособіи. По симъ неудачамъ Митридатъ, лишась надежды возвратить Царство свое, вздумалъ обойти берегомъ на сѣверную сторону Чернаго моря и, подражая Аннибаллу, пройти сухимъ путемъ и открыть войну въ самой Италіи.

Помпей не почелъ за нужное, преслѣдовать тогда побѣжденнаго непріятеля по землямъ неизвѣстнымъ и обратился къ Арменіи. Щастіе и здѣсь облегчило ему побѣду. Тигранъ, вовлеченный въ войну съ Римлянами, нашелъ еще другаго опаснѣйшаго, нежели самые Римляне, врага въ собственномъ семействѣ своемъ. Сынъ его Тигранъ же, женатый на дочери Парфянскаго Царя, вошелъ въ заговоръ противъ отца своего, и набралъ изъ приверженныхъ къ себѣ армію; но будучи побѣжденъ, ушелъ къ тестю своему, которой находился то-

гда съ Помпеемъ въ дружескихъ сношеніяхъ. Молодой Царевичь, получивъ отъ тестя сильное вспоможеніе, вторично открылъ войну на родителя; но и въ сей разъ, не получивъ успѣха, убѣжалъ къ Помпею и ввелъ его во владѣнія отца своего. Тигранъ, устрашенный прибытіемъ Римлянъ и огорченный измѣною сына, безъ бою отдался на волю и великодушіе побѣдителя. Онъ со всею знатнѣйшею свитою, прибывъ къ стану Помпееву, готовъ былъ въ одеждѣ просителя броситься къ ногамъ Римскаго полководца; но Помпей недопустилъ его до такого униженія, посадилъ подлѣ себя, а по другую сторону сидѣлъ законопреступный сынъ сего, надменнаго въ щастіи и малодушнаго въ нещастіи Государя.

Помпей, будучи доволенъ покорностію Тиграна, оставилъ ему всѣ наслѣдственныя владѣнія, отобравъ только завоеванныя имъ земли у Сирійскихъ Царей; а младшему Тиграну опредѣлилъ Царствовать въ Софенѣ съ обѣщаніемъ, по смерти родителя, отдать ему и наслѣдственныя владѣнія. Но молодой Тигранъ остался недоволенъ такимъ раз-

дѣломъ и, желая получить насильно то, чего не дано ему изъ доброй воли, довелъ себя до того, что послужилъ украшеніемъ тріумфу Помпееву.

Аріобарзанъ Царь Каппадокійскій, вѣрный союзникъ Римлянъ, но слабый защитникъ владѣній своихъ, былъ такъ же возстановленъ въ третій уже разъ на Царствѣ своемъ. Когда Помпей занимался сими распредѣленіями Царствъ, Митридатъ былъ еще живъ и готовился, какъ выше замѣчено, открыть войну въ самой Италіи. Помпей пошелъ по слѣдамъ его къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, но встрѣтивъ сильныхъ непріятелей въ Кавказскихъ народахъ и давъ имъ нѣсколько сраженій, отдумалъ преслѣдовать Митридата по такимъ землямъ, на которыхъ Дарій за четыре столѣтія растерялъ свои полчища, и потому возвратился въ Арменію. Вскорѣ потомъ узналъ, что Митридата преслѣдовали собственныя его несчастія. Когда онъ объявилъ походъ въ Италію, войски отказались за нимъ слѣдовать. Къ довершенію же нещастія, сынъ его Фарнакъ, желая подслужиться Римлянамъ, учинилъ заговоръ и подговорилъ

войски отложиться отъ отца своего. Въ сей крайности Митридатъ, будучи всѣми оставленъ и потерявъ надежду на возстановленіе дѣлъ своихъ, рѣшился на послѣднее средство, прекратить навлеченныя властолюбіемъ нещастія свои. Онъ принялъ ядъ, но сей по частому употребленію неподѣйствовалъ. Мечь такъ же по слабости рукъ неоказалъ надлежащей услуги. Къ щастію одинъ воинъ согласился по прозьбѣ Митридата прекратить жизнь его, и тѣмъ избавить отъ постыднаго украшенія собою тріумфа Помпеева.

Таковъ былъ конецъ отличнаго по ненависти къ Римлянамъ Государя. Кажется Римляне, для собственной своей славы, приписали ему такія способности, какихъ онъ неимѣлъ на самомъ дѣлѣ. Митридатъ былъ неистощимъ только въ ненависти своей къ Римлянамъ, въ наборѣ войскъ, часто предаваемыхъ на жертву непріятелю, и въ чрезвычайной жестокости къ роднымъ, подданнымъ и врагамъ своимъ. Онъ подъ личнымъ начальствомъ невыигралъ у Римскихъ полководцевъ ни одного значительнаго сраженія, и нерѣдко первый убѣгалъ съ по-

ля битвы. Въ первую войну при Силлѣ два славныя сраженія, при Херонеѣ и Орхоменѣ, даны были Архелаемъ полководцемъ Митридатовымъ. При Лукуллѣ же не было дано ни одного рѣшительнаго сраженія, и вся армія истреблена недостаткомъ продовольствія. Слѣдовательно нельзя отнести къ искуству Митридатову такихъ распоряженій, отъ которыхъ онъ, безъ бою растерялъ свою армію.

Помпей, по возвращеніи изъ похода на Митридата, не разсудилъ начинать войны съ Парфянскимъ Царемъ Фраатомъ, и примирилъ его съ Тиграномъ. По прибытіи въ Амизъ, принялъ пословъ отъ многихъ Азійскихъ владѣльцовъ и Царей. Царство Понтійское, владѣніе Митридата, превратилъ въ Римскую провинцію; Деіотару, владѣльцу Галло-Греческому, отдалъ Малую Арменію; Архелаю, сыну Архелая полководца Митридатова, далъ Первосвященство въ Команахъ, съ присовокупленіемъ къ прежнимъ владѣніямъ сего чина окружной земли, и распорядивъ другія нужныя дѣла, отправился въ Сирію. Здѣсь, изъ одной ненависти къ предмѣстнику сво-

ему, свергнулъ съ престола возведеннаго Лукулломъ законнаго наслѣдника Антіоха изъ роду Селевкидовъ, и обратилъ Сирію въ Римскую провинцію; а сверженному Государю далъ въ удѣлъ небольшее Царство Комагенское. Потомъ вмѣшался въ ссору двухъ братьевъ, Гиркана и Аристовула, наслѣдниковъ Царства Іудейскаго.

Скавръ, Квесторъ Помпеевъ, прибывъ въ Іудею прежде Помпея, былъ подкупленъ Аристовуломъ, и призналъ его Государемъ. Но Гирканъ, старшій братъ и законный наслѣдникъ, перенесъ дѣло на судъ самаго Помпея, который и присудилъ ему Царство. Но Аристовулъ владѣлъ уже Іерусалимомъ, и не хотѣлъ уступить пріобрѣтеннаго оружіемъ и деньгами права своего. Сія непокорность заставила Помпея приступить къ Іерусалиму. Аристовулъ, желая смягчить грознаго судію, отдался добровольно въ руки Помпею; но жители Іерусалима раздѣлились на двѣ партіи, Аристовулову и Гирканову, изъ коихъ послѣдняя отворила Помпею городъ, а первая заперлась въ храмѣ Іерусалимскомъ, огражденномъ крѣпкою стѣною.

Помпей осадилъ храмъ и чрезъ три мѣсяца взялъ его, истребивъ до 12 тысячь жителей.

Помпей, съ главными чиновниками, полюбопытствовалъ видѣть единственный на землѣ храмъ истинному Богу, вошелъ во внутреннее святилище, гдѣ хранился кивотъ завѣта и, разсматривая все любопытства достойное, удивился, что не было въ храмѣ ни какихъ истукановъ. Къ чести его должно замѣтить, что онъ не коснулся до священныхъ утварей, и позволилъ Первосвященнику, по очищеніи храма, на другой же день начать богослуженіе. Потомъ, возведя на престолъ Гиркана, сдѣлалъ его данникомъ Риму, и отнялъ отъ сего Царства всѣ учиненныя прежними Царями завоеванія, присоединя оныя къ Сирійской провинціи.

Здѣсь къ стати упомянуть, что Помпей, незамѣченный въ личномъ корыстолюбіи, позволялъ однакожъ любимцамъ своимъ стяжать богатства всякими непозволенными средствами. Не говоря о Скаврѣ, Квесторѣ его и другихъ чиновникахъ, замѣченныхъ въ ли-

хоимствѣ, отпущенникъ Димитрій прославился болѣе всѣхъ понаровкою къ нему господина его. Въ числѣ городовъ, отнятыхъ отъ Іудейскаго Царства, находился городъ Гидари, отечество Димитрія. Помпей, по благосклонности къ нему, укрѣпилъ сей городъ новыми стѣнами и увеличилъ жителями. Но заслуживалъ ли Димитрій такую награду, можно видѣть изъ одного случившагося въ тоже время забавнаго приключенія.

Димитрій любилъ вмѣшиваться въ политическія дѣла господина своего, и входилъ во всякія связи съ тѣми лицами, кому нуженъ былъ доступъ до Помпея. По сему многіе города въ Азіи старались задобрить, или подслужиться къ Димитрію. Въ числѣ таковыхъ была и Антіохія, столица Сирійская, и случилось въ то время, когда Антіохійцы дѣлали приготовленіе къ встрѣчѣ Димитрія, Катонъ путешествовалъ по Азіи. Любопытствуя видѣть сей богатый городъ и, подъѣзжая къ нему, встрѣтилъ за воротами множество гражданъ въ нарядномъ платье и предъ ними въ два ряда юношей и дѣвицъ, разставленныхъ по дорогѣ въ бѣлыхъ одеждахъ. Катонъ,

врагъ всякой пышности и ласкательства, внутренно досадовалъ, что дѣлается ему столь нарядная встрѣча; но уважая приличность, велѣлъ свитѣ своей слезть съ лошадей и идти пѣшимъ между долгимъ рядомъ разставленныхъ дѣтей и гражданъ. Подойдя къ воротамъ города встрѣтилъ церемоніймейстера, съ жезломъ въ рукѣ и съ вѣнкомъ на головѣ, которой, сочтя Катона прибывшимъ изъ свиты Димитріевой, спросилъ учтивымъ образомъ: гдѣ вы оставили Димитрія, и скоро ли онъ къ намъ пожалуетъ? Катонъ, пораженный такимъ нечаяннымъ вопросомъ и искательствомъ Сирійской столицы у услуги Помпеева, отвѣчалъ съ досадою: нещастный городъ! но свита его, услышавъ вопросъ, не могла удержаться отъ громкаго смѣха.

На возвратномъ пути Помпей утвердилъ Фарнака, сына и убійцу Митридатова, на Босфорскомъ Царствѣ, въ нынѣшней Таврической области. Потомъ, проѣзжая островами Архипелага и Греціею, сыпалъ милости городамъ, риторамъ и софистамъ щедрою рукою. Прибывъ въ Италію торжествовалъ третій

тріумфъ надъ третіею частію свѣта (*) продолжавшійся два дни и превзошедшій всѣ до того видимыя. Въ семъ послѣднемъ тріумфѣ несены были знаки 15 завоеванныхъ Царствъ, 800 городовъ, 1000 крѣпостей, покоренныхъ Римскому правительству. Въ числѣ нещастныхъ жертвъ, украшающихъ тріумфъ побѣдителя, находились: младшій Тигранъ, наслѣдникъ Царства Арменскаго, Аристовулъ Царь Іудейскій, сестра Митридатова, Царь Комагенскій, и множество заложниковъ отъ разныхъ Царствъ и народовъ сопровождали колесницу тріумвирову. Но побѣдитель не могъ спокойно наслаждаться блестящимъ тріумфомъ своимъ. Муція, супруга Помпеева, вошла въ отсудствіе его въ непозволенныя связи съ Юліемъ Цесаремъ, и заставила торжествующаго Помпея встрѣтить

(*) Первый тріумфъ получилъ Помпей, какъ замѣчено въ своемъ мѣстѣ, при Силлѣ за покореніе въ Африкѣ Нумидійскаго Царства; второй за Испанскую войну въ Европѣ, а третій настоящій за побѣды его въ Азіи. Слѣдовательно Помпей наполнилъ именемъ своимъ всѣ три части извѣстнаго тогда свѣта, будучи еще не старѣе 40 лѣтъ отъ роду.

въ домѣ своемъ сердечную печаль и огорченіе. Въ слѣдъ за тѣмъ и по дѣламъ правительства лавры Помпеевы постепенно увядали отъ поведенія его, несоотвѣтствующаго имени великаго.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Начала жизни и службы Юлія Цесаря. Заговоръ Катилины. Консульство Цицерона и другія внутреннія произшествія послѣднихъ 4 лѣтъ, до Консульства Юлія Цесаря, отъ 63 до 59 года до Р. Х.

Въ то время, когда Помпей судилъ Азійскихъ Царей, отнималъ и роздавалъ Царства по своему произволу, оставшіяся въ Римѣ властолюбцы строили новыя козни къ низпроверженію возстановленнаго Силлою правленія. Юлій Цесарь и Катилина были главными зачинщиками внутреннихъ смятеній; но мѣры, предпринимаемыя ими къ похищенію власти, были весьма различны. Цесарь началъ свое дѣло изъ далека, необнаруживалъ себя явно; но сѣялъ раздоръ стороною и, какъ казалось, намѣренъ былъ пользоваться обстоятель-

ствами и въ общемъ смятеніи захватить въ свои руки правленіе (*). Катилина напротивъ того, распутнѣйшій и безчеловѣчнѣйшій изъ отличныхъ гражданъ того времени, дышалъ только грабежемъ и убійствами, и выдумывалъ средства, какимъ бы образомъ возобновить времена Марія и Силлы.

(*) Какъ Юлій Цесарь, по разнообразности и превосходству дарованій своихъ, стоитъ въ числѣ первыхъ лицъ древней Исторіи, то не мѣшаетъ войти въ нѣкоторыя подробности его службы, и замѣтить отличныя черты въ характерѣ его.

Замѣчено было, что Силла по великимъ прозьбамъ за Цесаря непоставилъ его въ роспись осужденныхъ на смерть, однакожъ Цесарь, непочитая себя безопаснымъ въ Римѣ, удалился въ Азію; тамъ служилъ онъ при Термѣ, былъ дважды у Никомеда Царя Вифинскаго, находился при осадѣ Митилина; потомъ перешелъ въ войски къ Сервилію, дѣйствовавшему въ Киликіи противъ Пиратовъ. Когда же получилъ извѣстіе о смерти Силлы, то немѣшкавъ возвратился въ Римъ, въ надеждѣ употребить въ свою пользу движенія Лепидовы. Но видя неспособность сего Консула и слабость его партіи, не разсудилъ вмѣшаться въ дѣло, худо обдуманное; однакожъ когда партія Лепидова упала, Цесарь ходатайствовалъ за виновныхъ о всеобщемъ прощеніи.

*

Катилина подговорилъ себѣ въ сообщники всѣхъ порочнѣйшихъ людей въ городѣ, отъ чего партія его сдѣлалась ужасна; ибо задолжавшіе граждане, распутное юношество и промотавшіяся

Потомъ, желая обратить на себя вниманіе народа, донесъ на Консула Долабеллу въ лихоимствѣ, будучи еще не съ большимъ 20 лѣтъ отъ роду. Хотя рѣчь его по сему дѣлу могла служить образцомъ краснорѣчія; но Гортенсій и Котта, славнѣйшіе ораторы того времени, спасли подсудимаго. Цесарь, проигравъ процессъ, поѣхалъ въ Родосъ доучиваться краснорѣчію у славнаго учителя Аполлонія. На дорогѣ взятъ былъ морскими разбойниками, которые попросили съ него 20 талантовъ выкупу. Цесарь отвѣчалъ, что они незнаютъ цѣны своему плѣннику, и обѣщалъ дать имъ 50 талантовъ, за которыми и послалъ на берегъ одного изъ бывшихъ при немъ спутниковъ; а самъ остался въ залогѣ у разбойниковъ. Онъ прожилъ на кораблѣ 38 дней, и во все то время поступалъ съ разбойниками, какъ съ подчиненными своими; иногда читалъ имъ стихи сочиненія своего, и когда они оставались равнодушными, то называлъ ихъ невѣждами, иногда же въ шуткахъ грозилъ всѣхъ ихъ перевѣшать. Дождавъ посланнаго за деньгами и расплатясь съ разбойниками, приказалъ высадить себя въ Милетѣ. Коль скоро сошелъ на берегъ, тотчасъ собралъ всѣ су-

солдаты Силлины готовы были подкрѣпить перемѣну въ правительствѣ, чтобъ въ общемъ смятеніи и беспорядкѣ однимъ избавиться отъ долговъ, а другимъ пріобрѣсть новые способы къ мо-

---

да, сколько находилось у пристани, и вооруживъ оные, погнался за разбойниками. Онъ настигъ ихъ при островѣ Артаузѣ, часть судовъ потопилъ, другіе взялъ въ плѣнъ и всѣхъ схваченныхъ разбойниковъ посадилъ въ тюрьму. Потомъ попросилъ у Проконсула указа на казнь колодниковъ; но какъ сей несогласился съ Цесаремъ въ образѣ наказанія и хотѣлъ, для личныхъ выгодъ своихъ, овладѣть кораблями, а людей распродать, то Цесарь, предупреждая изданіе указа, приказалъ по собственному своему приговору разбойниковъ повѣсить, отрубивъ однакожъ напередъ имъ головы.

Пробывши нѣсколько времени въ Родосѣ, Цесарь переѣхалъ опять въ Азію въ то время, когда Митридатъ готовился къ послѣдней войнѣ на Римлянъ. Увидѣвъ въ союзныхъ Риму владѣніяхъ полководца Митридатова съ войсками, Цесарь немедленно набралъ корпусъ и, разбивъ непріятеля, утвердилъ Азійскіе города въ преданности къ Римлянамъ.

По возвращеніи въ Римъ, Цесарь употребилъ всѣ способы къ пріобрѣтенію любви народной и, кромѣ личнаго ходатайства въ судахъ, нажилъ на себя долгу въ корот-

товству и распутству. А чтобъ еще вѣрнѣе имѣть успѣхъ въ семъ злодѣйскомъ предпріятіи, Катилина старался получить себѣ Консульство. Но, къ щастію правительства, участники загово-

---

кое время до 1300 талантовъ. Ни кто не подозрѣвалъ тогда, судя по распутной жизни Цесаревой, чтобъ онъ при таковыхъ расточеніяхъ имѣлъ дальновидныя намѣренія. Получивши первый чинъ военнаго Трибуна, Цесарь защищалъ всею силою своею власть народныхъ трибуновъ. По смерти же супруги Маріевой, Цесарь, какъ ближній родственникъ, осмѣлился нести въ процессіи отличія Маріевы и сказать при погребеніи надгробное слово, въ которомъ напомянулъ слегка о пораженіи супругомъ ея Цимбровъ и Тевтоновъ. Правительство почло сіе за дерзость, но народъ принялъ съ восторгомъ столь отважный и не приличный настоящему времени поступокъ.

Чрезъ нѣсколько времени Цесарь въ должности Квестора отправился въ Испанію и, увидѣвъ тамъ изображеніе Александрово, пожалѣлъ о себѣ, что немогъ ничего отличнаго сдѣлать въ такихъ лѣтахъ, въ которые герой Македонской покорилъ величайшую на землѣ Монархію. Пораженный сею мыслію, выпросилъ себѣ увольненіе отъ должности и, явясь въ Римъ, началъ пользоваться обстоятельствами для приведенія къ концу предпріятія своего.

ра начали прежде времени выказывать надменность свою и грозить будущимъ наказаніемъ. Одна знатная госпожа, по имени Фулвія, замѣтя изъ словъ бывшаго въ заговорѣ любовника своего о

Цесарь, имѣя беспрестанно въ виду намѣренія свои, вздумалъ подъ видомъ поминовенія отцу своему дать гладіаторское сраженіе, на которое выставилъ болѣе трехъ сотъ паръ бойцовъ. Сенатъ вошелъ въ подозрѣніе, что неготовится ли такое множество бойцовъ на другія важнѣйшія дѣла, и запретилъ выставлять впредь столь многочисленныя полчища. Въ слѣдъ за сими потѣхами Цесарь поставилъ ночью въ Капитоліи изображенія Маріевы съ приличными побѣдамъ его надписями. Поупру, при видѣ сихъ изображеній, негодованіе было почти всеобщее, и всѣ винили Цесаря, что онъ приводитъ напамять такое лицо, которое должно предать вѣчному забвенію. Но статуи между тѣмъ остались невредимы, и дѣло о сей дерзости разсматривалось въ Сенатѣ. При семъ случаѣ Катуллъ сказалъ въ собраніи, что время думать Сенаторамъ о своей безопасности, ибо Цесарь не тайными уже подкопами, но явно съ осадными орудіями приступаетъ къ республикѣ. Однакожъ Цесарь краснорѣчіемъ своимъ и сильною партіею въ Сенатѣ довелъ дѣло до того, что оно вмѣстѣ съ замѣчаніями Катулла оставлено безъ вниманія.

предстоящей гибели правительству, разсказала о томъ многимъ знакомымъ своимъ. Сіи вѣсти, хотя невѣрные, тотчасъ разнеслись по городу и были причиною, что при выборѣ Консуловъ Цицерона предпочли Катилинѣ. Впрочемъ нѣкоторые увѣряютъ, что самъ Цицеронъ смастерилъ сію штуку, чтобъ надежнѣе получить себѣ Консульство, однакожъ послѣдствія оправдываютъ его.

Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе жизни сего величайшаго

Послѣ того Цесарь выпросилъ себѣ должность уголовнаго судіи, имѣя въ виду преслѣдовать тѣхъ убійцъ, которые по приговору Силлы казнили осужденныхъ на смерть. Многіе изъ нихъ и дѣйствительно достойны были такого преслѣдованія и наказанія. Но Цесарь наказывалъ сихъ убійцъ не подолгу правосудія, но по личнымъ своимъ видамъ, чтобъ возстановить только партію Маріеву. Доказательствомъ сему служитъ, что Катилина, величайшій изъ всѣхъ злодѣевъ Силлиныхъ времянъ, былъ Цесаремъ оправданъ потому только, что судія имѣлъ виды употребить сего злодѣя орудіемъ будущихъ замысловъ своихъ. Цесарь сдѣлалъ еще болѣе. Онъ поддерживалъ сколько силъ его было Катилину, желающаго получить себѣ Консульство, и отказать въ томъ Цицерону, которой такъ же искалъ сего чина.

въ древности оратора, но нельзя однакожъ оставить безъ замѣчанія Консульства его, прославленнаго имъ нѣкоторыми полезными исправленіями и разрушеніемъ заговора Катилинина. Въ число полезныхъ дѣлъ, совершенныхъ Цицерономъ во время Консульства своего, поставляютъ слѣдующія.

Во первыхъ, Трибунъ Сервій Руллъ предложилъ узаконеніе, разпродать всѣ казенныя земли и движимое имѣніе, доставшееся правительству во всѣхъ частяхъ свѣта по праву завоеваній, и на вырученныя деньги купить у помѣщиковъ потребную часть земли въ Италіи для роздачи бѣднымъ гражданамъ; и чтобъ, для приведенія сего закона въ дѣйство, выбрать изъ гражданъ безсмѣнно на пять лѣтъ десятерыхъ повѣренныхъ съ полною властію разбирать всѣ спорныя дѣла по владѣнію земель, и поручить имъ же продажу казенныхъ имуществъ и управленіе Государственныхъ доходовъ. Благомыслящіе граждане видѣли, что въ семъ предложеніи кроется расхищеніе казенныхъ имуществъ, и новые замыслы къ уловленію правительства въ руки десятерыхъ повѣренныхъ.

Но народъ, обольщенный личными выгодами своими, готовъ былъ подтвердить предложеніе. Оставалось Цицерону истощить все искуство краснорѣчія своего, чтобъ вывести народъ изъ заблужденія, и принудить его отвергнуть опасное для общей пользы предложеніе.

Другое дѣло Цицероново въ защищеніи Рабирія было не меньше важно, когда личная безопасность гражданъ ставится въ непремѣнную обязанность правосудному правительству. Цесарь, отыскивая убійцъ Маріевой партіи, осудилъ на смерть всадника Рабирія, оговореннаго Лабіеномъ въ убійствѣ извѣстнаго по бѣшенству и лютости своей народнаго трибуна Сатурнина, подставки Маріевой. Цицеронъ взялся защищать Рабирія потому, что онъ не былъ убійцею трибуна, а носилъ только отрубленную уже голову напоказъ всему народу. Настойчивость Цесаря въ семъ дѣлѣ была столь велика, что Цицеронъ со всею изворотливостію и краснорѣчіемъ своимъ не спасъ бы подсудимаго, естьли бы Метеллъ Целеръ не помогъ ему. Въ день рѣшительнаго приговора, когда народъ съ оружіемъ въ рукахъ со-

бранъ былъ за городомъ на Марсовомъ полѣ, въ то время по древнему обычаю часть гражданъ со знаменами оставалась на Яникулѣ, для защиты города отъ нечаяннаго нападенія непріятелей, и перемѣнялась для подачи голосовъ по очереди. Но голоса или приговоръ не имѣлъ силы, естьли знамя во время собранія не развѣвалось на Яникулѣ. Метеллъ унесъ сіе знамя, и сею выдумкою заставилъ собраніе разойтись, недавши рѣшительнаго приговора. Лабіенъ и Цесарь, видя столь сильную защиту, нерѣшились возобновить суда, и чрезъ таковое молчаніе избавили Рабирія отъ смерти.

Третьимъ дѣломъ Цицероновымъ можно поставить желаніе его, истребить вкравшееся злоупотребленіе при выдачѣ паспортовъ для путешествій. Сенаторы и другіе знатные граждане, отлучаясь по собственнымъ своимъ дѣламъ въ Грецію, Азію или Африку, брали обыкновенно для проѣзда въ родѣ посольства открытые указы безъ означенія мѣста и времени. Съ такими указами ѣздили другіе по нѣскольку лѣтъ по Европѣ, Азіи и Африкѣ; требовали вездѣ приличнаго достоинству Римскаго посла пріе-

ма, постоя и услуги; а иногда, вмѣшиваясь въ дѣла, умножали состояніе свое. Наконецъ путешествія сіи такъ размножились, что были въ тягость покореннымъ народамъ. Цицеронъ хотѣлъ пресѣчь сіе зло, но одинъ Трибунъ, вѣроятно упрошенный противною стороною, воспрепятствовалъ совершиться опредѣленію, и Цицеронъ принужденъ былъ ограничиться только годичнымъ срокомъ при выдачѣ таковыхъ указовъ.

Тріумфъ Лукулловъ такъ же принадлежитъ къ Консульству Цицерона. Непріятели сего отличнаго правителя Азіи, и побѣдителя Митридата и Тиграна отказали ему въ сей чести, основываясь на послѣдующихъ произшествіяхъ, отъ которыхъ побѣды Лукулловы неполучили ожидаемаго окончанія. Но естьли взять въ соображеніе тѣ малыя пособія, съ какими Лукуллъ совершилъ великія дѣла, и тѣ страшныя силы и способы, какіе даны были Помпею на приведеніе къ концу дѣла Лукуллова, тогда откроется, что побѣды Лукулловы принадлежали собственно его дарованіямъ, а побѣды Помпеевы были плодомъ данныхъ ему великихъ пособій. Лукуллъ, въ Консуль-

ство уже Цицерона въ 63 годѣ до Р. Х. получилъ позволеніе торжествовать побѣды свои. Впрочемъ онъ не могъ имѣть блестящаго для глазъ тріумфа. Нѣсколько носилокъ съ серебромъ и золотомъ, и нѣсколько надписей, означавшихъ суммы, выданныя Помпею на истребленіе Пиратовъ и употребленныя на настоящую войну, составляли главное украшеніе тріумфа. За то Лукуллъ угостилъ народъ съ свойственною ему щедростію. На всѣхъ улицахъ разставлены были столы и шкафы съ кушаньемъ, а на попойку выдано было Греческаго вина до ста тысячь мѣръ.

Послѣ сего Лукуллъ, огорченный ли прошедшими произшествіями, или видя необыкновенную привязанность въ городѣ къ Помпею, или же находя правительство, на партіяхъ и насиліи основанное, отказался отъ всякаго участія въ правленіи и прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, какъ богатый и роскошный хлѣбосолъ, въ кругу друзей своихъ и ласкателей. Ни кто непревзошелъ Лукулла ни роскошью въ столѣ, ни разнообразіемъ чертоговъ, ни великолѣпіемъ убранствъ, ни другими приманчивыми для глазъ, но

вредными для нравовъ заведеніями. Ревнительные аристократы жалѣли, что лишились въ Лукуллѣ самой надежной подпоры противъ угнѣтенія сильнѣйшихъ властолюбцевъ. Но скучалъ ли Лукуллъ званіемъ простаго гражданина, исторія незамѣтила. Но возвратимся къ Цицерону.

Самое важнѣйшее дѣло, совершенное Цицерономъ во время Консульства своего, было открытіе и уничтоженіе возобновленнаго Катилиною заговора на низпроверженіе правительства. Мы уже видѣли, что первые замыслы его были открыты, и послужили Цицерону къ пріобрѣтенію голосовъ на избраніе его въ Консулы. Катилина, потерявъ первую надежду выполнить намѣреніе въ званіи Консула, рѣшился насильнымъ образомъ овладѣть правительствомъ. Онъ накупилъ себѣ множество оружія, подобралъ многочисленную партію подобныхъ себѣ злодѣевъ, разослалъ ихъ по всей Италіи, возмущать народъ противъ правительства и, вошедши въ связь со многими промотавшимися гражданами, положилъ въ общемъ совѣтѣ: зажечь городъ, умертвить противной стороны

Сенаторовъ, Консуловъ, особливо Цицерона, и начать во время пожара общее убійство; между тѣмъ собранной арміи окружить Римъ и перехватывать всѣхъ гражданъ, избѣжавшихъ отъ смерти внутри города. Но ненадѣясь однакожъ на вѣрной успѣхъ въ столь адскомъ умыслѣ безъ власти Консульской, началъ опять просить сего чина. Знатная его порода и родство съ первыми домами, а не менѣе того пронырство и жалобы его, что оглашенъ напрасно отъ завистниковъ своихъ, подавали ему большую надежду къ полученію Консульства. Но Цицеронъ тайно преслѣдовалъ его во всѣхъ ухищреніяхъ. Онъ склонилъ Фулвію и Курія любовника ея на свою сторону, и получилъ чрезъ нихъ вѣрное извѣстіе о всѣхъ лицахъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, и о всѣхъ планахъ, какіе у нихъ были предположены. На канунѣ того дня, въ которой должно совершиться выбору Консуловъ, Цицеронъ исходатайствовалъ опредѣленіе Сената объ отмѣнѣ народнаго собранія. Катилина, встрѣвоженный симъ опредѣленіемъ, на другой день явился въ Сенатъ. Здѣсь Цицеронъ бросился на него съ уликами и укорами своими; но Катилина, съ свой-

ственнымъ злымъ и порочнымъ людямъ бестыдствомъ, опровергъ всѣ улики, укорялъ самаго Цицерона завистію и незнатнымъ произхожденіемъ его, и довелъ наглость свою до того, что Сенаторы спокойно слушали опроверженія, и не могли ни на что рѣшиться.

Катилина, увѣрясь изъ сего присудствія, что одинъ Цицеронъ былъ непреодолимымъ для него противникомъ, рѣшился немѣшкавъ сбыть его съ рукъ. Условленось, убить Консула на Марсовомъ полѣ во время выборовъ. Но Цицеронъ, тотчасъ увѣдомленный о семъ предпріятіи, принялъ къ отклоненію его надлежащія мѣры и, объявя народу объ умыслѣ на жизнь его, довелъ дѣло свое до того, что Мурену предпочли Катилинѣ и избрали въ Консулы. Катилина въ отчаяніи началъ торопить приведеніемъ къ концу злодѣянія своего; роздалъ приказы участникамъ своимъ, кому какое занять мѣсто. Но видно въ заговорѣ гнѣздилось разномысліе. Ночью подкинуты Крассу письма на имя многихъ знатныхъ особъ съ извѣщеніемъ, чтобъ они, на случай предстоящихъ въ городѣ убійствъ, спасали жизнь свою.

Крассъ, встрѣвоженный столь ужаснымъ извѣстіемъ, того же часу далъ знать Марцеллу, Метеллу Сципіону, и всѣ трое той же ночи вручили подкинутые письма Консулу. Цицеронъ немедленно созвалъ Сенатъ, и въ общемъ присудствіи роздалъ письма каждому по надписи. Прочитавъ каждой свое письмо вслухъ, нашли во всѣхъ одно и тоже напоминаніе о скорѣйшемъ скрытіи изъ города. Цицеронъ воспользовался минутою общаго страха и получилъ себѣ Сенатское опредѣленіе: пещись о спасеніи отечества. Въ слѣдствіе сего далъ приказъ набирать войски въ городѣ, а прибывшимъ изъ Киликіи и изъ Крита, и стоявшимъ за городомъ въ ожиданіи тріумфовъ, двумъ корпусамъ подъ начальствомъ Марція Рекса и Метелла Критскаго, приказалъ выступить, одному къ Фелузамъ, а другому къ Апуліи. Сверьхъ того два претора, Помпей Руффъ и Метеллъ Целеръ, отправились съ своими корпусами одинъ къ Капуѣ, а другой въ Пиценъ. Самый Римъ приведенъ былъ въ осадное положеніе. Вездѣ разставлены были отряды для наблюденія тишины и порядка.

Послѣ такихъ распоряженій не нужно напоминать, что весь городъ приведенъ былъ въ движеніе и опасность. Бдительность со стороны правительства и беспокойство гражданъ умножались ежечасно. Катилина видя, что дѣло въ городѣ почти потеряно, отважился на послѣднюю крайность: убить Цицерона. Два всадника взялись совершить сіе злодѣяніе. Но Цицеронъ, увѣдомленный ночью чрезъ Фулвію, заперъ отъ нихъ ворота, и тѣмъ спасъ себя отъ смерти. Поутру созвалъ Сенатъ. Катилина опять явился. Цицеронъ напустилъ на него и произнесъ ту сильную рѣчь, которая начинается сими словами: „Доколѣ будешь Катилина возло употреблять терпѣніе наше.“ Катилина вздумалъ оправдываться. Но какъ дѣло было очень гласное, и большая часть Сенаторовъ пришли въ явное негодованіе, то Катилина, вышедши изъ Сената, той же ночи скрылся изъ города къ собранной Манліемъ арміи, наказавъ оставшимся сообщникамъ своимъ довершить предпріятіе, то есть, зажечь городъ и убить Консуловъ. Сенатъ, извѣстясь о бѣгствѣ Катилины и о собранной Манліемъ арміи, объявилъ ихъ врагами оте-

чества, и опредѣлилъ Антонію, товарищу Цицеронову, выступить съ арміею противъ Катилины, а Цицерону остаться для защиты города.

Сообщники Катилинины старались между тѣмъ усилить партію свою. Они пригласили пословъ отъ Аллоброговъ, народа Галлическаго, войти съ ними въ союзъ. Послы дали слово Лентулу, начальнику по Катилинѣ; но послѣ раздумали, что ежели заговоръ неполучитъ успѣха, то народъ ихъ подвергнется жесточайшему наказанію. Въ семъ раздумьѣ объявили они о сношеніяхъ съ Лентуломъ Фабію Сангѣ, покровителю своему, а сей немедленно донесъ Цицерону. Консулъ далъ наставленіе посламъ, играть притворную ролю и, для лучшаго яко бы удостовѣренія соотечественниковъ своихъ, выманить отъ начальниковъ заговора собственноручныя письма. Всѣ главные участники: Габиній, Лентулъ, Цетегъ, Статилій, кромѣ Кассія, согласились удовлетворить пословъ въ ихъ прозьбѣ, и сверьхъ того, къ большему удостовѣренію, положились провести ихъ на обратномъ пути въ станъ Катилины, чтобъ заключить съ нимъ настоя-

щій союзный договоръ. Въ проводники дали имъ Кротонскаго жителя Вултурція, и приказали той же ночи выѣхать изъ города. Въ слѣдъ за тѣмъ заговорщики распредѣлили себѣ должности. Статилій и Габиній взялись зажечь городъ, для чего и запаслись достаточнымъ количествомъ горючихъ веществъ. Цетегъ принялъ на себя убить Консула, прочіе другихъ начальниковъ. Катилина же долженъ былъ подойти къ Риму и перехватывать всѣхъ, избѣжавшихъ смерти въ городѣ.

Цицеронъ, увѣдомленный о всѣхъ распоряженіяхъ, поставилъ у моста, чрезъ который надлежало проѣзжать посламъ, сильную засаду, и захватилъ весь обозъ съ послами и Вултурціемъ. Получивъ въ свои руки желаемыя письма, тотчасъ послалъ за тѣми начальниками, которые ихъ писали. Лентулъ, Габиній, Цетегъ и Статилій, незная о перехваченіи пословъ, сами явились и были представлены Сенату съ собственноручными ихъ письмами. Вултурцій за обѣщанное ему прощеніе объявилъ тѣ подробности заговора, которые были ему извѣстны. Прочіе заговорщики, на

очной ставкѣ съ послами и по собственнымъ ихъ письмамъ, были уличены въ преступленіи. Оставалось совершить надъ ними приговоръ. Дѣло было очень хлопотливое. Сенатъ неимѣлъ власти осудить на смерть гражданина. Сіе право по законамъ принадлежало народному собранію. Но предоставить оному преступниковъ было опасно, ибо они имѣли въ городѣ сильную партію, которая готовилась уже силою освободить колодниковъ. Въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Цицеронъ, въ день изобличенія преступниковъ, говорилъ рѣчь народу, увѣдомя о всемъ произходившемъ въ Сенатѣ.

На другой день представленъ былъ въ Сенатъ нѣкто Тарквицій, схваченный на дорогѣ въ Етрурію. Онъ показалъ при допросѣ, что посланъ былъ къ Катилинѣ отъ Красса. Показаніе его признано ложнымъ и произвело многоразличныхъ сужденій. Одни думали, что то была хитрость Антоніева, которой для спасенія колодниковъ вздумалъ примѣшать къ дѣлу столь сильнаго гражданина; другіе полагали, что самъ Цицеронъ подставилъ Тарквиція, чтобъ не-

допустить Красса до защиты преступниковъ. Дѣло осталось невыяснено.

На третій день Консулъ опять созвалъ Сенатъ для рѣшительнаго приговора. Силанъ, назначенный въ Консулы, первый подалъ мнѣніе, лишить жизни преступниковъ; большая часть Сенаторовъ пристали къ его мнѣнію; но Цесарь подалъ голосъ, что такое опредѣленіе противно закону и опасно для будущихъ послѣдствій, доказывая примѣрами изъ исторіи, сколь гибельна сія власть въ рукахъ судей несправедливыхъ; потомъ совѣтовалъ преступниковъ предать тюремному заключенію. Оставалось рѣшить споръ Катону, сему неумолимому гонителю пороковъ и твердому защитнику закона. Рѣчь его, произнесенная по сему случаю въ Сенатѣ, отличается сильными укорами на развращеніе нравовъ и на пренебреженіе законовъ. Онъ прямо говорилъ Сенаторамъ, что они болѣе думаютъ о своихъ домахъ и картинахъ, нежели о правительствѣ, и предавшись роскоши и корысти, сами навлекли на себя всѣ настоящія бѣдствія; далѣе доказывалъ, съ какимъ неистовствомъ честолюбцы похищаютъ должно-

сти, награды и отличія, принадлежащія однимъ истиннымъ заслугамъ; а потому полагаетъ, что настоящее злодѣяніе есть плодъ неправосудія и развращенія самаго правительства; въ заключеніе же удивлялся тому милосердію, какое хотятъ оказать самымъ лютѣйшимъ злодѣямъ своего отечества; напротивъ того отказываютъ въ правосудіи по самымъ справедливымъ жалобамъ вѣрнымъ союзникамъ своимъ. Сія колкая, впрочемъ справедливая рѣчь, заставила замолчать Цесаря и помогла Цицерону осудить преступниковъ. Всѣ они той же ночи были удавлены въ темницахъ, а вмѣстѣ съ казнію ихъ разсѣялась и вся злоумышленная партія въ городѣ.

Катилина такъ же недолго держался по паденіи въ Римѣ участниковъ своихъ. Онъ имѣлъ подъ начальствомъ своимъ не болѣе двухъ легіоновъ, изъ которыхъ четвертая часть вооружена была по военному; а прочіе три части имѣли оружіемъ одни копья, рогатины и дубины. Не надѣясь съ такою шайкою пріобрѣсть побѣды, онъ вздумалъ бѣжать въ Галлію; но былъ встрѣченъ на дорогѣ Метелломъ Целеромъ, и настиженъ

Консуломъ Антоніемъ. Оставалось, или пасть съ оружіемъ въ рукахъ, или здаться на волю правительства. Катилина избралъ первое, и продалъ жизнь свою какъ преступникъ, неожидающій себѣ ни какой пощады. Вся партія его послѣдовала примѣру начальника. Ни одинъ Римлянинъ не отступилъ назадъ и не отдался въ плѣнъ. Всѣ легли на мѣстѣ битвы. Самъ Катилина найденъ впереди между трупами пораженныхъ имъ непріятелей.

Такимъ образомъ кончился заговоръ величайшій и опаснѣйшій изъ всѣхъ, бывшихъ до того въ Римской исторіи. Бдительности и искуству Цицеронову принадлежитъ честь въ спасеніи правительства. Онъ прозванъ отцемъ отечества, и воздано благодареніе Богамъ за спасеніе Рима.

Римляне неуспѣли еще успокоиться отъ прошедшей опасности, какъ Юлій Цесарь и началъ строить новые козни противъ правительства. Народные трибуны изъ партіи Катилининой, подкрѣпленные Цесаремъ, явно возстали на Цицерона въ томъ, что онъ безъ на-

роднаго суда и слѣдствія казнилъ преступниковъ, и запретили ему при окончаніи Консульства своего говорить рѣчь народу, позволя только дать присягу, что онъ во время правленія своего не сдѣлалъ ни чего противнаго законамъ. Но изворотливый Цицеронъ, въ отмщеніе трибунамъ, поклялся въ томъ, что онъ спасъ отечество.

На другой годъ Юлій Цесарь, поступившій въ Преторы и въ тоже время получивъ чинъ великаго Первосвященника, подалъ Сенату справедливую причину опасаться новаго смятенія. Катонъ, предвидя опасность настоящему образу правленія и желая защитить правительство отъ нападенія Цесаря, представилъ себя въ народные трибуны. Онъ въ достиженіи сего чина неслѣдовалъ обыкновенію своего времени, неискался въ пріятеляхъ, не сыпалъ денегъ народу и неупрашивалъ никого о подачѣ голосовъ въ свою пользу. Но подражая предку своему Катону Цензору, явясь на площадь, повелительно требовалъ себѣ трибунства. Народъ, не смотря на столь гордое предложеніе, предпочелъ Катона всѣмъ кандидатамъ, и

радовался вообще съ Сенатомъ, что сей непоколебимый въ правосудіи мужъ беретъ на себя должность защитника законовъ и правъ народныхъ.

Предчувствіе Сената вскорѣ сбылось на самомъ дѣлѣ. Цесарь, по вступленіи въ должность, въ первые же дни донесъ на Катулла, самаго почтеннаго и всѣми уважаемаго Сенатора, въ похищеніи казны, употребленной подъ надзоромъ его на возобновленіе Капитоліи, и предложилъ окончаніе работъ возложить на Помпея. Весь Сенатъ вступился за обвиняемаго, и принудилъ Цесаря оставить сей постыдный доносъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ Цесарь подговорилъ одного Трибуна Метелла Непота, возобновить доносъ на Цицерона въ наказаніи преступниковъ безъ приговора народнаго собранія, и предложить о возвращеніи Помпея съ арміею для возстановленія тишины и добраго порядка въ Италіи. Всѣ видѣли уловку Цесареву, что онъ, выставляя Помпея, хотѣлъ отдѣлить его отъ Сената, и прикрывалъ именемъ его собственные свои замыслы. Катонъ вооружился противъ

сихъ наглостей и, признавая поступокъ Цицероновъ дѣломъ всего Сената, избавилъ его на время отъ несправедливыхъ на него нападковъ. О возвращеніи же Помпея съ арміею въ Римъ, дружески уговаривалъ трибуна, товарища своего, отстать отъ сего противнаго законамъ предложенія, доказывая, что когда войски Помпеевы войдутъ въ Римъ съ начальникомъ своимъ не гражданами, но солдатами, тогда не законы, но воля сильнаго управлять будетъ правительствомъ. Но Трибунъ Метеллъ не думалъ о справедливости. Онъ рѣшился силою утвердить предложеніе свое.

Въ день собранія голосовъ по сему дѣлу Метеллъ разставилъ на площади вооруженныхъ рабовъ, гладіаторовъ и чужестранныя войски; сверхъ того вспомоществуемъ былъ всею властію Цесаря. Катонъ съ однимъ изъ товарищей своихъ Муціемъ Термомъ, пришелъ такъ же на площадь и, окинувъ глазами на всѣ стороны, увидѣлъ, что всѣ мѣста и выходы заняты вооруженными людьми, а Метеллъ съ Цесаремъ рядомъ сидятъ на кафедрѣ; тогда, обратясь къ небольшему числу гражданъ провожавшихъ его,

сказалъ: какая низость въ Метеллѣ! собрать столько вооруженныхъ людей на одного безоружнаго, и пошелъ къ своему мѣсту. Стража разступилась, но дала пройти только Катону съ товарищемъ и съ однимъ пріятелемъ. Катонъ, взойдя на кафедру, сѣлъ между Метелломъ и Цесаремъ въ томъ намѣреніи, чтобъ они не могли сговариваться между собою. Когда Метеллъ приготовился читать опредѣленіе, Катонъ вырвалъ оное изъ рукъ, а товарищь его Термъ зажалъ ротъ Метеллу, чтобъ онъ непрочиталъ наизусть. Тогда Метеллъ подалъ знакъ своей стражѣ. Туча камней полетѣла на Катона. Народъ, собравшійся на площадь, разбѣжался. Консулъ Мурена, видя Катона въ опасности, прибѣжалъ къ нему на помощь и, покрывъ своею тогою, отвелъ въ храмъ Касторовъ. Метеллъ воображая, что одержалъ побѣду, распустилъ свою стражу и началъ предлагать узаконеніе. Разбѣжавшіяся граждане тотчасъ воротились и, угрожая Метеллу, заставили его самаго убѣжать съ кафедры. Тогда Катонъ опять явился, и приличною обстоятельствамъ рѣчью успокоилъ собраніе. Сенатъ, подкрѣпленный твердостію Катона, поручилъ Кон-

суламъ пещись о безопасности города; а Цесарю и Метеллу запретилъ исправлять свои должности. Метеллъ, угрожая Помпеемъ за причиненное ему оскорбленіе, выѣхалъ изъ города; а Цесарь, отославъ ликторовъ, заперся въ своемъ домѣ. Сенатъ, не ожидая отъ Цесаря такой умѣренности, возвратилъ ему должность, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнилъ опредѣленіе и на Метелла.

Прибытіе изъ Азіи Помпея, и тріумфъ Метелла Критскаго, остановили на короткое время внутренніе раздоры, но произвели новую опасность по случаю прибывшей съ Помпеемъ сильной арміи. Однакожъ Помпей не былъ расположенъ овладѣть правительствомъ вооруженною рукою, и желая отвратить отъ себя всякое подозрѣніе, тотчасъ распустилъ свою армію, хотя бы и слѣдовало ей оставаться при немъ до окончанія тріумфа. Естьли бы Помпей остановился на семъ, по тогдашнему времени, великодушномъ поступкѣ, то могъ бы частію загладить прошедшую зависть свою къ знаменитымъ сослуживцамъ, и удержать при себѣ титло великаго, хотя несовершенно имъ заслуженное. Но

сей щастливый полководецъ, съ посредственными гражданскими способностями, вздумалъ вмѣшиваться въ правленіе и властію своею нарушать законы, и безъ того уже ослабленные. Онъ, располагаясь возвести на будущій годъ въ Консулы Пизона любимца своего, написалъ въ Сенатъ, чтобъ отложить избраніе Консуловъ до его прибытія. Многіе Сенаторы готовы были согласиться на сію прозьбу; но Катонъ, почитая законъ выше самовольно присвоенной власти главнокомандующаго, отказалъ Помпею въ его требованіи. Впрочемъ Пизонъ, хотя и незаслуживалъ Консульскаго достоинства, но изъ уваженія къ Помпею былъ избранъ въ сіе званіе.

Другое дѣло, неважное по началу, но великое по слѣдствіямъ, обратило на себя вниманіе всего города и правительства. Клодій, дерзкій, распутный и порочный гражданинъ, по любовнымъ связямъ своимъ съ Цесаревою супругою, вошелъ къ ней въ домъ въ женскомъ одѣяніи во время совершенія таинствъ богинѣ благости Онъ былъ узнанъ и преданъ суду, какъ осквернитель святыни. При слѣдствіи оказался онъ виновнымъ

и въ другихъ самыхъ мерзостныхъ преступленіяхъ, за которыя долженъ былъ по законамъ заплатить своею жизнію. Онъ употребилъ всѣ средства къ спасенію себя, но ни что не помогало. Наконецъ упросилъ Красса спасти его. Сей богатый честолюбецъ, по сильнымъ прозьбамъ вмѣшался въ самое законопреступное дѣло и, соглася всѣхъ судей, довелъ дѣло Клодіево до того, что онъ по суду былъ оправданъ. Добрые Сенаторы и граждане ужаснулись такого суда, которымъ законы и честность поставлены въ ничто, а порокъ самый ужаснѣйшій сдѣланъ торжествующимъ надъ справедливостію.

Помпей, по совершеніи тріумфа, предложилъ Сенату подтвердить безусловно всѣ узаконенія и распоряженія его въ Азіи, и наградить служившихъ подъ начальствомъ его воиновъ землями, хотя и безъ того выдалъ имъ уже въ награду каждому по 1500 сестерцій. Катонъ опять вступился за право правительства. Онъ вывелъ изъ усыпленія Лукулла, пригласилъ Метелла Критскаго и Красса, изъ коихъ первые двое были жестоко обижены Помпеемъ, а пре-

тій завидовалъ славѣ его, и будучи подкрѣпленъ сверьхъ того Метелломъ Целеромъ, обратилъ дѣло Помпеево на разсмотрѣніе Сената. Требованіе главнокомандующаго само по себѣ было несправедливо, ибо онъ изъ одной зависти къ Лукуллу уничтожилъ въ Азіи всѣ постановленія сего отличнаго правителя. По сему случаю Лукуллъ вошелъ съ представленіемъ въ Сенатъ, и просилъ разсмотрѣть каждую статью порознь, какіе изъ его узаконеній заслуживаютъ быть уничтожены, и какіе изъ Помпеевыхъ достойны утвержденія, доказывая, что подтверждать безусловно и безъ разсмотрѣнія всѣ учрежденія Помпеевы значитъ, дѣлать его неограниченнымъ законодателемъ въ противность правъ Сената и народа. Такое разсмотрѣніе необѣщало Помпею желаемаго успѣха, по чему онъ, оставя сіе требованіе, обратился къ другому: къ раздѣлу земель его воинамъ. Но и въ семъ дѣлѣ встрѣтилъ сильное себѣ препятствіе. Трибунъ Флавій, предложившій дѣло Помпеево и увидя сильное противорѣчіе со стороны Консула Метелла, отважился посадить его въ тюрьму. Сенатъ добровольно послѣдовалъ за Консуломъ, въ

намѣренiи открыть засѣданiе свое въ темницѣ. Помпей, пристыженный симъ поступкомъ, приказалъ Флавiю выпустить Консула, и отложить до другаго времени узаконенiе свое.

Такимъ образомъ Помпей, неполучивъ успѣха въ требованiяхъ своихъ, началъ жалѣть, что распустилъ войски и незаставилъ правительство силою оружiя подтвердить узаконенiя свои. Между тѣмъ Юлiй Цесарь, будучи послѣ Преторства своего правителемъ въ Испанiи, прибылъ къ Риму въ намѣренiи просить себѣ Консульства. Ему слѣдовало получить трiумфъ за отличныя побѣды; но какъ для сего надобно было оставаться за городомъ, а искателямъ Консульства быть лично въ Римѣ, то Цесарь пожертвовалъ суетнымъ блескомъ такому званiю, въ которомъ надѣялся получить гораздо большiя выгоды. Прибывши въ Римъ онъ увидѣлъ Помпея, скучающаго о потерянномъ къ себѣ уваженiи, и Красса, алчущаго первой степени безъ потребныхъ къ тому дарованiй, и борющагося съ величiемъ Помпеевымъ. Онъ вздумалъ согласить ихъ пользы и, поставя себя посредникомъ между ими,

употребить обоихъ орудіемъ къ своему возвышенію. Въ семъ намѣреніи пошелъ онъ къ тому и къ другому, доказалъ обоимъ, сколь безразсудно и вредно имъ ссорится между собою, и сколько напротивъ того полезно будетъ, когда они будутъ дѣйствовать за одно и помогать другъ другу во всѣхъ предпріятіяхъ. Къ симъ обоюднымъ пользамъ предложилъ и свои, и успѣлъ заключить съ ними союзной договоръ такого содержанія, чтобъ всѣмъ троимъ дѣйствовать за одно, непропускать ни какого узаконенія, естьли оно будетъ противно общей ихъ пользѣ, и подтвердить узаконенія Помпеевы въ Азіи.

Сей договоръ сначала положено было держать нѣсколько времени въ тайнѣ, и открыть его въ то время, когда усилятся въ правительствѣ. Однакожъ Катонъ и Цицеронъ проникли въ намѣренія Цесаревы, и предвидѣли всю опасность послѣдствій; но они были безсильны разорвать дружбу между тремя первостатейными гражданами. Цицеронъ даже имѣлъ неудовольствіе замѣтить къ себѣ холодность Помпееву. Катонъ былъ спокойнѣе. Онъ ни въ

комъ неискался, и незанимался ни чьемъ къ себѣ расположеніемъ.

Цесарь, составя тріумвирство на порабощеніе отечества, несомнѣвался уже въ полученіи Консульства; но заботился болѣе о томъ, чтобъ выбрать такого товарища, который не могъ бы препятствовать дальновиднымъ намѣреніямъ его. Сенатъ напротивъ того зная, какъ Цесарь велъ себя въ должности Едила и Претора, весьма опасался его Консульства; но будучи невластенъ отказать ему, старался подставить въ товарищи такого мужа, который бы преданъ былъ пользамъ Сената и настоящаго образа правленія. Въ семъ намѣреніи Калпурній Бибулъ нарѣченъ былъ вмѣстѣ съ Цесаремъ въ Консулы. Но какъ сіе Консульство, и особо выдуманное Цесаремъ тріумвирство, измѣнили образъ правленія и приближили его къ самодержавному, то мы отнесемъ произшествія сего года въ особое и послѣднее отдѣленіе, содержащее въ себѣ превращеніе вельможенароднаго правленія въ единоначальное.

Конецъ четвертой части.

ИМЕНА ОСОБЪ

Благоволившихъ подписаться на полученіе

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Въ Санктпетербургѣ:

Его Высокопревосходительство Дмитрій Прокофьевичь Трощинской.

Его Превосходительство Иванъ Савичь Горголій.

Его Превосходительство Иванъ Ивановичь Мартыновъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Алексѣевичь Взмѣтневъ 2 экз.

Его Высокоблагородіе Александръ Ивановичь Галичь.

Его Высокоблагородіе Василій Сидоровичь Плѣтеневъ.

Его Высокоблагородіе Ефимъ Андрѣевичь Желѣзновъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Естигнѣевичь Тукмачевъ.

Его Высокоблагородіе Константинъ Кириловичь Яновской.

Его Благородіе Андрей Федоровичь Правотарховъ.

Его Благородіе Яковъ Ивановичь Цѣхановѣцкій.

Его Благородіе Николай Павловичь Гертовъ.

С. Петербургской первостатейной купецъ Николай Ивановичь Кусовъ.

С. Петербургской купецъ Андрей Ивановичь Касиковской 2 экз.

С. Петербургской купецъ Николай Ивановичь большей Меншуткинъ.

С. Петербургской купецъ Иванъ Андрѣевичь Брилинъ 2 экз.

С. Петербургской купецъ Анисимъ Ивановичь Касиковской.

С. Петербургской купецъ Иванъ Николаевичь Кувшинниковъ 2 экз.

С. Петербургской купецъ Гаврила Николаевичь Кувшинниковъ.

С. Петербургской купецъ Иванъ Федоровичь Маковкинъ.

С. Петербургской купецъ Федоръ Владимировичь Холшевниковъ.

С. Петербургской купецъ Никаноръ Федоровичь Мошнинъ.

Фатежской купецъ Гаврила Ивановичь Харичковъ.

Фатежской купецъ Яковъ Варламовичь Ледовской 2 экз.

Ростовской купецъ Иванъ Васильевичь Хлѣбниковъ.

Ржевской купецъ Иванъ Яковлевичь Филатовъ.

Ржевской купецъ Василій Степановичь Бѣляевъ.

Неизвѣстныя особы 2 экз.

Въ Библіотеки для чтенія:

Ивану Петровичу Глазунову 10 экз.
Александру Филиповичу Смирдину 10 экз.

Изъ Москвы свѣденія недоставлено.